

Родная ДАДОГА

№ 3(5)' 2008

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

издается ежеквартально
при участии:

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Послание Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II в связи
со столетием преставления
святого праведного
Иоанна Кронштадтского

Просвещение в России:
традиции и вызовы
нового времени
*По материалам Общественно-
педагогического форума
11–12 апреля 2008, СПб.*

Архиепископ Тихвинский
КОНСТАНТИН
День Победы
*О значении для современности
проповеднического и пророческого
подвига святого праведного
Иоанна Кронштадтского*

Валерий ГАНИЧЕВ
Афон. Молитвы и надежды

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь правления СП России.

ДУНАЕВ Михаил Михайлович (Москва) — профессор Московской Духовной Академии, доктор богословия, доктор филологических наук.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь правления СП России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь правления СП России, гл. редактор журнала «Благодатный огонь».

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель правления СП России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — гл. редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — председатель совета Собора православной интеллигенции, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕСТВИЦА

Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в связи со столетием преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского... 5

История и современность

Архиепископ Тихвинский Константин. День победы. О значении для современности проповеднического и пророческого подвига святого праведного Иоанна Кронштадтского 10

ПОЭЗИЯ

Владимир Костров.....	34
Юрий Лощиц	43
Сергей Поликарпов.....	47
Геннадий Фролов	85
Светлана Сырнева	88
Евгений Юшин	93
Алексей Шорохов.....	142
Михаил Неквас	145
Владимир Молчанов	155
Валерия Салтанова.....	159
Анатолий Белов.....	161

ВЪХИ

Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени
По материалам Общественно-педагогического форума
11–12 апреля 2008, Санкт-Петербург 37

Русский паломник

Валерий Ганичев. Афон. Молитвы и надежды..... 51

ПРОЗА

Священник Ярослав Шипов. Лодки. <i>Рассказы</i>	61
Николай Иванов. Золотистый-золотой. <i>Рассказ</i>	148
Борис Споров. За пьяной рекой. <i>Повесть</i>	166

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	74
--	----

Родная РЕЧЬ

Виктор Лихоносов. Мой Бунин	98
-----------------------------------	----

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Владимир Варава. Философия Отчего Края	103
--	-----

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валерий Сдобняков. И просто — жить	110
--	-----

Славянское БРАТСТВО

Галина Вовченко-Керуцкене. Русский язык на Украине.....	152
---	-----

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Николай Рачков. Книга о Патриархе	205
---	-----

ДЕЯТЕЛИ

Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в связи со столетием преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского

Преосвященные архипастыри, досточтимые отцы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

20 декабря по старому стилю 2008 года исполняется сто лет со дня блаженной кончины великого подвижника благочестия, мудрого и богоспросвещенного пастыря, почитаемого всем нашим народом — святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Жизнь этого дивного угодника Божьего с самых юных лет и до времени преставления являет нам чудный образец беззаветного служения Богу и Церкви.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский родился 19 октября 1829 года в селе Сура Архангельской губернии в семье бедного дьячка. Будущий великий пастырь был плотью от плоти простого народа. Со дней юности своей он познал все невзгоды и лишения, скорби и надежды соотечественников, трудившихся в непростых условиях Русского Севера.

Господь, предызбавший отца Иоанна от чрева матери его, таинственным образом указал, что новорожденный младенец будет в Таинствах Церкви обретать себе помощь и утверждение, укрепляясь в своем восхождении от силы в силу в «познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего» (2 Пет. 1:2).

Будучи от рождения весьма болезненным младенцем, чье здоровье внушало родителям опасение за жизнь чада, он обрел исцеление посредством совершенного ранее положенного срока Крещения.

В шесть лет от роду отрок Иоанн сподобился видения Ангела-хранителя, и эта живая, действенная связь с духовным миром сохранялась у него на протяжении всего его жизненного пути. Угодник Божий всегда ясно ощущал помощь, ниспосылаемую ему свыше, и посему являл всем зримую силу веры, поражающую своим величием всякого человека, которого Господь сподоблял среди житейских тревожений встретиться с Кронштадтским пастырем.

Забота о людях была делом всей жизни святого праведного Иоанна. Еще будучи студентом семинарии он желал скорее прервать обучение и занять место псаломщика, нежели сознавать, что его мать пребывает в нужде, и только слезные просьбы родительницы убедили его не оставлять учебы и продолжить образование в Санкт-Петербургской Духовной Академии, где вместе с обучением он успевал трудиться на канцелярском поприще, чтобы не оставить без средств к существованию свою любимую мать.

По окончании Академии Иоанн Сергиев был посвящен в сан священника и определен на служение в Кронштадтский Андреевский собор. Господь призвал отца Иоанна на многотрудное и ответственное служение. Кронштадт был местом высылки людей, опустившихся на дно жизни, и потому пороки пропитывали саму атмосферу города. В этой среде дошедших до крайней степени отчаяния и греховности людей Кронштадтский пастырь явился глашатаем Истины Христовой и свидетелем беспредельной Божественной Любви ко всем скорбящим и обремененным. «Нужно любить всякого человека и в грехе его и в позоре его. Не нужно смешивать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем», — говорил он.

Церковно-общественная жизнь во второй половине XIX — начале XX веков была сложна и противоречива. С одной стороны, чувствовался религиозный подъем, с другой — духовная инертность и социальная нестабильность. Многие понимали, что именно Церковь может внести ясность в жизнь России, помочь разуверившимся во всем людям обрести веру, мир и душевный покой. Много тогда было в России пастырей, но один из них был особенным. Эта его особенность проявлялась во всем: в его богослужениях, в его проповедях, в трудах, совершаемых им, в его каждодневных заботах о бедных, больных, забытых, в его внешнем облике, наконец, в его особых дарах — любви, исцелениях, чудесах.

В первой же своей проповеди, произнесенной после совершения Божественной литургии в Андреевском соборе г. Кронштадта, куда был назначен молодой священник, он сказал: «Сознаю высоту сана и соединенных с ним обязанностей; чувствую свою немощь и недостойнство к прохождению высочайшего на земле служения священнического, но уповаю на благодать и милость Божию, немощная врачующую и оскудевающая восполняющую. Знаю, что может сделать меня более или менее достойным этого сана и способным проходить

это звание. Это любовь ко Христу и к вам, возлюбленные братия мои... Любовь — великая сила: она и немощного делает сильным, и малого — великим, и незначительного — достопочтенным, и прежде незнакомого и чужого делает скоро близким и знакомым, и любезным. Таково свойство любви чистой, евангельской». С таким духовным настроением он начинал пастырское служение.

Впоследствии, уже став известным на всю Россию пастырем, о. Иоанн вспоминал, что с первых дней своего служения он «взял за правило искренне относиться к своему делу, к пастырству и священнослужению, строго следить за собою, за своею внутренней жизнью». С этой целью он ежедневно читал Священное Писание, «извлекая из него назидательное для себя как человека, священника и члена общества». Потом стал вести дневник, известный ныне под названием «Моя жизнь во Христе». Этот неизбывный клад духовной мудрости свидетельствует нам о пастыре, который действительно, не на словах, а на деле, каждый день и каждый час жил во Христе и со Христом. Слова святого апостола Павла «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20) в полной мере можно отнести и к о. Иоанну. Все, что им написано, было продиктовано горячим пастырским сердцем с болью о пастве, с желанием помочь, исправить, направить, поддержать.

Дневник «Моя жизнь во Христе», получивший широкое распространение, стал для многих христиан двадцатого столетия настольной книгой. В эпоху гонений, воздвигнутых богоборческой властью на веру и Церковь, православные люди переписывали ее от руки, находя в словах о. Иоанна подкрепление для своего стояния в вере и в делах благочестия.

Очень скоро святой праведный Иоанн Кронштадтский понял, что ко всему тому, что он делал, необходимо прибавить еще одно правило — ежедневно совершать Божественную литургию, которую он считал самым действенным средством очищения, исцеления и освящения. В своем дневнике он писал: «Божественная литургия есть поистине небесное на земле служение, во время которого Сам Бог особым, ближайшим, теснейшим образом присутствует и пребывает с людьми, будучи Сам невидимым Священнодействователем, приносящим и приносимым. Нет ничего на земле святее, выше, величественнее, торжественнее, животворнее Литургии! Храм в это особенное время бывает земным небом...

Литургия — постоянно повторяющееся торжество любви Божией к роду человеческому и всесильное ходатайство о спасении всего мира и каждого члена в отдельности».

Служение праведного Иоанна во время Божественной литургии было, по выражению современников, «огнебоговдохновенным». Каждый раз он вновь и вновь с трепетом и благоговением переживал встречу с Богом. Именно эти встречи укрепляли его и духовно, и те-

лесно, поддерживая в нем огонь неоскудевающей благодати Божией, помогали выполнять свой пастырский долг с полной отдачей сил.

Отец Иоанн на протяжении многих лет своей жизни нес подвиг ежедневного служения Божественной литургии, горячей сердечной молитвой испрашивая у Господа разнообразные благодеяния людям, полагавшим в молитвенном дерзновении кронштадтского пастыря свою последнюю надежду.

Следуя заповеди Христовой о любви и милосердии к ближним, он поддерживал и поощрял благотворительную деятельность и сам становился вдохновителем всякого доброго начинания. Им было основано «Приходское попечительство для помощи бедным», а затем — «Дом трудолюбия» с детской библиотекой, бесплатной начальной школой и мастерскими.

По свидетельству очевидцев, кто бы ни обращался к о. Иоанну с просьбой, он никогда не отвечал, что это не его дело. Получая немалые деньги от благотворителей, он не имел лишнего рубля на завтра: все полученное одной рукой, он сразу же раздавал другой. Однако Господь не оставлял праведника своим попечением, ибо «милость Господня от века и до века на боящихся Его» (Пс. 102:17).

Кроме прямых пастырских обязанностей, связанных со служением в Кронштадте, о. Иоанн много путешествовал по России. Каждая его поездка становилась событием всероссийского значения. Его ждали, его звали, его встречали. Приезд пастыря всегда был праздником, ибо в нем народ видел не только служителя алтаря Господня, но и учителя, пламенного проповедника, щедрого благотворителя, доброго исцелителя, мудрого наставника слабых, утешителя страждущих. «Я живу не для себя, а для других», — говорил кронштадтский батюшка. В этих словах кроется тайна жизни и служения о. Иоанна, его всеобщего почитания, подвижничества, пастырского душепопечения и силы.

Вся жизнь праведного о. Иоанна была подчинена двуединой цели: служению Богу и людям. Из дня в день он совершал это великое служение и достиг в нем исключительных высот. Душепопечением, заботой о своих духовных чадах, желанием помочь каждому просящему было преисполнено все его более чем полувековое пастырское служение от начала и до конца. 20 декабря по старому стилю 1908 года на 80-м году жизни великий молитвенник земли Русской завершил свой земной путь. Скорбной волной прокатилась по всей России весть о кончине доброго пастыря, дорогого батюшки о. Иоанна. Его похороны превратились во всеобщий плач сынов России о своем любимом пастыре и отце. Блаженная кончина праведника стала ярким свидетельством истинности слов Священного Писания: «Честна пред Господом смерть преподобных его» (Пс. 115:6). Память народная и поныне чтит его светлый образ, который всегда будет близок сердцу и душе нашего народа.

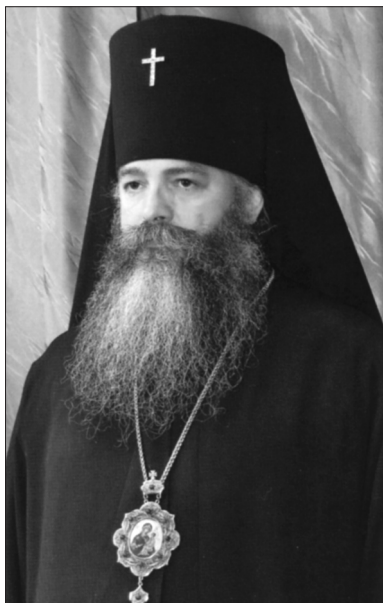
Святой праведный Иоанн, пастырь Кронштадтский, совершал свое служение в то время, когда в сознании большинства верующих людей стало затмеваться понятие о непреходящем значении sacramентальной жизни Церкви. Он стал вдохновителем евхаристического возрождения. Его мудрые наставления, проповеди, пламенное служение имеют и будут иметь всеправославное значение. Пример жизни и наследие о. Иоанна — надежное руководство в духовной жизни как для пастырей, так и для всех, «алчущих и жаждущих правды» (Мф. 5:6), ищущих душевного спасения.

Его молитвами, молитвами сонма новомучеников и исповедников, предстательством всех святых в земле Российской просиявших, по милости Божией, прошли времена тяжелых испытаний для нашей Церкви. В 1989 году возродилась монашеская жизнь в Свято-Иоанновском монастыре на Карповке, где был погребен всероссийский пастырь, и уже в следующем, 1990 году, при огромном стечении народа, состоялось общецерковное прославление святого праведного Иоанна Кронштадтского. С тех пор и доныне возрождается основанная им обитель, восстанавливаются монашеские традиции и вновь во множестве стекаются сюда паломники со всей России, из ближнего и дальнего зарубежья, дабы помолиться великому угоднику Божию, прикоснуться к месту его погребения, вдохновиться примером его жизненного подвига и служения Богу и ближним.

Вступая в год церковного празднования 100-летия со дня преставления великого светильника земли нашей — святого праведного Иоанна Кронштадтского, вознесем к нему наши усердные молитвы, дабы его предстательством Господь хранил нас от всякого зла, подавая все благое и потребное для жизни достойной и праведной в лоне Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви!

История и современность

Архиепископ
Тихвинский
КОНСТАНТИН

**ДЕНЬ
ПОБЕДЫ**

*О значении для
современности
проповеднического
и пророческого подвига
святого праведного
Иоанна
Кронштадтского*

Слово победа — означает героическое преодоление «беды», которая в государственном смысле издревле понимается как вторжение на Русь чужеземных захватчиков, ставящих своей целью порабощение великой нации, захват богоданных русских земель, искоренение национальной культуры, а главное, Православной веры. Устойчивое словосочетание «День Победы», в котором оба слова пишутся с большой буквы, вошло в русский обиход после Великой Отечественной войны, в результате которой наша страна, путем невероятных страданий и потерь, одолела фашизм. Нерусскому человеку, вероятно, не понять, почему, по прошествии почти семи десятилетий с майских победных дней, сегодня, когда все меньше и меньше оста-

Высокопреосвященнейший Константин, архиепископ Тихвинский (Горянов Олег Александрович). Родился в 1951 году. По окончании Винницкого медицинского института шесть лет работал врачом, в том числе и на «Скорой помощи», три года преподавал в институте. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию. Полгода будущий архиепископ сколачивал ящики на железной дороге, работал на лесоразработках, и только после этого митрополит Филарет разрешил принять его сторожем в Жировицкий монастырь, чтоб уже от монастыря получить направление в семинарию. Закончил Московскую Духовную Семинарию и Академию. Кандидат богословия. С 1990 года — архимандрит. Шесть с половиной лет был ректором Минской Духовной Семинарии. За труды по возрождению семинарии и епархии награжден Патриархом Алексием II орденом преподобного князя Даниила Московского. С 1996 года — ректор Санкт-Петербургских Духовных Семинарии и Академии, викарий Санкт-Петербургской епархии, профессор, зав. кафедрой богословия.

ется очевидцев и участников Великой войны, значение праздника, который теперь весь мир называет «День Победы», не ослабевает, а только усиливается, все более приобретает над-исторический смысл и общенациональный охват. Почему в этот день так ликует молодежь, которая не только не видела войны, но в последнее время была и остается лишена достоверной о ней информации? Не только генетическая память тому причина.

Ни одно государство в мире, кажется, не испытало столько «бед», как Россия. Но в XX веке они стали повторяться с большей частотой, нежели в предыдущие века русской истории, каждый из которых имел «беду» свою. Казалось враг, торопясь покончить с Православной цивилизацией, решил не давать ей покоя. Следом за одной национальной трагедией спешила другая. XX век для России стал особым испытанием на государственную прочность, которое она, сегодня можем сказать с уверенностью, выдержала. Невозможно судить о цене нашей свободы и независимости, когда, как в последнее время, изменяются и приемы, и очевидность, и направления военных действий, когда враг переносит сражения с боевых полей в поле души человеческой, когда предают правители, а бывшие друзья становятся врагами. Конец столетия был более чем богат подобными примерами. Войны в традиционном ее понимании не было, но Россия стояла на грани гибели. «Смутные времена», казалось, закончатся временами «темными», как в начале XX века. Тогда так же постепенно, незаметно сгущались тучи над нашей страной, которая пугала врагов своей нарастающей мощью, стабильностью и процветанием.

Начало XX века для России, казалось, стало началом духовного обновления общества, но на самом деле оказалось началом очередного Смутного времени. Столкнулись две тенденции, два пути развития. Один предлагал духовно-нравственное преобразование общества, а другой — механическо-революционное преобразование. С одной стороны и государь Николай II, и Церковь понимали, что нельзя больше использовать веру в политических и полицейских целях, что пора отменить синодальную систему и восстановить Патриаршество; происходило всенародное прославление новых святых, как, например, преподобного Серафима Саровского в 1903 г. Широко обсуждались вопросы церковной жизни, а также религиозно-философские вопросы. С другой стороны, либеральная и революционно настроенная часть общества, как бы не замечая благотворных изменений в жизни российского государства, продолжала бичевать пороки уже уходящего дня. Если в первом случае общество нуждалось в постепенном, требующем нравственного труда исправлении уже существующего социального устройства, то во втором предлагалось насильственное и скорейшее уничтожение старого порядка для установления неизвестного нового строя.

Больше всего этот антагонизм проявился в разнородной среде русской интеллигенции. Одна ее часть пыталась понять истори-

ческий путь России в связи с преемственностью и традициями, что выражалось в осмыслении и освоении различных аспектов православной цивилизации и церковности, а другая часть отказывалась от всякого историзма. Сборник «Вехи» (1909 г.) стал выражением самопознания и самокритики русской интеллигенции. Так один из его авторов С.Н. Булгаков писал, что «вследствие своего максимализма интеллигенция остается малодоступна к доводам исторического реализма... Самый социализм остается для нее не собирательным понятием, обозначающим постепенное социально-экономическое преобразование, которое слагается из ряда частных и вполне конкретных реформ, не “историческим движением”, но над-исторической “конечной целью”, до которой надо совершить исторический прыжок актом интеллигентского героизма. Отсюда недостаток чувства исторической действительности и геометрическая прямолинейность суждений и оценок, пресловутая их “принципиальность”» (Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. СПб., 1909. С. 33).

Историзм же, рассматриваемый в христианском контексте, неразрывно связан с провиденциализмом, с синергией Бога и человека. А в самой жизни синергия осуществлялась и осуществляется в церковной жизни, которой не бывает без храмостроительства и богослужения.

Протоиерей Иоанн Сергиев

«Я несказанно был рад видеть готовым храм у Варшавского вокзала. Дай Бог Вам кончить святое дело благополучно. Молитесь, Господь промышляет о Своем храме. И он воздвигнется, и украсит собою столицу и Церковь Православную. Господь Вам помощник». Так о строящейся на Обводном канале церкви Воскресения Христова, во второй день Пасхи 1908 года, незадолго до своей кончины, писал один из основных благодетелей и жертвователей, протоиерей Иоанн Сергиев, известный всей России под именем Иоанн Кронштадтский. И сами современники восхищались и удивлялись чуду воздвижения этого ве-

личественного храма, ведь «постройка как раз пала на годы нашего общественного безумия, когда вся страна переживала период бури

и натиска мятежных идей и революционного брожения. И невольно в душе поднималось бодрое чувство при виде того, как, точно наперекор общественному разброду и разложению заветных православно-русских настроений, при отливе пожертвований, у Варшавского вокзала постепенно росло величественное сооружение, ставшее отныне памятником преданности царелюбивого народа русского своим родным свято-историческим заветам» (Храм Воскресения у Варшавского вокзала // СПб., 2005. С. 5.).

Впрочем, оторванная от жизни основных русских сословий интеллигенция по-своему представляла и народ, и его счастье. Так пишет об ошибках современной ему интеллигенции Н.А. Бердяев: «Она шла на соблазн великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей. Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина; если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее; долой истину, если она стоит на пути заветного клича “долой самодержавие”. Оказалось, что ложно направленное человеколюбие убивает боголюбие, так как любовь к истине, как и к красоте, как и ко всякой абсолютной ценности, есть выражение любви к Божеству. Человеколюбие это было ложным, так как не было основано на настоящем уважении к человеку, к равному и родному по Единому Отцу; оно было, с одной стороны, состраданием и жалостью к человеку из “народа”, а с другой стороны, превращалось в человекопоклонство и народопоклонство» (Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. СПб., 1909. С. 14.)

Многие русские люди предчувствовали неладное и понимали ошибочность новомодных стремлений задолго до первых народных революционных волнений. Так, несправедливо забытый сегодня, талантливый русский поэт и публицист Василий Величко уже в 1903 году писал: «Думайте о благе России, Царя и народа!.. Душа Царя — душа народа! Он Божий ставленник, живая связь народа с Богом!.. Народ не виноват в пороках русской интеллигенции. На крыльях его духа Россия вознесется над миром!..» (Русский вестник // СПб., 1904. Кн. 2). Поэт страстно призывал к сплочению русских сил.

*В тумане смутных дней
В нелегкий путь пошли мы,
Огнем любви палимы —
Любви к земле своей.*

.....
*Обступим стяг священный,
Как доблестная рать!
За Русь! За нашу мать
Поднимем кубок пенный!*

*За русский пыл в крови,
За славные преданья,
За луч самосознания
И торжество любви!*

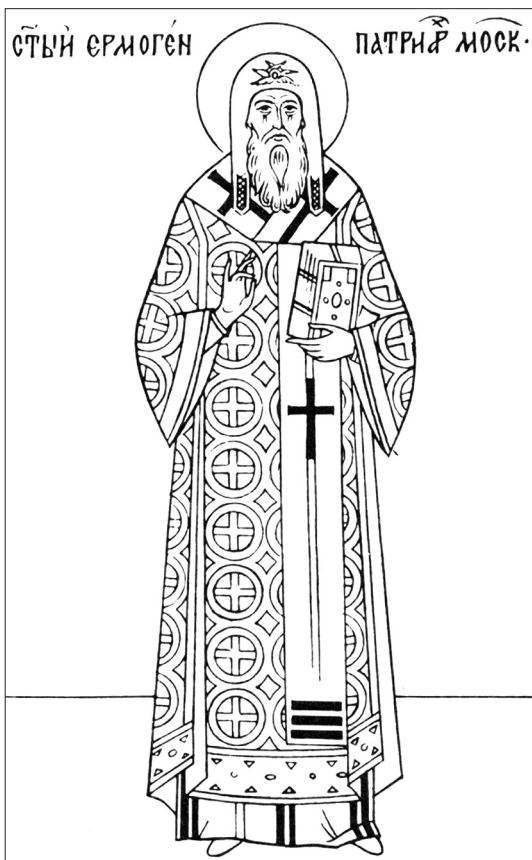
Революция, казалось, грянула неожиданно. Внешние и внутренние враги России решили воспользоваться неизбежными трудностями Русско-Японской войны и взорвать фундамент русской державности, вырвать «якорь русского спасения» (граф С. Уваров) — Православие, Самодержавие, Народность, справедливо полагая, что без него Россия не удержится на волнах мировой истории. Ситуация требовала новых, не только политических, действий. Сегодня, отстоя на век от тех событий, мы видим, что один из немногих, св. прав. Иоанн Кронштадтский, решительно возложил на свои пастырские плечи заботы духовной борьбы за Великую Россию. В «торжестве любви» бесстрашно, будучи в преклонном возрасте, вошел и воссиял «лучом самосознания» великий русский подвижник в «туман смутных дней». Если бы только дней! Дни оказались длительными смутными временами.

«Смутное время» — название для России не новое. Так назывался исторический период конца XVI — начала XVII века не только потому, что в России происходила политическая Смута, разрушалась привычная система государственной власти, возникла угроза потери национальной независимости. В это время происходило крушение исконных основ духовно-нравственного и религиозно-философского русского сознания, потеря смысла бытия. Смута властвовала в первую очередь в душах и умах русских людей. Разорение богоизбранной России, казалось, произошло навеки. В связи с этим укоренялись настроения, связанные с идеей гибели Руси. Все сочинения этого периода содержат несомненную мысль, что Господь разгневался за отступление русских людей от истинной веры, за всеобщие неискупленные грехи народа, потерявшего страх Божий. Во многих произведениях Смутного времени можно найти развернутый перечень многочисленных прегрешений, характерных для всего русского общества.

Но не только перечисление конкретных грехов составляет предмет религиозно-философской мысли того времени. Появляются новые тенденции, ищутся непосредственные виновники происходящего, а именно, к ответственности впервые в русской истории призываются цари. Это связано с несчастьями царствования Бориса Годунова, с последующими временами польской интервенции и наглой сменой самозванцев, то есть с неспособностью высшей власти защитить русскую землю и русский народ. «Рассуждения о личной виновности русских царей приводили к тому, что в сознании многих русских людей начала XVII века начал разрушаться образ “русского царя” как истинного Помазанника Божиего, который является посредником в общении русского народа и Российского государс-

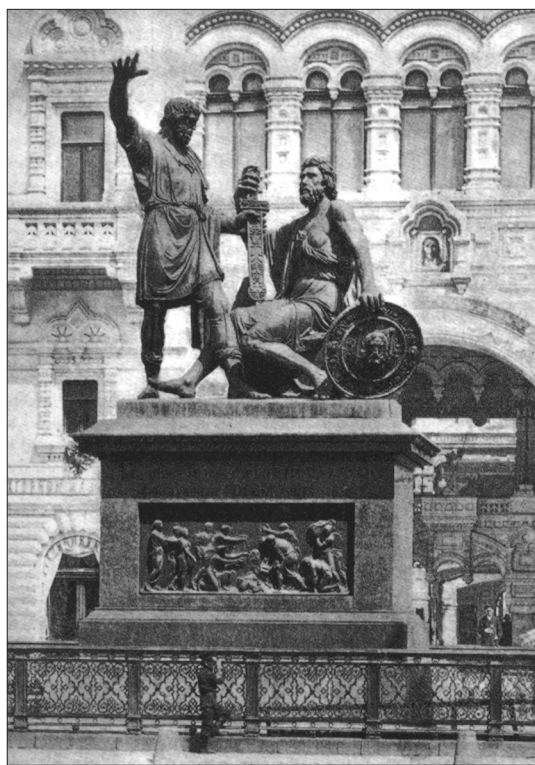
тва». (Перевезенцев С.В. Тайны русской веры // Вече. 2001. С. 313). Но в те же времена наблюдался всенародный всплеск религиозных настроений: существует множество литературных памятников, рассказывающих о знамениях и видениях, об обретении чудотворной иконы Казанской Божией Матери, чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери. В эти времена воссиял проповеднический дар святителя Дмитрия Ростовского. Но более всего о неотступной милости Божией к боголюбивой России, которая выстояла во всех испытаниях и обрела новую крепкую царскую династию, свидетельствовал жизненный подвиг всероссийского Патриарха Гермогена.

Его служение было до последнего вздоха посвящено государству Русскому и Православной Церкви. Кажется, что одному человеку не под силу свершить все те подвиги, которые выпали на долю героического Патриарха, сумевшего противостоять не только иноземным захватчикам, но, самое трудное, победить собственных предателей. Патриарх не испугался оказать мужественное сопротивление Лжедмитрию, не побоялся один пронести на своих плечах и явить составшему народу мощи мученика царевича Дмитрия. Когда мятежники во главе с Болотниковым и князем Шиховским подступили к самой Москве, Святейший Гермоген разослал по городам грамоты с сообщением о бедственном положении столицы, что способствовало созданию войск ополчения. Смело Патриарх препятствовал замыслам поляков покорить русскую землю, не позволил Сигизмунду занять русский престол. «Предивный радатель христианской веры» своим примером, осуждением мятежа, призывом к всенародному покаянию и прославлением неиссякаемой Божией милости, способствовал подъему православно-патриотических чувств. Патриарх Гермоген выступил против продажных бояр, которые под страхом смерти требовали приказ о роспуске ополчения. Патриарх не дал такого приказа и с помощью своих соотечественников-предателей был заключен в Чудов монас-

Патриарх Гермоген

тырь, где принял мученическую смерть. Уже через полгода, благодаря и жизненному подвигу этого премудрого священноначальника, Москва была очищена от иноземцев и их пособников ополчением князя Пожарского и Козьмы Минина. Слава Богу, Русской Победой закончилась очередное Смутное время.

*Памятник гражданину
Минину и князю Пожарскому*

только поводы для выявления причин внутренних, то есть сущности болезни, помогают врачу диагностировать фактическую причину заболевания, чтобы правильно способствовать целительным силам самого организма в восстановлении норм физиологической жизни.

Государство тоже живой организм, нравственные расстройства которого приводят к глубоким кризисам, внешними проявлениями которых и являются «смутные времена». Для восстановления «физиологических норм» общества тоже требуется врач — духовный. Его обязанности в России с дней своего возникновения возложила на себя Русская Православная Церковь. Иоанн Кронштадтский, один из лучших ее пастырей, яснее многих своих современников видел скрытые болезни любимой Родины. Он пытался лечить их, не щадя ни сил своих, ни самой жизни, которую практически пожертвовал во имя победы над «рабством тления», веря в замысел Божий о человеке, как о существе бессмертном, веря, что смерть физического тела не есть окончательный смертный приговор.

Однако, если внимательно исследовать причины наступления Смутного времени, то станет видно, что это не всегда запланированная атака внешних сил зла, что в большинстве случаев можно выявить внутренние, духовные, социальные, то есть сугубо русские причины наступления этого нестабильного времени. Механизм возникновения Смуты в России подобен возникновению болезни в ослабленном организме. Ведь известно, что настоящая причина болезни заключается не столько во внешних, агрессивных, всегда существующих условиях, сколько во внутренних, глубоко лежащих изменениях самого организма, не имеющего достаточных сил бороться с «захватчиками». Внешние проявления, которые есть

Героическая жертва одной жизни во имя всей жизни в христианской и в русской истории имеет не мало примеров. Ее духовное осуществление всегда определяется физическим проявлением. Современные фундаментальные исследования естественных наук подтверждают неразрывную связь жизни и смерти, смерти и бессмертия и, в частности, позволяют проследить на клеточном биологическом уровне механизм жертвования в обеспечение жизни всего организма. Усилиями представителей нескольких научных направлений — молекулярной биологии, молекулярной генетики, онкологии, биологии развития — было открыто необычное явление — апоптоз, в переводе с греческого — опадание листьев, или «генетически запрограммированная смерть клеток» (Муравник Г.Л. Ибо прах ты и в прах возвратишься // Христианство и наука. М., 2003. С. 357). Апоптоз принципиально отличается от обычной некротической гибели клеток в результате повреждения. С его помощью поддерживается оптимальное их количество в организме, необходимое для нормального его функционирования. У этого явления есть как будто некая духовная причина. Подчиненная строгим правилам необходимая смерть отдельных клеток во имя общего блага свидетельствует о высоком биологическом смысле апоптоза, являющегося актом самопожертвования единиц во имя жизни множества.

Жизнь Иоанна Кронштадтского, которую он выбрал сознательно, по воле боголюбивого сердца, была фактически ежедневной, а с годами и ежечасной жертвой. Мало того, что он не щадил своих телесных и духовных сил на избранном поприще. Он выносил словесные унижения от врагов Православия, которые не гнушались и издевательствами физических. Своею кровью, пролитой от рук наемных преступников, искупал мужественный проповедник путь пастырского служения. Несколько лет подряд печать при попустительстве властей, ежедневно глумилась над его патриотизмом и любовью к Родине, над его чудесами, милостыней, над благотворением его почитателей. Она сочиняла клеветнические выдумки, оскверняла привязанность народа к любимому священнику, насмехалась над народным порывом. Но русские люди отлично знали и видели, что если отец Иоанн мирился с обстановкой, в которой жил, терпеливо переносил многие лишения, то, значит, так это и нужно было, что в этом и заключается его подвиг. Он спасался не в пустыне, не в стенах монастыря, а в самом водовороте страстей и горя — подвиг несравненно более тяжкий и великий. Он спасался, чуя близкие времена, страшнее которых еще не было на Руси.

Во многих случаях преодоление исторических Смутных времен ценой неисчислимых жертв и невиданных усилий способствовало укреплению России, сплачивало народ, объединяло его в нацию. Но такие позитивные последствия были не всегда, они невозможны, если случалась война междоусобная, братоубийственная, гражданская. Такие времена были пагубны для России, о таких грядущих

временах, предчувствуя их смертоносное дыхание, печалился в своих искренних непрестанных молитвах Иоанн Кронштадтский, зная, что русская смута всегда была следствием не прогресса, но регресса больного общества.

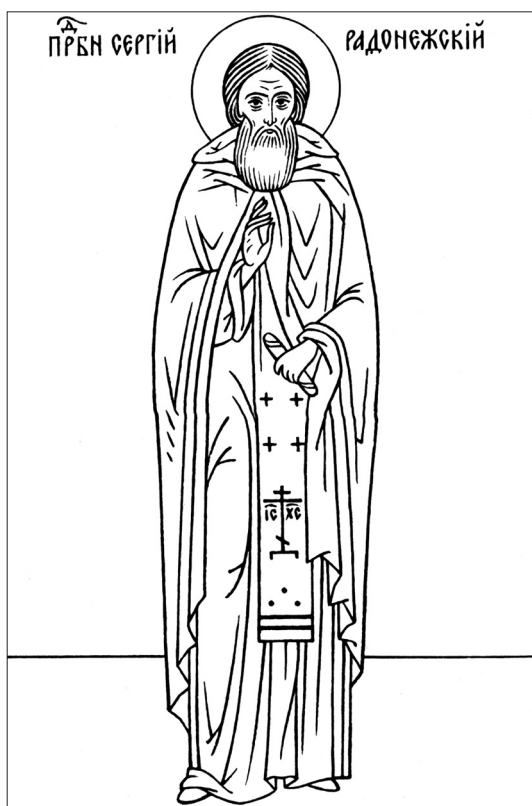
В этом плане характерна оценка П. Струве приведенного замечания одного «левого члена английской Нижней Палаты, который, оправдывая большевиков, сослался на то, что якобы русский народ по своему культурному уровню находится еще в XVII веке». На что П. Струве отвечает: «Это, конечно, огромное и нелепое преувеличение, но, поскольку в этом указании есть зерно истины, оно содержит в себе справедливое и жесточайшее объективное осуждение русской революции. По своему объективному экономическому и культурному содержанию русская революция есть обремененное в революционную форму, по существу реакционное в дурном смысле, т.е. регрессивное, движение, которое отбросило Россию и русский народ назад на целые десятилетия и отчасти века. Только наивные люди, верующие в слова, не знают, что реакция и попятное движение могут облекаться в революционную форму. Такой политический радикал и такой глубоко образованный, напоенный всем знанием своей эпохи социалист, как Лассаль, считал, например, немецкое крестьянское революционное движение XVI века явлением реакционным... Мысль о регрессивном существе русской революции можно выразить еще проще так: если вообще русская революция есть чье-либо дело (а в известном смысле, как я сказал, революции всегда делаются), то она не только злое и дьявольское, но еще — и, поскольку в этом деле участвовали народные массы, всего больше — глупое дело. Когда у кого-либо сгорел дом, это великая беда. Когда люди сами спалили свой дом, по злобе или по невежеству, это, во всяком случае, глупо. И они должны, прежде всего, восчувствовать это. Эту простую вещь никакая “социологическая” мудрость не может опровергнуть и не должна опровергать». (Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа, С. 16)

Противоположным революционному пониманию народа, как инструмента и абстрактной цели революции, было отношение к людям св. прав. Иоанна Кронштадтского. Он не делил просителей по вероисповеданиям, никому не отказывал в молитве. И к нему, кроме православных, обращались лютеране, католики, буддисты, мусульмане, евреи, хотя главной заботой священника было исцелять современников от самого пагубного заболевания — атеизма. Неисчислимы примеры благодатной помощи Кронштадтского батюшки. Так в почти разрушившуюся Крестовоздвиженскую церковь, находящуюся на берегу Ладожского озера, он прислал недорогую дарохранительницу, и тут же, неведомо откуда, потекли богатые пожертвования, и старинная церковь обновилась. Но явление отцу Иоанну во сне Божией Матери означало, что этот праведник не просто утешитель телесных и духовных страданий народа, но что служение его имеет

особую цель, что в истории России оно столь же значимо, как служение и молитвенный подвиг св. Сергия Радонежского, сподобившегося зреть Божию Матерь тоже в «смутные времена», на рубеже XIV-XV веков, во времена тотального, многовекового порабощения Руси иноземными захватчиками.

Божия Матерь, явившись смиреннокроткому преподобному Сергию, не только осенила его Божией благодатью, но благословила на борьбу со злом, наделила силой для этой борьбы, показала, что Русь находится под Божией защитой. Обострилось духовное зрение инок, жившего в уединении, но отчетливо видевшего, что удельная раздробленность, алчность, кровопролитные усобицы князей, то есть неспособность светской власти блюсти интересы государства, являются одной из причин вековых лихолетий на Руси. Однако заслугой Сергия Радонежского является не только то, что он помог князьям услышать друг друга, прекратить кровопролитие и победить внешнего врага, к чему еще несколько веков назад призывал автор «Слова о полку Игореве». Сергей Радонежский одним из первых русских подвижников указал единственно верный и спасительный для Руси путь — путь к единению с Богом, что позволило русскому народу с Божией помощью победить внешнего врага и сплотиться в нацию.

Не иначе, как чудесным, можно назвать провидческий дар преподобного Сергия, который, живя в оторванности от мира, не имея достаточной военно-политической информации, точно указал истинных врагов Руси-России, время, место и направление «главного удара». Из Жития преподобного Сергия известно, что он за некоторое время до Куликовской битвы отказался благословить великого князя Дмитрия Ивановича на войну с Ордой, сказав, что следует платить дань и покоряться ордынскому царю. Как объяснить кардинально противоположное решение великого молитвенника Сергия и его строгое напутствие князю на борьбу с захватчиками накануне Куликовской

Преподобный Сергий Радонежский

битвы: «Подобает ти, господине, пещися о врученном от Бога христоименитому стаду. Поиди против безбожных, и Богу помогаючи ти, победиши!?» В первую очередь пониманием святым старцем основного условия существования Русского государства и русской нации — условия существования всенародной Православной веры в лоне Русской Православной Церкви. Как известно из последних исторических исследований (по материалам книги В. Кожина «История Руси и русского слова». // М., 2001), Золотая Орда на протяжении многих лет своего владычества терпимо относилось к русской вере и к Русской Церкви, считая их лишь инструментом обуздания народных масс, вероятно, не понимая главного значения Православия в национальном объединении страны. Несмотря на то, что времена татаро-монгольского ига считаются временами упадка и разорения России, именно тогда происходил невиданный и невидимый духовный расцвет государства. Многие старинные историки считали, что в поработенной стране духовная жизнь еле теплилась, иссякала. Но уже В.О.Ключевский не без удивления заметил, что с середины XIII века и до 1480 года на территории России было создано монастырей в два раза больше, чем в первые века русского христианства, причем, что есть благо, преобладающая часть обителей стала располагаться не только в городах, а на всем пространстве Руси, вплоть до ее окраин. Известно даже, что некоторые ханы, конечно, не без влияния русских священников в Золотой Орде, помогали православным в их борьбе против католической Польши, входили в союз с Византией в войне против венецианских и генуэзских колоний в Крыму. Что же заставило русский народ подняться на борьбу с захватчиками лишь в конце XIV в. и выступить именно против войск Мамаея?

Еще из «Сказания о Мамаевом побоище» известно, что против Руси хан Мамай нашел себе новых союзников — литовцев, во главе с великим князем Литовским Ягайло. Знаменитый русский историк М.Н. Тихомиров в середине прошлого века утверждал, что существуют документальные подтверждения заключения договора с Кафой о помощи генуэзцев. И согласно старинным русским источникам на стороне Мамаея выступали «фряги», то есть итальянцы. Сегодня историкам очевиден сговор Мамаея, который никогда не представлял традиционно понимаемую Золотую Орду, с папскими структурами. А это означает, что против Руси на Куликово поле вышли не только татаро-монголы, но и католический Запад, попытавшийся чужими руками уничтожить ненавистную ему православную державу и Православную Церковь. Таким образом, Сергей Радонежский с Божией помощью вовремя прозрел крестовый поход против Руси и благословил русский народ в лице великого князя Дмитрия Ивановича на неотлагательную битву за само существование государства.

Только Божией помощью можно объяснить такой провидческий дар святого молитвенника Русской земли. Молитвенный подвиг, на верное, один из самых трудных священнических подвигов. Настоя-

щая молитва, слышная Богу, требует не только особого состояния души, сердца и разума, но и «высокого жития», о котором сам Сергей говорил так: «А ни о чем бесполезном не нужно заботиться, но следует уповать и взирать на Бога, Который может кормить нас, и одевать, и обо всех наших делах заботиться: и от Него следует ожидать всего, что нужно доброго и полезного душам и телам нашим» (цит. по книге С.В. Перевезенцев «Тайны русской веры». // Вече, 2001. С. 184). «Высокое житие» было не самоцелью, но обеспечением «чистоты души», которая только в состоянии добродетельном, просветленном любовью и страхом Божиим, могла беседовать с Господом. Только молитвенной, «чистой душе» Сергия Радонежского могла являться Божия Матерь, ставшая Заступницей Руси православной.

Великое значение молитвы понимал и отец Иоанн Кронштадтский, считавший, что молитва должна быть постоянным спутником нашим. Он всегда поддерживал в себе молитвенное настроение хвалою и прославлением Божией благодати, глубоким покаянием, усердным призыванием имени Иисуса Христа. Он говорил, что молитва — это жизнь души, которую оберегал от искушений. Отец Иоанн молился Богу просто, искренне, но тотчас прекращал, если осознавал, что молитва становится внешней, механической. Он считал несердечную молитву оскорблением Бога, призывающего к Себе человечество словами: «Дажь Ми, сыне, твое сердце!» (Прит.23,26). Из двух способов познания мира — умом или сердцем, Иоанну Кронштадтскому был близок второй. О таком образе познания мира, словно вторя своему великому предшественнику, образно пишет старец Силуан: «Умом мы не можем познать даже и того, как сделано солнце: и когда мы просим Бога сказать нам, как сделал Он солнце, то читаем ясный ответ в душе: “Смири себя и будешь знать не только солнце, но и Творца его”. А когда познает душа Господа, то от радости забывает

*Благословение Преподобного
Сергия Радонежского Чудотворца
на Куликовскую битву.
Современная икона*

солнце и всю тварь и оставляет заботу о земном знании». Сердцем Иоанн Кронштадтский понимал, что всем известный путь к познанию, направленный вовне, встречающийся с многообразием тварных единиц, множественных проявлений бытия, никогда не приведет к целостности, к Богу. Наоборот, духовный путь познания, направленный вглубь сердца и осуществляющийся через молитву, позволяет пребывать в Боге и видеть себя и весь мир в единстве. Правильность выбранного священником пути была подтверждена явлением ему Божией Матери.

Промыслительно, что явление Божией Матери отцу Иоанну Кронштадтскому произошло в 1898 году, за десять лет до его смерти, когда он в полной мере обрел мощь своего духа, а Россия незаметно вступала в новые Смутные времена. Тогда еще можно было предотвратить грядущую катастрофу. Отец Иоанн Кронштадтский, явственно видевший в тонком сне Царицу Небесную, словно назначался Ею на крестное служение, наделялся особой силой предвидения, особым даром слова, чтобы вразумить обезумевшую страну, указать пути спасения, один на один встать перед врагом внешним и внутренним. И сами обличения священника исходили из врожденного глубокого чувства сострадания, из стремления помочь нравственному исцелению российского общества.

Отец Иоанн, прозорливый поборник православной веры, в своих откровениях не обещал для России благих времен в будущем. Его предвидения трагичны. В 1907 году, в период затишья, мудрый священник грозно, как в свое время Сергей Радонежский или святитель Гермоген, не боявшиеся противостоять слабым властям, предрекал: «Царство русское колеблется, шатается, близко к падению. Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие, за свои беззакония. Виновно и высшее правительство, потворствовавшее беспорядкам. Безнаказанность в России в моде. А от того непрерывные у нас аварии с морскими и даже Императорскими судами... Везде измена, везде угрозы жизни и государственному имуществу...»

«Россия мается, страдает и мучается от кровавой внутренней борьбы, от неурожая земли и голода, от страшной во всем дороговизны, от безбожий, безначалия и крайнего упадка нравов. Судьба печальная, наводящая на мрачные думы».

«Русский народ и другие населяющие Россию племена глубоко развращены, горнило искушения и бедствий для всех необходимо, и Господь, нехотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле» («Новые слова», 1908).

Св. праведный Иоанн Кронштадский предупреждал, что если русское общество не вернется к жизни по Евангелию и к поддержке православной государственности, то власть захватят антихристианские

силы: «Вера слову истины, Слову Божию исчезла и заменена верою в разум человеческий... не стало повиновения детей родителям, учащихся — учащим и самих учащихся — подлежащим властям; браки поруганы; семейная жизнь разлагается; твердой политики не стало, всякий политиканствует, — ученики и учителя в большинстве побросали свои настоящие дела и судят о политике; все желают автономии... Не стало у интеллигенции любви к родине, и они готовы продать ее инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям; уже не говорю о том, что не стало у нее веры в Церковь, возродившей нас для Бога и небесного отечества; нравов христианских нет, всюду безнравственность; настал, в прямую противоположность Евангелию, культ природы, культ страстей плотских, полное неудержимое распутство с пьянством, расхищение и воровство казенных и частных банков и почтовых учреждений и посылок, и враги России готовят разложение государства...» (Слово на Благовещение 25 марта 1906 года).

Для революционеров и «освободителей» отец Иоанн был грозным противником. Он боролся с ними с глубокой убежденностью человека, сознающего их преступность перед Богом и Россией, поэтому был им ненавистен. Ведь для русского народа каждое слово священника являлось непреложной истиной, народ слушал и понимал своего пастыря, потому что пастырь этот говорил о том, что жило и находило отклик в душе каждого верного сына России. И в этом отец Иоанн был подобен многим своим предшественникам, великим служителям Православной Церкви, которые с давних времен выступали на защиту Родины в тяжелые для нее времена и всегда защищали ее национальные начала.

Сергий Радонежский с верой в победу благословил на битву Дмитрия Донского. Патриарх Гермоген, этот «начальный человек в безгосударное время» в страшную годину лихолетья пламенно призывал народ на защиту православной веры и на очищение Родины от врагов внешних и внутренних. Современник Патриарха Гермогена Дионисий, архимандрит Троицкой Лавры, рассылал по всей России грамоты со страстным призывом: «восстать против врагов и избрать Царя над всей русской землей». Митрополит Феогност при великом князе Иване Калите отлучил от церкви Александра Тверского и псковичей, отказавшихся его выдать. Всегда, с тех пор, как Русь стоит, когда внешние или внутренние враги нападали на нее и покушались на ее заветы, народные идеалы — на защиту их вставала Церковь Православная в лице своих лучших пастырей.

Представитель действенной, живой народной веры и Православной Церкви отец Иоанн, как и его предшественники, был глубоко национален. Он был истинно русским, и государство, как и церковь, имели в нем горячего, убежденного защитника. Тесное и неразрывное соединение религиозности и народного чувства было в нем так просто, так естественно, так необходимо. Он был именно лучший сын Церкви и лучший сын Родины, за них в последние годы жизни боле-

ло его страждущее сердце. Он, как и все величайшие деятели нашей Церкви, был убежденным патриотом, что доказывало его участие в учреждении и управлении мощной патриотической организацией «Союз Русского народа», оболганной безбожными современниками и их последователями.

Иоанн Кронштадтский мужественно выступал против назревшей революции и в церковных проповедях напоминал правителям о долге подавлять смуту. Не только народу, но и властям он указывал 13-ю главу Послания к римлянам: «Начальник не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему зло». Неоднократно отец Иоанн напоминал, что употреблять меч против зла велит апостол. И сам являл пример непримиримой борьбы с губителями России, так как был глубоко убежден, что это обязанность пастыря, у которого расхищают его овец, так как был уверен, что будет отвечать перед Богом за каждую из них.

Потому Праведный так яростно боролся с лжеучением Льва Толстого, этого извратителя Евангельских истин и надругателя над Христом Спасителем. Принародной была битва двух идеологических великанов-противников. Одного дал народ из своей среды, вынес его на своих плечах и прославил, как воплощение всего святого, всего чистого и великого, скрытого в душе народа русского. Другой — продукт интеллигентской среды, той ее части, которая отрицает Бога, хулит Его Имя, которая прославляет своего идола за то, что он бросил грязью в святую Церковь.

«Желаете ли, православные, знать, что я думаю о Льве Толстом? А вот что думаю и говорю: он объявил войну Церкви Православной и всему Христианству. И как денница и сатана отторгнул своим хребтом третью часть звезд небесных, т.е. Ангелов, и сделал их единомышленниками с собою, так наш Лев, сын противления, носящий в себе дух его, своим рыканьем и хвостом (Откр. 12,4) отторг тоже едва ли не третью часть русской интеллигенции, особенно из юношества, вслед себя, вслед своего безбожного учения, своего безверия. Его безбожные печатные сочинения свидетельствуют о том...

Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит рыбу, подал бы ему змею (Мф. 7,9;10). Толстой именно это и делает. Он подносит змею вместо рыбы и своему семейству, и всей России, и христианам всех стран и языков. Он хочет вырвать у всех веру в Спасителя, веру в Троицу, в Церковь и во спасительные истины, в которые веровать научила нас Святая Церковь и без которых невозможно жить ни одному здравомыслящему человеку...

О Христе Боже, доколе Лев Толстой будет ругаться над Тобою и Церковью Твоею? Доколе будет соблазнять Россию и Европу? Опять он пишет хулы на Церковь и служителей ее, опять клеветает на нас всему миру! Покажи, наконец, Владыко, всему миру адскую злобу его! Буди! Им увлечено в прелесть и пагубу полсвета. Он предтеча антихриста!..

Твоими устами буду судить тебя, лукавый раб, — говорит Господь в Евангелии (Лк. 19,22), и я скажу: отрицаниями твоими отрину тебя, Лев Толстой, и хулы твои обращу на тебя». (Из дневника Иоанна Кронштадтского «В обличение душепагубного еретичества Льва Толстого», книга «За что Лев Толстой был отлучен от веры», М., 2006. С. 52).

Сегодня, с высоты свершившейся истории, мы видим, сколько пророческих мыслей содержит это обличение. «Предтеча антихриста» разве не то же, что ленинское «зеркало русской революции». Разве не обернулось еретическое учение Толстого против него самого, прибегнувшего в последние дни своей жизни в телесной и духовной немощи на порог церкви с сознанием своего идеологического поражения, но в дьявольской гордыне так и не склонившего головы. Против Льва Толстого выступали многие современники—священники. О лжеучении графа Толстого писали протоиерей Иоанн Вострогов, святитель Феофан Затворник, митрополит Антоний (Вадковский), архимандрит Антоний (Храповицкий) и мн. др. Но никто так не прозревал грядущее, как св. прав. Иоанн Кронштадтский. «Прейдут все царства со своими земными, временными постановлениями и законами, со своими учреждениями, сословиями, чинами, должностями; лишены будут богачи земли всех богатств земных и все земные достоинства получат свой конец; потребуются дела, и каждый будет судим по делам своим, как человек, как тварь, по образу Божию созданная и получившая в удел разум, совесть, закон внутренний и внешний, как гражданин, как чадо родителей своих и Отца Небесного. И вот это время и этот суд явит во всей наготе толстовское и всякое зло...» (За что Лев Толстой был отлучен от веры. М., 2006. С. 104).

Иоанн Кронштадтский не только обличал, увещевал, со всей откровенностью выявлял зло, но исследовал способы борьбы с ним и указывал русским людям ясные пути «в тумане смутных дней». Причем, зло он рассматривал не отвлеченно, не как совокупность черт характера, а как систему злонамеренных действий, направленных на уничтожение самобытности русского народа, как категорию, угрожающую благу России, богоизбранной страны, Третьему Риму, Престолу Пресвятой Богородицы. Издревле на Руси была известна выстраданная многими поколениями встречная система обеспечения стабильности и крепости государства, заключающаяся, прежде всего в симфонии властей: в незыблемости обеспечивающей государственность Царской Власти и духовного приоритета и самостоятельности Русской Православной Церкви. Иоанн Кронштадтский, лучший сын Церкви, лучший сын народа, кажется, не столько внедрялся в богословские аспекты этих взаимоотношений, сколько мудростью своей народной души, просвещенной светом Божественных откровений, сам являл пример симфонии святого Русской Православной Церкви и Православного Царя.

Глубоко трогательными были отношения Царской Семьи Александра III к великому молитвеннику. Известно, что в 1896 отец Иоанн

участвовал в совершении Литургии в московском Успенском соборе во время Священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны. Император Николай II всегда удостаивал великого молитвенника личными ответами и поздравлениями. Так на поздравление, полученное от отца Иоанна по случаю годовщины Святого Коронования 14 мая 1898 года, Государь ответил такой телеграммой: «Благодарю вас, батюшка, Иоанн Ильич, за письмо. Молю Бога со всеми истинно-православными русскими людьми — да укрепит Он ваши силы телесные для продолжения светлого и тяжелого служения вашего Церкви Христовой»

(Отец Иоанн Кронштадтский. СПб., 1909. С. 81)

Но такие отношения у священника с Самодержцами были не только вследствие взаимного дружеского расположения, но и в связи с неколебимой убежденностью Иоанна Кронштадтского в том, что лишь тогда станешь благоденствовать русский народ, когда: «...будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов... И чем бы мы стали, россияне, без Царя? Враги наши постарались бы уничтожить и самое имя Россия, так как Носитель и Хранитель России, после Бога, есть Государь России, Царь самодержавный, без него Россия — не Россия» (Отец Иоанн Кронштадтский. СПб., 1909. С. 94). Последовавшие события русской истории показали, насколько верны были эти пророчества. Но, очевидно, что неколебимое убеждение в особой удерживающей значимости Царской Власти для судьбы России является следствием видения Иоанном Кронштадтским целостной системы Божьего мира. Ясно выразил свой взгляд на Самодержавие Кронштадтский батюшка в речи в честь восшествия на престол Николая Александровича.

«Братия! Во всей Вселенной — во всех мирах, видимых незримых нами, сколь они ни велики и ни безчисленны — во всем этом дивном, премудром, прекрасном, живом мировом механизме явно примечается одна премудрая, всемогущая, личная, безначальная, всеблагая, и всеобъемлющая Сила, которая дала всему этому безконечному и разнообразному механизму единство, порядок, чудную гармонию и красоту, в целом везде одинаковую, постоянную и неизменную...

Во всем — в малом и великом — в течении светил и действиях стихий, во всех растениях и животных приметна одна всесозидающая, всеоживляющая, всеукрашающая, всенаправляющая Рука Невидимого Творца и Промыслителя. Эта же всенаправляющая Рука правит и всеми народами, всем родом человеческим; она поставляет царей и переставляет, и на место одних возводит других...

Царь самодержавно правит народом, как образ единачальной власти Божией, как образ Царя Царей, как Глава Государства, этого великого политического тела, стройно организованного и объединенного единою главою. Все власти в государстве, как радиусы в круге,

относятся к Государю, как к своему центру; или все люди в Государстве, как дробь получают в Царе своем одного знаменателя. Государь в своем Царстве, как душа в теле, сообщает стройность направления и действия всем членам великого политического тела.

Наша православная Церковь постоянно молит Бога, Вседержавного Царя Царей, о спасении и благопоспешении Царя земного во всем, и покорения под ноги его всякого врага и супостата» (Отец Иоанн Кронштадтский. СПб., 1909. С. 92).

Чуткий молитвенник, Иоанн Кронштадтский этими словами выразил сущность не только Самодержавной Царской власти, но и особого места Христовой Церкви. Если по слову Иоанна Златоуста «истинную природу Церкви разумеет только причащающийся Тела и Крови Христовых», то, понятно, что Отец Иоанн, черпавший вдохновение почти в ежедневном служении Божественной Литургии, как никто другой должен был понимать, что значит Православная Церковь Христова. Он, вдохновляемый Духом Святым, помогал современникам находить истинные решения всех вопросов веры.

Цель жизни для святого Иоанна Кронштадтского — вхождение в полноту христианского совершенства, обожение через покаяние и стяжание Святого Духа. Всей своей судьбой отец Иоанн доказал, что обычной человеческой жизнью, индивидуальными человеческими усилиями, достигнуть этой благодати невозможно. Достижение может быть осуществлено только в теле Церкви Христовой, «необходимо принадлежать к Церкви Христовой, коей Глава есть Всемогущий Царь, Победитель ада Иисус Христос. Царство есть Церковь, понимаемая в смысле общества святых, переселившихся на небо, всех православных христиан, подвигающихся на земле, воинствующая с началами и властями и миродержателями, тьмы века сего, с духами злобы поднебесными... Один человек тут в поле не воин, да и великое общество, но неправославное и без Главы — Христа — ничего не может сделать с такими врагами, хитрыми, тонкими, постоянно бодрствующими, превосходно изучившими науку сей войны» (Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. Ред. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. СПб., 1994. С. 202).

Слова, произнесенные Иоанном Кронштадтским, кажется, обращены к нам, к нашим временам. Сегодня священству как никогда приходится вновь бороться за нравственное возрождение народа, почти на век оторванного от Церкви Христовой. Невидимый враг против ослабшей духовно России вновь развязал непримиримую войну в надежде окончательно сбить ее с исконного национального пути. Многие из нас оказались участниками и свидетелями недавних новых «смутных времен», так неожиданно обрушившихся на наше многотрадальное Отечество. Очевидны известные признаки очередного лихолетья: отпадение погрязшего в пороках народа от Церкви Православной, предательство власть имущих, продавшихся иноземным инверцам-«руководителям», потеря исконных территорий, ужасаю-

щая смертность русского народа, насильственный разврат и одурманивание людей чуждыми западными идеологиями и т.д. Казалось, что на этот раз Россия не сможет выстоять. Но Господь вновь явил Свою милость, вновь вознамерился спасти Россию, вновь послал на ее защиту праведников и святых, среди которых первейшее место принадлежит Иоанну Кронштадтскому, указавшему точные пути к спасению Отечества, учившему, что необходимо естественное, непринужденное единение со Христовой Церковью.

Великий молитвенник земли русской св. прав. Иоанн Кронштадтский всегда чаял союз Церкви Небесной и Церкви Земной, в свете которого только и может Россия чувствовать себя в безопасности. В наши Смутные дни Церковь под мудрым предводительством Божией милостью Святейшего Патриарха Алексия II много сделала в этом направлении и в первую очередь сама пошла навстречу страдающему народу, защитила его во времена властного безвластия, возложила на себя миссию Удерживающего. Не мало чудных Божиих знаков, свидетельствующих о Господней ей помощи.

*Святейший Патриарх
Московский и всея Руси Алексий II*

Промыслительно, что интронизация Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, состоявшаяся 7 июня 1990 года, почти совпала с началом «смутного» десятилетия. О своем внутреннем состоянии в канун избравшего его Поместного Собора Святейший Патриарх писал: «Я ехал в Москву на Собор, имея перед глазами большие задачи, открывшиеся, наконец, для архипастырской и вообще церковной деятельности в Петербурге. Никакой, говоря светским языком, «предвыборной кампании» я не вел. Только после Архиерейского Собора... где я получил больше всех голосов архиереев, я почувствовал, что есть опасность, что чаша сия меня может и не миновать. Я говорю «опасность», при

том, что, будучи двадцать два года управляющим делами Московской Патриархии при Святейших Патриархах Алексии I и Пимене, я прекрасно знал, насколько тяжел крест Патриаршего служения. Но я положился на волю Божию: если будет воля Господня на мое

Патриаршество, то, видимо, Он даст и силы» (Беседы с Патриархом Алексием II).

Господь не оставил без помощи Россию в эти тяжелейшие времена, призвав на труднейшее Патриаршее служение вновь одного из лучших сынов России, который так видел его: «Свою первоочередную задачу мы видим прежде всего в укреплении внутренней, духоносной жизни Церкви... Достижению поставленных целей будет способствовать также управление церковной жизнью согласно нашему новому Уставу, уделяющему большое внимание развитию соборности. Перед нами стоит великая задача широкого возрождения монашества, во все времена оказывавшего столь благотворное влияние на духовное и нравственное состояние общества... Памятуя о своей обязанности научать истине Христовой и крестить во имя Его, мы видим перед собой необозримое поле катехизаторской деятельности, включающей создание широкой сети воскресных школ для детей и для взрослых, обеспечение паствы и всего общества литературой, необходимой для христианского научения и духовного возрастания. С благодарением Богу мы отмечаем, что перед нами открываются новые пути и средства для развития свободного духовного просвещения в самых различных кругах нашего общества... Немало предстоит сделать в утверждении справедливости в межнациональных отношениях. Будучи многонациональной, Русская Православная Церковь вместе с другими христианскими Церквями и религиозными объединениями нашей страны призвана врачевать раны, наносимые национальной рознью... Как и прежде мы будем развивать наши братские отношения с поместными православными Церквями и тем самым укреплять всеправославное единство...» (Журнал Московской Патриархии. 1990. № 9. С. 21-22).

Божьей волей в обеспечение этих намерений святым помощником Патриарха, заступником Русской Православной Церкви и всего русского народа становится Иоанн Кронштадтский, канонизированный в эти же дни. Промыслительно, что через несколько дней после интронизации, 14 июня, Алексей II отправился в Ленинград, для того, чтобы совершить прославление св. прав. Иоанна Кронштадтского. Торжество Православия совер-

*Иоанновский монастырь
в Санкт-Петербурге. Старинное фото*

шилось в Иоанновом монастыре, где погребен угодник Божий. Так Церковь духовно укреплялась перед «лихими девяностыми».

В годы «демократизации» перед Русской Православной Церковью открылись новые возможности вернуть себе былой правовой статус, утвердить законное достоинство, восстановить утраченное, наладить новые отношения с государственной властью, со всем Церковь справилась. Но не только в административном и храмовом строительстве она видела свое главное предназначение. Нельзя было утратить народную веру, исконную духовную силу, во имя чего Святейший Патриарх Алексий II свершил великие дела. Главное, его беспримерными стараниями Россия избежала масштабного кровопролития, когда осенью 1993 года Российское государство переживало один из самых трагических политических кризисов в своей новейшей истории: противостояние исполнительной и законодательной властей, в результате которого перестал существовать Верховный Совет.

Из русской истории Смутных времен начала XX века известно, что антиклерикальные настроения, характерные для первого этапа российского парламентаризма, создали духовно-политические предпосылки для тотального погрома Русской Православной Церкви в первые два десятилетия советской власти. И вместе с тем, окончательное крушение советской власти в октябрьские дни 1993 года, когда в Москве расстреливали защитников «Белого Дома», привело к удивительным обратным метаморфозам думской формы современного российского парламентаризма.

Полезно вспомнить, как 28 сентября 1993 года, в период резкого нарастания конфронтационной динамики между двумя ветвями государственной власти в России, X Съезд народных депутатов обратился к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. При этом сообщалось, что Съезд принял дважды отвергнутый Б.Н. Ельциным Закон Российской Федерации «О свободе вероисповедания», «закрывающий дорогу «беснующимся зарубежным проповедникам и мракобесам». Вместе с тем Съезд просил Патриарха «приложить все усилия для преодоления распада России и развязывания гражданской войны и достижения национального согласия нашего великого многонационального Отечества» (Зевелов А., Павлов Ю. Расколоть власть. 14 дней и ночей гражданской войны в Москве осенью 1993 года. М., 1995. С. 47).

На следующий день Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II выпустил «Воззвание», в котором говорилось: «Россия — на краю пропасти. Ныне мы перед выбором: или остановить безумие, или похоронить надежду на мирное будущее России. Особенно трагично то, что сегодня может распасться Российская Держава. Если это произойдет, будущие поколения проклянут нас».

Противостояние на пределе вокруг Белого дома в любой миг может взорваться кровавой бурей. И поэтому я слезно умоляю стороны конфликта: не допустите кровопролития! Не совершайте никаких

действий, могущих разрушить донельзя хрупкий мир! Не пытайтесь решить политические проблемы силой! Не предавайтесь безумию, не переставайте уважать человеческое достоинство друг друга! Имейте мужество не поддаваться ни на какие провокации, как бы больно они не задевали вас! Помните, что нынешней смутой могут воспользоваться экстремисты, преступники, да и просто нездоровые люди.

Одна пуля, выпущенная около Белого дома, может привести к катастрофе, кровавое эхо которой прокатится по всей стране. Вот почему я призываю любыми мирными средствами ослабить вооруженное противостояние. В нынешний сложный момент надо милосердно относиться к любому человеку. Никакие политические цели не могут препятствовать обеспечению находящихся в Белом доме медикаментами, пищей и водой, медицинской помощью. Нельзя допустить, чтобы физическое истощение спровоцировало людей на неконтролируемые насильственные действия.

От имени Церкви я призываю противостоящие стороны к диалогу и предлагаю любую форму необходимого посредничества в это судьбоносное время. В связи с происходящими событиями созываю экстренное заседание Священного Синода.

Всех православных христиан прошу молиться о спасении России. Пусть и те, кто ни разу в жизни не обращался к Богу, возопиют ныне к Нему. Верю: «Господь даст силу народу Своему, Господь благословит народ Свой миром!» (Пс. 28:11)» (Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России // Слова, речи, послания, обращения 1990-1998. М., 1999. С. 577-578).

В Даниловом монастыре при посредничестве священноначалия состоялись переговоры противоборствующих сторон. К сожалению, крови избежать не удалось, но, главное, по молитвам Святейшего Патриарха, священства и боголюбивого народа конфликт решился все же малой кровью, не случилось худшего — полномасштабной гражданской войны. После этих событий авторитет Русской Православной Церкви для новых российских парламентариев и для всего народа стал весьма значителен.

Церковь в это время проявила мудрую умеренную политику и в оценке очередной годовщины Октябрьской революции, и в оценке падения коммунистического режима. Назвав путь, пройденный Россией, как скорбный и тяжкий, она выразила уверенность, что отныне коммунистическая идеология никогда более не будет государственной в России. По просьбе Святейшего Патриарха Алексия II с 1991 года Рождество Христово было объявлено правительством выходным днем. По инициативе Церкви и ее главы было осуществлено беспрецедентное строительство — восстановление главного храма России — храма Христа Спасителя, канонизировано более тысячи святых угодников, новомучеников и исповедников Российских, среди них св. страстотерпцы — Николай II и его семья, о которых при их жизни молился Иоанн Кронштадтский. Вернулась на родину на-

Возвращение Чудотворной Тихвинской иконы

циональная святыня — Тихвинская икона Божией Матери. Великое событие свершилось в недавние времена — объединение Русской и Зарубежной православных церквей, что небывало усилило мировое значение всей Русской Православной Церкви и самой России. Так Божиим соизволением, усилиями

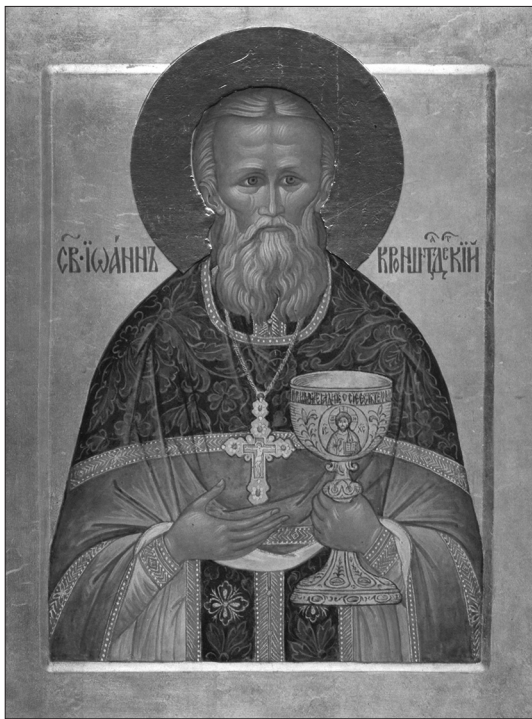
Святейшего Патриарха Алексия II и стараниями православных пастырей и верующих страна вновь вышла из «смутных времен» победительницей.

Иначе нельзя объяснить то, что ныне так торжественно, всенародно, более осмысленно, в исконных традициях, при участии государственных лидеров страна отметила святой праздник православной Пасхи. Знаменательным историческим моментом стал нынешний День Победы, когда после стольких лет шельмования, принижения значения извечной защитницы православного духа и православной Церкви — современной российской армии, она впервые за 17 лет в полном боевом блеске вышла на Парад Побед, что явилось самым ярким и бесспорным свидетельством окончания «смутных времен». Но можно ли вообще избежать их?!

Наш современник, свидетель начала этих «смутных времен», митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, считал, что при наличии в стране здоровой, национально-осмысленной идеологии и связного, целостного, непротиворечивого государственного мировоззрения, никакая «смута» невозможна. Она будет невозможна, если объединить усилия всего народа, верящего в возрождение России. «Кто же объединит исстрадавшихся, обезверившихся людей, даст им силы жить в этом безумном, жестоком мире, укажет смысл бытия, убедит, что понесенные жертвы и страдания — не напрасны? Сегодня — как и сто, и тысячу лет назад, есть лишь одна сила, способная взять на себя решение этой тяжелейшей задачи. Сила эта — Православная Церковь Христова... Церковь может — и станет — опорой возрождающейся России, духовной основой объединения русского народа потому, что именно она наиболее полно, ясно и обоснованно выражает религиозное, нравственное, моральное, этическое и правовое мироощущение простого, душевно здорового русского человека, его понятия о спра-

ведливости и благе, добре и зле, чести и совести» (Иоанн (Снычев), митрополит. Русский узел. СПб., 2001).

Всенародное празднование 100-летия со дня представления святого праведного Иоанна Кронштадтского является в 2008 году главным событием в жизни Русской Православной Церкви. Осмысление духовного наследия, изучение жизненного подвига любимого пастыря русского народа, народа-мученика, после стольких лет мытарств возвращающегося в свой духовный дом — Православную Церковь, станет благодатной почвой для сплочения всех русских духовных сил, понимающих общность своих идеалов и целей, непреходящую значимость Русской Православной Церкви. Возрождение национального религиозно-нравственного мировоззрения есть необходимое условие возрождения России. Только оно объединит Россию вокруг ее вековых святынь, восстановит историческую преемственность русской жизни, восполнит уверенность в своих силах и в возможности победы над любым врагом. Если вернется Россия к спасительной, победоносной Христовой вере, как мечтал св. прав. Иоанн Кронштадтский, к своей матери — Церкви, если станет бороться со всяким злом оружием Божией веры, крестом, правдою и молитвой, только тогда придут к ней на помощь ее святые молитвенники, заступники и герои, такие, как прп. Сергей Радонежский, св. Дмитрий Донской, Минин и Пожарский. Только тогда услышит голос Родины и взмолится пред Господом за Россию святой праведный наш соотечественник отец Иоанн Кронштадтский. Только тогда День национальной Победы обретет неудаляющуюся непрерывную историческую длительность в веках.

*Святой праведный Иоанн
Кронштадтский. Современная икона*

ПОЭЗИЯ

Владимир КОСТРОВ УКРЕПИСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА

Владимир Андреевич Костров — родился 21 сентября 1935 года в деревне Власихе Костромской области. Окончил химфак МГУ и Высшие литературные курсы. Автор стихов, множества песен, оперы «Джордано». Издано 18 оригинальных книг и 20 книг переводов с языков народов мира. Переведен на все крупнейшие языки мира. Лауреат многих литературных премий, в том числе Государственной премии России, премии Москвы, премий им. А. Твардовского, И. Бунина. Председатель международного комитета по проведению Пушкинских праздников поэзии. **Живет в Москве.**

* * *

Пламя первой листвы
на обугленных сучьях.
Стон последней любви
в журавлиных созвучьях.
Русской белой метели
сияющий храм.
Не ошибся ли
Федор Иванович Тютчев,
Завещавший любимую Родину нам?
Ведь в бесплодной погоне своей
за вещами,
За солянкою рыбной
и жирными щами
Где нам было вчитаться
в его завещанье,
Непутевым наследникам
гор и равнин?
Как направить свой путь
сквозь туман бездорожья
Там, где мера одна
только — заповедь Божья —
Не погонные метры,
не общий аршин?
Пусть лукавой Европы
практический разум
Захлебнется
российскою нефтью и газом,
Мы бы не были
к нашему слову глухи.
Не пристали б машинные
копоть и сажа
К чудотворному лику
родного пейзажа,
Где, как ключ заповедный,
струятся стихи.
На краю горизонта годов неминуемых
Вижу чистый просвет
в накопившихся тучах,
Словно вызов грозящим
земле временам.
Это он.
Это Федор Иванович Тютчев,
Луч надежды с небес
посылающий нам.

* * *

Бывает час и в этой жизни брэнной,
Когда проступит смысл живой натуры,
И прошлое утратит интерес,
И зазвучат колокола вселенной,

Прислужники скота и естества,
Увидим мы высокий свод природы
И детскую улыбку Божества.

Неужели высокое небо
Поскупится на огненный град?
И огромное это пространство,
Тешась ложью, не зная стыда,
Будет биться в тисках окаянства
До последнего в мире суда?
Нет. Я жду очищающей вести.
И стремлюсь, и молюсь одному.
И палящее пламя Возмездья
Как небесную манну приму.

На дорогах сплошные заторы,
Скарабей, воробей, муравей.
Словно Шейлок, пришли кредиторы
За трепещущей плотью твоей.

Оставляют последние силы,
Ничего не видеть впереди,
Но распятое имя «Россия»,
Как набат, отдается в груди.

Уступлю пространство молодым —
Пусть они увидят Божий свет
И прочтут по кольцам годовым
Дни моих падений и побед.
Да стоят на родине кремли,
Утишая яростную новь, —
Белые, как русские тела,
Красные, как пролитая кровь.

Ободрить и вразумить людей,
Он пустил в надводное
 пространство
Пару белоснежных лебедей.
Чтоб сказать,
 что красота всесильна,
Как любовь, стучащая в крови,
Птицы спрятали друг
другу в крылья

Золотые головы свои.
Господи, яви такую милость,
Чтобы вновь увидеть удалось,
Как ночное озеро светилось,
Чтобы нам, как лебедям, любилось,

Чтобы сердце пело и рвалось.
Чтоб, как знак невидимой опоры,
К нам на предстоящие века
Плыл ваш благовест, Святые горы,
И сияли вы издалека.

КОНИ РУССКИЕ

Хватит в теплом дремать овине —
Просыпайся, ямщик удалой.
Вновь грызутся на луговине
Красный, белый и вороной.
Губы в пене, грозят глазами,
Черный скалится на врага.
Красный мечется, словно пламя,
Белый бесится, как пурга.
У обрыва, над самой бездной,
Гривы на руки намотай,

Укrotи их уздой железной,
Крепкой сбруею обратай.
И гони их под свист и клики
К звездам в маревом далеке,
Встав, огромный, как Петр Великий,
На грохочущем облучке.
Чтобы брат побратался с братом,
Чтоб Россия была крепка,
Чтоб Царь-колокол плыл набатом
Под дугой у коренника.

* * *

Другие мы, и в жилах кровь другая.
Мир в серебре, а на дворе Покров.
Давай-ка, ты, лучины настругаем,
Давай побольше наломаем дров.
Когда в печи заговорят поленья,
Мороз и сырость дачную гоня,
Давай откроем летние варенья
И с красным чаем сядем у огня.
Сольем сердца страдающие наши
И отведем заботу от лица.
Как хороши, как свежи были сажы
На черных выюшках в доме у отца.

Как дивно пахли и гудели ульи,
И яблоки мерцали в сквозняке.
Как молоды и жарки были угли
В подтопке на стальном колоснике.
Как чисты были облачные глыбы,
И как легко несло меня весло
По озеру, где всплескивали рыбы,
На плоскодонке под твоё окно.
Как хороши, как свежи были губы,
Как звонок и затейлив соловей.
Как широко и сладко пели трубы,
Печные трубы родины моей.

* * *

Мы — последние этого века.
Мы великой надеждой больны.
Мы — подснежники.
Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.

Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли,
Как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.

Но в конце
прохришим не проклятья —
О любви разговор поведем.

Мы — последние века.
Мы — братья
По ладони, пробитой гвоздем.

Время быстро идет по маршруту,
Бьют часы, отбивая года.
И встречаемся мы на минуту,
А прощаемся вот навсегда.

Так обнимемся.
Путь наш недолог
На виду у судьбы и страны.
Мы — подснежники.
Мы из-под елок,
Мы — последняя нежность войны.

РЕН

**ЦЕНТР
НАЦИОНАЛЬНОЙ
СЛАВЫ РОССИИ**

ПРОСВЕЩЕНИЕ В РОССИИ: ТРАДИЦИИ И ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

*По материалам
Общественно-
педагогического
форума
11–12 апреля 2008,
Санкт-Петербург*

Общественно-педагогический форум «Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени» прошел в Санкт-Петербурге 11–12 апреля по инициативе Центра Национальной Славы, при поддержке Общественной палаты Российской Федерации, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Ленинградского областного института развития образования.

Обсуждение актуальных вопросов воспитания и образования в России в тесной взаимосвязи с отечественными традициями Просвещения, являющимися неотъемлемым фактором культурной и национальной идентичности, стало главной темой Форума. Работа секций «Историческое образование и стандарты нового поколения», «Традиции и инновации российского просвещения», «Духовно-нравственное и интеллектуальное развитие личности в условиях нового информационного сообщества» была организована на площадках Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Святодуховского центра Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, что позволило привлечь к дискуссии широкий круг педагогической и научной общественности.

Пленарное заседание открыла президент Санкт-Петербургского государственного университета Людмила Алексеевна Вербицкая. В своем выступлении она отметила, что вне зависимости от остроты дискуссии о необходимости модернизации российской системы образования и сохранения оснований отечественной традиции,

Россия уже вошла в международное пространство, поэтому нужно сделать все возможное, чтобы российские выпускники имели те же возможности, что и выпускники университетов других стран. Обсуждения требует вопрос о том, как сохранить все лучшее, что было в российском образовании.

*Президент СПбГУ Л.А. Вербицкая, вице-президент ЦНС
З.Г. Медоева, директор Государственного
Эрмитажа М.Б. Пиотровский*

Участникам Форума были зачитаны обращения от имени Председателя комиссии по вопросам сохранения культурного и духовного наследия Общественной палаты Российской Федерации, митрополита Калужского и Боровского Климента и от имени Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе И.И. Клебанова. В обращении Митрополита Калужского и Боровского Климента, было подчеркнуто, что такие явления современной общественной жизни, как размывание общечеловеческих ценностей и духовный нигилизм, особенно остро представленные в молодежной среде, требуют компенсации через усиление роли воспитательного процесса в современном образовании. Для успешного решения этого вопроса необходимо объединение усилий государства, Церкви и общественных институтов. В обращении Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе И.И. Клебанова прозвучала мысль о том, что в современном обществе как никогда велика роль образования. Как отмечено в обращении, «его успешное развитие является основой благосостояния граждан и социально-экономического прогресса. Вместе

с тем образование всегда неразрывно связано с воспитанием, которое должно быть главным вектором общественной жизни».

В выступлении Вице-президента Общероссийской общественной организации работников средств массовой информации «Медиа Союз», Заместителя председателя Комиссии по вопросам сохранения культурного и духовного наследия Общественной палаты Российской Федерации, Елены Константиновны Зелинской, было подчеркнуто, что Общественно-педагогический форум «Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени» — одно из важнейших мероприятий, проводимых в последнее время в области обсуждения образовательных стратегий. Как отметила в своем выступлении Е.К. Зелинская, «в 2008 году Общественная палата Российской Федерации, помимо обычных направлений своей деятельности, внесла в список приоритетных вопросы сохранения и развития наших духовных и культурных традиций».

Выступление директора Государственного Эрмитажа, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, члена-корреспондента Российской академии наук, члена-корреспондента Российской академии художеств, Михаила Борисовича Пиотровского, было посвящено «русским рецептам» просвещения — тому, на чем строилась отечественная система образования, и что изучают во всем мире как область исключительных открытий. Было отмечено, что сочетание «рецептов» и новых открытий позволит выстроить довольно четкую систему рассуждений, практических выводов, в основе которых должна лежать национальная идея.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир заметил, что находясь в условиях многомерного информационного пространства, под интенсивным воздействием стремительно развивающейся информационной техники, молодые люди как никогда остро нуждаются в духовной и нравственной опоре, чтобы расти и развиваться без ущерба для личности. «Специфика воспитания молодой личности всегда состояла в максимальной насыщенности педагогического процесса материалами богатства отечественной и мировой культуры в сочетании с самыми эффективными современными информационными и педагогическими методиками. Открытое сердце, интеллектуальная свежесть, потенциальная готовность к усвоению новых знаний — благодатная почва, на которой при мудром содействии может вырасти способное и культурное мощное поколение» — отметил митрополит Владимир.

Академик Российской академии образования, заведующий кафедрой философской и психологической антропологии, Александр Александрович Корольков в докладе «Духовно-нравственные традиции русского просвещения и модернизация образования» подчеркнул, что педагогический форум возвращает в наш язык, в наше общественное служение прекрасное слово «просвещение», которое в XIX веке вмещало в себя все, что ныне именуют культурой. Также было отмечено, что «в реформах просвещения необходимо бережное отношение к традициям, ибо в стремлении к модернизации утрачивается оптимальное соотношение здорового консерватизма и новизны. Особенно чувствительна к ломке традиций сфера гуманитарного знания и нравственных ценностей». Модернизация, по мнению А.А. Королькова, приводит и

уже привела к лучшему и более массовому знанию английского языка, языка интернета, но обоснованную тревогу вызывает реформаторское устранение сочинения из числа выпускных экзаменов общеобразовательной школы, а тем самым и ослабление позиций русского языка, гуманитарной культуры в целом. Превзойдут ли молодые люди в культуре старшее поколение, а не только в информированности — это серьезный вопрос современного образования.

*Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир,
З.Г. Медоева, Архиепископ Тихвинский Константин*

Докладчик привел поучительный пример из истории нашей науки и культуры: учителем Д.И. Менделеева в тобольской гимназии был замечательный сказочник Петр Павлович Ершов. Между тем, по иронии судьбы, из нынешних программ по литературе изъято изучение «Конька-Горбунка». Завершая свое выступление, А.А. Корольков отметил: «Стоит глубже понять и прочувствовать причины достижений нашей страны в области фундаментальных теоретических знаний — не коренятся ли они, в том числе, в традициях гуманитарной подготовки учащихся?»

Вице-президент Центра Национальной Славы, член Общественной палаты Российской Федерации, Залина Григорьевна Медоева в своем выступлении подчеркнула взаимосвязь традиций российского образования с вопросами воспитания, что и должно стать вектором развития современного общества: «Традиции просвещения всегда были определяющими для исторического и государственного пути России. У этих традиций самые глубокие корни, связывающие нас с самой русской культурой. И сколько бы мы ни говорили о потребностях нового времени, мы не должны забывать о том, что образование в России имеет свой неповторимый облик. В традициях российского просвещения уже заложен тот фундамент, который позволяет не

только сохранять культурную и историческую преемственность, но и отвечать на вызовы современности». Как отметила З.Г. Медоева, воспитание подрастающего поколения в современной России невозможно без определенности в области исторического и духовно-нравственного просвещения.

В своем выступлении Архиепископ Тихвинский Константин, викарий Санкт-Петербургской епархии, ректор Санкт-Петербургских духовных школ добавил, что Россия в настоящее время пребывает в двойственном положении. С одной стороны, очевидно укрепление политического престижа страны, постепенный выход из кризиса. Он заметил: «Государство окрепло, что не может не радовать. С другой стороны, существует угроза духовного и социального кризиса общества. И здесь необходимо учитывать трагический опыт XX века: единственный путь к духовно-нравственному возрождению России — возвращение к отечественной, православной традиции, что предполагает объединение церкви, государства и общественных институтов».

Выступление Александра Леонидовича Казина, заведующего сектором кино и телевидения Российского института истории искусств, профессора исторического факультета СПбГУ, члена Исполнительного совета Собора православной интеллигенции Санкт-Петербурга было посвящено практике русской культуры, русской идеи, русского самосознания. Автор отметил, что «русскость» — не биологическая характеристика, а определенная ценностная позиция в мире, связанная с отечественной духовной и культурной традицией, с православием, с самим русским языком: «Русский человек — тот, кто любит Россию и свободно разделяет ее земную и небесную судьбу. Практика национального самосознания личности и культуры представляется одной из ключевых для дальнейшего пути России в истории, не растворяющейся в других культурах и этносах, но и не унижающейся до биологического национализма и изолированности, ведущих к гибели».

Декан исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Андрей Юрьевич Дворниченко посвятил свое выступление вопросу создания единой концепции исторического образования. Он отметил, что без общего понимания исторического процесса во всей его полноте невозможно полноценное просвещение и воспитание молодежи: «Исчезли теории прошлого, надо создавать теории настоящего. Поэтому необходимо сконцентрировать усилия государства и общества на этом поприще. Нужно создавать эти новые общие концепции, и уже потом нам предстоит обдумать, как осуществлять их на практике».

* * *

По результатам работы секций были представлены концептуальные подходы и методологии в контексте традиций и инноваций российского просвещения. Было отмечено, что сами традиции российского образования не позволяют разделять понятия «обучения» и «воспитания». Однако современное образование в процессе слома исторически устаревших идеологических норм обнаружило утрату духовно-нравственного компонента в воспитании. Реалии современной общественной жизни не позволяют вернуться к простому повторению

тех или иных идеологем: необходима разработка таких концепций культурного и национального воспитания, которые предполагали бы конкретные формы и актуальные гуманитарные стратегии. Здесь опыт региональных образовательных учреждений и общественных организаций оказывается особенно ценным.

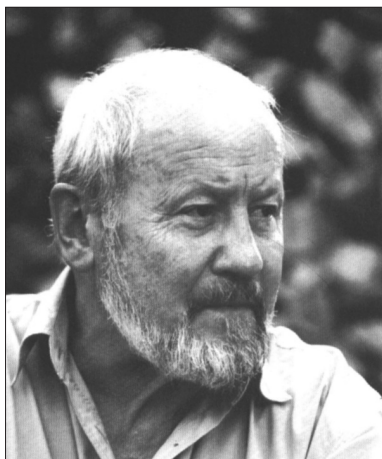
*Зав. кафедрой философской и психологической антропологии
РГПУ им. А.И. Герцена А.А. Корольков, зав. кафедрой
истории философии РГПУ им. А.И. Герцена А.А. Грякалов*

В то же время не следует отказываться и от традиционных для русской культуры духовно-нравственных оснований: введение в образовательные программы предмета «Основы духовно-нравственной культуры» способствовало бы совершенствованию процесса личностного становления и национального самосознания.

Национальная идея, будучи фундаментом государственности, не может быть объектом конструкции. Она возникает как квинтэссенция общественного самосознания, поэтому для ее оформления необходимы усилия общественности в диалоге научных, педагогических и государственных структур.

В качестве инструмента такого диалога Общественно-педагогический форум готов начать в рамках Общественной палаты Российской Федерации обсуждение проблем, связанных с состоянием просвещения в современном российском обществе.

ПОЭЗИЯ

Юрий ЛОЩИЦ ЗАРЯ ТАИНСТВЕННОГО ДНЯ

Юрий Михайлович Лощиц — родился в 1938 в селе Вале-гоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрово-го военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

КОГДА-НИБУДЬ

Тяжелые руки лягут на стол.
В соснах запрядают сумрак.
Последний звук уходящего дня —
звон млечной струи о подойник.

День,
 подобный тысяче лет,
без слов был принят и прожит.
Коровий вздох и моргающий свет,
и молитва его итожат.

КОЛОС

Приглядишь: каждый колос умен.
И лишь только поймет, что о нем
речь твоя, — как он сразу взволнован!
Как приветлив воздушный поклон,
как ласкается он, как влюблен,
а за ним со всех ног и сторон
вдруг летит к тебе целое поле —
«Здравствуй!..

Здравствуй!» — ликуя на воле.

* * *

Лопочет весело ботва,
что огородная братва
растет легко и тесно.
голубоглазая, и дрожь
ресниц ее небесна.
Рожь человечески тепла,
как будто только что была
вот тут душа живая
и так молилась горячо,
что все волнуется еще
от края и до края.

КНИГА

Как воин плененный о милой семье,
так праведник думает вечно о книге.

Кому наученье — вериги,
а этот, глядишь, и во сне
с улыбкою шепчет глаголы святые.
Так первенца
в руки отец принимает впервые,
как старец любимую книгу берет.
Он каждую буквицу
 взглядом разглядит,
ладью свою в умное море наладит —
разглядывать Божию бездну плывет.

* * *

Акафист, списанный в тетрадь
рукой прилежною твоею,
нашел в бумагах и опять
молчу и горблюсь, и болею.

Взгляд задержу ли на бинтах —
и тут же уязвляет память.
Я и не ведал, что вот так
способны вещи тихо ранить.

Как быются пижма и полынь
в метельной зноби на сугоре!

Как беззащитно в тишь и стынь
над лесом кровоточат зори.

А как стерильны и чисты
снега кладбищенского поля!
...Изнемогать от маяты,
но вдруг открыть, что нету боли,

что нету судного огня
и что легко и небывало
заря таинственного дня
тебя навек уврачевала.

* * *

Памяти Юрия Селезнева

Воздух молчанием злобным ожгло.
Друга не стало — без часу пророка.
Нет, еще не было так тяжело,
так безнадежно, так одиноко.

Но побледнеет вчерашнее зло,
как разглядишь, что таится до срока.
Нет, еще не было ни тяжело,
ни безнадежно, ни одиноко.

ЮРИЙ

«Нас будут выбивать по одному, —
сказал мне друг, сутулясь и мрачняя, —
вразброс, не всех подряд, а потому
не всполошится, не поймет Расея».

«Ты прав — к несчастью. Я же — к счастью, прав. —
И глянул я в глаза его родные. —
По одному уйдем мы, не узнав,
на ком из нас опомнится Россия...»

СКВОЗЬ СТРОЙ

Сквозь строй торговцев Курского вокзала,
по коридору спекулянтов нищих,
вдоль чая, жвачки, водки, сыра, сала
и вдоль иной недостающей пищи,
сквозь неумытый строй подпивших теток,
сквозь стыд и срам людской прокисшей свалки,
где совесть хлещет нас большее плеток,
а взгляды в спину тяжелы, как палки,
сквозь этот строй, похожий на расплату
за ложь глашатаев земного рая,
сквозь этот ор и гомон, близкий к мату,
сквозь эту прорву без конца и края,
сквозь музыкальных будок перепалку,
сквозь этот чад и смрад шашлычный синий,
сквозь строй лежащей на полу вповалку

бездомной оцыганенной России,
сквозь строй мальчишек, продающих пиво,
порногазетки и окурки «Кента»,
я бы провел, хоть это неучтиво,
я бы провел за ручку президента.

* * *

Вы без нас заскучаете
в этих каннах и ниццах.
Насовсем одичаете в
золотых заграницах.

без улыбки Гагарина
и без вербы в стакане,
без мордвы и татарина,
без Твери и Рязани.

В своих виллах зачахнете,
устричкой поперхнетесь,
обернетесь исчадьями
и в дугу изогнетесь.

У пустого корыта вы
без казачьего свиста.
Без Толстого сердитого
ни души в вас, ни смысла.

Эй, вы там,
сердцу русскому
не житье в вашей холе,
без сугробного хруста
да сладкой песенной боли,

Пусть алмазами пудрены
и амброзию пьете, —
без пасхальной заутрени
вы, как дым, пропадете.

* * *

В ночном лесу сухой и хлесткий выстрел.
Невольно вздрогнешь, пятясь на крыльцо.
Какой мороз над прорубями вызрел!
Наждачный воздух так и трет лицо.

Но нам не привыкать к земной остуде.
Моргают угли, печь раскалена.
Отдельно спят леса, отдельно — люди,
отдельно зрит в пустых полях луна.

И кот поет, и самовар вздыхает
о путнике, что не стучится в дом.
Так наша жизнь, куда идет, не знает
меж древней стужей и родным теплом.

* * *

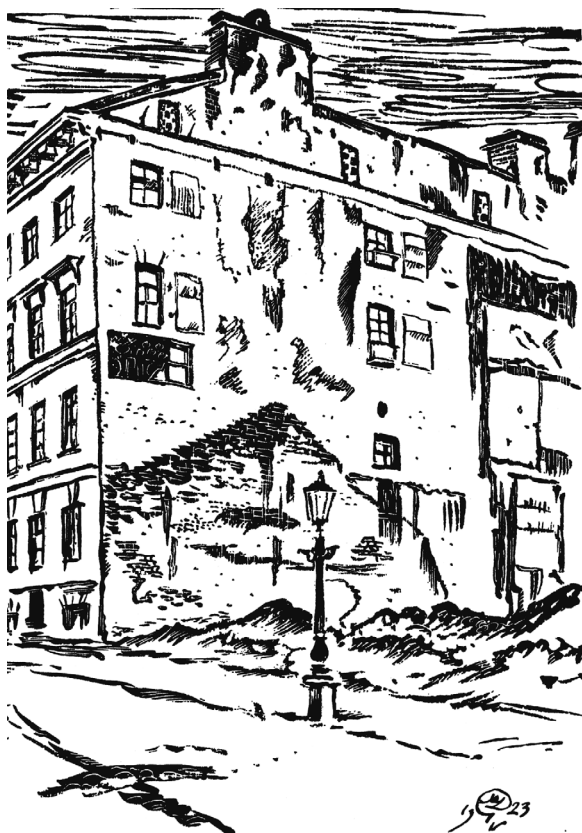
Дед и я — под громадным овчинным тулупом,
и в подвижных прорехах ореховых крон
звезды в жмурки играют с зевакою глупым,
издавая таинственный звон.
Я к спине твоей, дедушка, ухо прилажу.
Это ты старой грудью стозвонно звучишь,
будто скриплюю тащишь смиренно поклажу,
и тебя с удивленьем заслушалась тишь.

Наработалась грудь. Как меха настаралась.
Тяжко легким вздымать и удерживать дых.
И в сто трубочек крошечных плачет усталость,
в сто гармошечек, слышу, играет губных.
С головою зароюсь в овчинную мяготь.
Это звезды в тебе, бесконечном, звучат.
Это ты их настроил на сладостный лад.
И забудусь, не зная: смеяться ли, плакать?

* * *

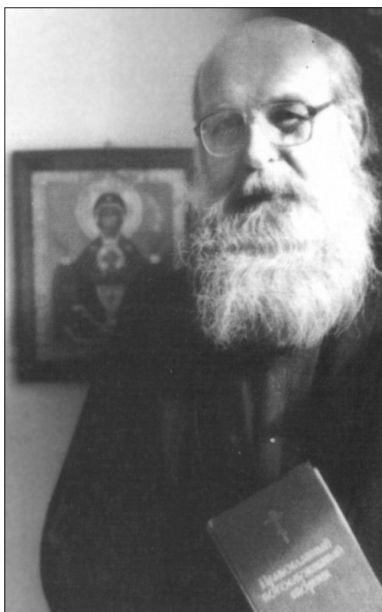
Толкает мать легонько колесницу.
«Кого везешь — Царя или Царицу?» —
хочу спросить,
но молча прохожу,
чтоб не подумала она, что сглажу,
чтоб не обиделась: болтаю зря.
А сам шепчу:
«Вези в столицу нашу,
вези-старайся
доброго Царя».

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

Рисунки Добужинского

ПОЭЗИЯ

Сергей ПОЛИКАРПОВ

МОНАШЕСКИЙ МЕЧ

Сергей Константинович Поликарпов. В прошлом аэрогеофизик, работал по всей России: от Карелии до Камчатки. Автор нескольких книг стихотворений. Служит певчим в Самсоньевском соборе и в Никольском монастыре Старой Ладogi. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Мы все
на Петроградской жили, —
Братва, не битая никем.
Портвейн из горлышка глушили
В прокуренном парадняке.
Мы задирали, но не здешних,
До крови дрались во дворе.
Любили девушек безгрешных
И провожали на заре.
В «клешах»

по Чкаловскому чинно
Мы совершали наш вояж.
Не матерились безпричинно
И посещали Эрмитаж.
Читали мы Хемингуэя,
Верхарна знали наизусть,
Но замирали, столбenea,
Когда звучало слово Русь.

РАЗМЫШЛЕНИЯ АТЕИСТА

Православные надменны,
Разговоров не ведут.
Что не спросишь, непременно
Только руки разведут...

Я ему: «В запое — ночи.
Дочка села на иглу...»
Он молчит, потупив очи,
Точно двоечник в углу.

Я: «А власти наши? С ними
Сдохнешь — я не удивлюсь...»
Он зачем-то спросит имя,
Скажет: «Ладно, помолюсь».
Глянет грустно и светло...
И от сердца отлегло.

* * *

В нашем храме нет даже купола,
И киотов нет позолоченных.
Все иконочки в лавке куплены
И гвоздями к стене приколочены.

И сквозняк, прихожанин непрощенный,
И частенько фальшивят певчие.
Но Пречистая, вся продрогшая,
Греет ручки Свои над печкою.

У СТАРЦА

— Не грешно ли писать стихи? —
Я спросил у Святого Старца, —
— Я бесстрастным хочу остаться,
Но поэзия — дар стихии.

Ты — нелживого языка.
Не печалься, чадо, пиши.
Не страшись потерять души,
Да гнушайся помысла злого.

Улыбнулся Старец слегка
И сказал, помолчав немного:
— Я служитель живого Бога,

Помолюсь о тебе в тиши,
Ты мне имя свое скажи ...
Оба славим с тобою Слово.

СВЯТОМУ ОТРОКУ

Мы храм построим деревянный
Во имя Отрока святого,
Алтарь устроим покаянный
Под колокола звон литого.

И мы споем светло и нежно,
И обойдемся «обиходом».
И выйдет Отрок белоснежный,

И все, о чем отцы просили,
Построим силою молитвы,
— Самодержавную Россию...
Колокола уже отлиты.

И остановится у входа,
И всех простит, как мы просили,
И осенит Крестом и Властью...
И вспомним мы,
 что Бог не в силе
И что в России наше счастье.

ПАМЯТИ 2 МАРТА 1917 ГОДА

Мы убили царя не свинцовою пулей,
Не молчаньем толпы за стеной алтаря,
Мы убили царя тем, что не помянули
Николая тогда в ектенье за царя.

Вот стоим на коленях
и просим: «Прости!».

На заре окаянно-свободного века
Мы хотели и Бога с небес низвести.
Неповинного нет среди нас человека.

И молитвою слезной заходится сердце,
Покаянное слово елеем течет.
По молитвам
Святого Царя-Страстотерпца
Покаянную голову меч не сечет.

МОНАШЕСКИЙ МЕЧ

Шнеки дубовые, к бою готовые.
Волны морские. Заморская речь.
Весла еловые. Брони пудовые.
Шелест кольчуг от движения плеч.

Утром у звонницы старцу поклонятся.
Шоркнул из ножен монашеский меч.
Шнеки причаляли, волны качали их.
Бог помогает ударить, рассечь...

Тихо в обители, молятся жители...
Братия бредит тревожно во сне.
Веки смежаются. Враг приближается.
Зоркий не дремлет дозор на стене.

Весла изломаны, брони искрошены,
Кровью забрызганы, втоптаны в грязь.
Братия к храму бредет по дороженьке,
Пот вытирая, смиренно молясь.

ЛЕТОПИСЬ

Умер игумен, убит пономарь.
Кто нам порою весенней

Может, придется и мне наяву
Смерти сподобиться крестной?
Впрочем, я верую —
значит живу,
Значит умру ... и воскресну.

Россия странница,
Россия не страна.
Темны глазницы,
погребальны песни.

Не возродится никогда она, —
Она умрет ...
и в третий день воскреснет.

На оранжевых бархатцах
бабочки нежатся,
Сушат влажные крылышки —
утро, роса...

Все скорбящие нынче,
я верю, утешатся —
Для людей и для бабочек
есть Небеса.

Надену рясу серую,
И четки прикуплю
Не потому, что верую,
— А, веруя — люблю,

Лишь облачают верою,
Когда любовь влечет.

А эта ряса серая
И четок перечет

Любовь, безмерной мерою,
К бессмертию коплю.
— И потому я верую,
Надеюсь и люблю.

Светлой памяти
Анны Павловны Богомоловой

Зимою мается душа.
Острее предчувствие потери.
Замки накинута на двери,
И ниже вороны кружат.

И холод властвует поселком.
И нет пристанища нигде...
Но жив Господь, — не быть беде,
Окошком светится светелка.

Их прижимают облака.
Бежит и кружится поземка.
Стемнело быстро, и в потемках
Слились дорога и река.

Елей молитвы гонит сны,
Старушке Аннушке не спится.
И верится, что мир продлится
Ее молитвой до весны.

ВРЕМЯ

Вот скоро год я служу
В крошечной лавке церковной.
Масло лампадное тут,
Свечи, иконы, кресты.
Часто заходит ко мне
Мальчик с растерянным взором.
Новый Завет он прочел, —
Море вопросов обрел.
Я отвечаю ему
Все по уму и неспешно —
Все, что у Старцев прочел
Или меж строк угадал.
Радостно мне, я служу,
Богу и людям я нужен.
Господи, благослови
Наши беседы и впредь!..

Вот и три года уже
Я в той же лавке церковной.
Все как всегда, только вот
Мучают боли в спине.
Часто заходит ко мне
Юноша розовощекий
С ярким огнем голубых
Сосредоточенных глаз.

Любит он так щеголять
Выправкой семинариста,
Просит невесту найти
И открывает легко
Тайны духовных глубин.
Радостно мне — все как прежде:
Я ему нужен пока,
Слушатель я неплохой...

Вот и седьмой уже год
Я в той же лавке церковной,
Без изменения все,
Только натуга сильней.
Часто заходит ко мне
Батюшка с редкой бородкой,
Грусть затаив в родниках
Светло-синеющих глаз.
Я изливаю ему
Беды мои и печали.
Слушает он и молчит.
Слушатель он неплохой,
После утешит сполна
Сладостным благословеньем.
Радостно мне: за меня
Есть помолиться кому.

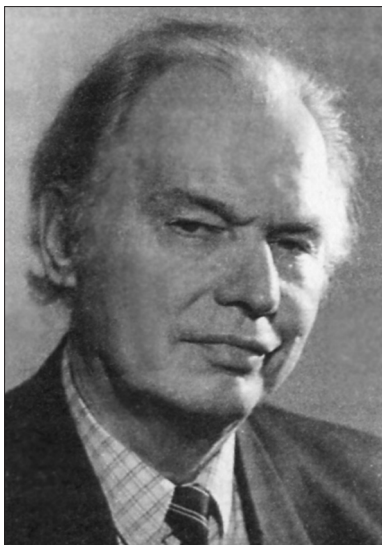
* * *

Иноконе Ангелине

Слышу Ангелов пенье,
И печаль на душе.
Я печатью Успенья
Запечатан уже.
Снег не скоро растает
Над моей головой,
А душа прорастает
Монастырской травой.
Ты молитвой недлинной,
Но сердечно простой,
Помолись, Ангелина,
За меня — Пресвятой.

Песнопеньем молитвы
От печали укрой.
Удивительно слитный,
Этот знаменный, строй.
В нем великая сила
Нашей нищей Руси ...
Помолись за Россию,
За меня не проси,
Оставляя на милость
Перед Богом грехи,
Чтобы сердце томилось
И писались стихи.

Русский ПАЛОМНИК

Валерий ГАНИЧЕВ

АФОН. МОЛИТВЫ И НАДЕЖДЫ

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Валерий Николаевич Ганичев более всего известен в России как писатель, отдавший многие годы своей жизни исследованию и прославлению личности и свершений святого праведного адмирала Федора Ушакова, и как историк, в большой степени причастный к его канонизации. Выбор писателем героя определяется, вероятно, не только личной симпатией, но и пониманием того, что именно такая нравственная, героическая личность, как Федор Ушаков, может быть сегодня интересна читателю, что он может стать невыдуманным героем нашего беспокойного времени. Но для того, чтобы создать достоверный литературный образ мощной духовной силы, писатель сам должен обладать высокими боевыми качествами, духовными принципами своей жизни следовать за святым адмиралом. И писатель следует за флотоводцем, и значимы вехи этого пути!

Вот лишь некоторые из них — большие исторические романы и повести «Росс непобедимый», «Адмирал Ушаков», «Тулеский энциклопедист», «Державница», более ста научно-исторических статей, множество званий и наград, среди которых орден Трудового Красного Знамени, ордена Знак Почета, ордена Сергия Радонежского, св. благоверного князя Владимира, Большая литературная премия России, премия «Прохоровское поле» и т.д. Судя по названиям в этом перечне, кажется, что речь идет не столько о писате-

ле, сколько о военном человеке. Действительно, понятие «воин» является определяющим в жизни Валерия Ганичева. Он родился 3 августа 1933 года на станции Пестово Ленинградской (теперь Новгородской) области. Закончил исторический факультет Киевского государственного университета, работал на руководящих должностях в журнале и издательстве «Молодая гвардия», был главным редактором «Роман-газеты», ныне доктор исторических наук, возглавляет «Роман-журнал. XXI век», председатель Правления Союза писателей России, член Общественной палаты Российской Федерации.

Испокон веков русский писатель был воином, не всегда по званию, как Лермонтов или Толстой, но обязательно по духу, заставлявшему Пушкина восклицать: «Страшись, о, рать иноплемennых, России двинулись сыны...» Не за злато, не за чужие земли воюют русские сыны, сегодня вновь русские писатели борются за свою Родину, за честь, за веру. Да и какая битва без веры? Ведь учил Суворов: «Кто Бога боится, тот неприятеля не боится», — и подтверждал своими подвигами, что с Божьей помощью все возможно.

С Божьей помощью и в силу своего выдающегося таланта побеждает в современных духовных битвах Валерий Ганичев, командуя тяжелым «кораблем» Союза писателей России. О том, как пополняются духовные силы, откуда берется уверенность в победе, — рассказывается в записках о паломничестве, которое писатель совершил на святую землю Афон. Эту публикацию редакция журнала «Родная Ладога» посвящает 75-летию Валерия Николаевича и искренне желает ему здоровья и сил, которые, дай Бог, еще долгие годы будут питать любовь к Отечеству и ревность сражаться за его славу.

Когда приезжаешь в Морские ворота Афона Дафнию, ждешь, что на той стороне, куда устремляется небо, должен быть трепет от тысяч возносимых к небесам молитв.

Да, там, на Святой горе, в монастырях, скитах, отдельных кельях, узких пещерках, ежедневно творится тысячами монахов молитва. Они молятся за нас, за православный мир.

Миллионы записок о здравии и упокоении стекаются сюда из православных стран, от верующих всего мира.

Я один привез почти пятьсот записок своих и от родных, близких, знакомых, соработников, соседей, прихожан храма и просто от тех, кто услышал, что еду на Афон и попросил передать записку о своих болящих. Сами же мы, быстро написав записки о родных и близких, еще два дня, включая полет, дописывали тех, кого вспоминали из давних лет: дальних родственников, знакомых, помогавших в трудную минуту, вообще совершивших добрые дела добрых людей.

Не скрою, что записал и некоторых, кого к разряду хорошо относящихся ко мне не отнес бы. Тут уж, наверное, христианское чувство подсказывало — так надо. Помянул и своих родителей — Анфису и Николая, люди они были советские, но в детстве крещеные и жили, как я понимаю, по всем христианским заповедям: творя добро, создавая, воспитывали нас, четверых братьев. Помянул и незабвенную тещу свою Анастасию свет Алексеевну и ее мужа русина Федора, простого рабочего человека, арестованного в 37-м году и сгинувшего в темных нетях ГУЛАГов. Анастасия же Алексеевна не дала сжечь себя унынием и печалью, не опустила руки, не пустила в сердце злобу и отчаяние и воспитала троих детей. В самые тяжелые военные и послевоенные годы вскормила их, накормила, обучила, дала дорогу в жизнь. Всех она любила, пригревала, кормила.

Десять девушек, не успевших эвакуироваться в 1941 году из Николаева с госпиталем, пригрела в собственном доме. Солдатам, бегущим мимо дома из самоволки совала в руки бутерброды, для мужичков — судостроителей, — возвращавшихся с завода и выпивших по обычаю стаканчик вина, посадила на улице помидоры: «Им же закусить чем-нибудь надо!» Дом был полон детей, подруг дочери Светланы, которые что-то шили, мастерили, готовили газеты и костюмы в школы. Всем хватало еды, постели, а главное, заботы, ласки и любви.

Как уместно было бы сказать на Афоне, была тут, в доме полная киновия, то есть общежительность. Как тут не помянуть на Афоне истинную христианку Анастасию, которую провожала в последний путь вся 4-я военная улица в городе Николаеве, и под ноги бросали цветы, и рядом не только родственники, а все управление судостроительного завода, которое привел главный инженер завода, сказав: «Если такие бабушки будут и будут такие внуки, которые так любят бабушек — мы не погибнем». Внук же Коля, который каждый день с любовью рассказывал соработникам о бабушке, в этот день был неутешен. Да, конечно, на Афоне следовало помянуть светлую, радостную, щедрую в своей отдаче людям всего доброго рабу Божию Анастасию, нашу любовь и родную многим людям.

Итак, Афины — Салоники — Дафния.

...Утро. На пристани у парома народу еще немного. Он толпится у своеобразного визового бюро. Да, тут, предъявив приглашение от Афонского монастыря, вы сможете получить документ-разрешение на въезд, а значит и право на билет паромной переправы. Виза-разрешение выдается, как и везде, за плату. В кассах же билетов не продали: поставили на лист ожидания. Ничего себе! Так ведь можем и не попасть сегодня (а разрешение-то выдается на три ночи и плюс один день). Стали искать варианты.

Умудренный батюшка из православных храмов Иерусалима посоветовал: «А вы понастойчивей, потверже. Вы же не на рынок приехали». Мой спутник Владимир снова подошел к кассе и, показывая приглашение из монастыря Феофила, требовательным голосом это

и сказал: «Мы из России, приехали поклониться обители Божией Матери, помолиться и попросить духовной укрепы».

Кассир, до этого по-русски не понимавший, сразу согласился.

Я, правда, как человек, помнящий еще довоенные очереди, предложил сразу пойти к парому, пока не выстроились все «обилеченные». Вошли на паром в числе первых, заняли места на второй крытой палубе. Наверху было ветрено и слегка моросило. В серовато-туманной зыбкости проплываем мимо желто-скалистого афонского побережья.

Потом уже вычитаешь, что это полуостров, где и выстроилась молитвенная обитель Божией Матери со всем монашеским воинством. Самой Святой горы еще не видно. Она в пелене тумана. Одна, вторая, третья остановка. Паломники, священники из разных православных стран и земель сходят на пристани. Кого-то здесь ждут машины, ослики, кто-то с посохом пускается по тропинкам вверх. Да, почти все монастыри и скиты, кельи — там, в лесной горной чаще, в скалистых расселинах, у перевалов и вершин афонских гор. Но вот перед последней остановкой выплыл из-за поворота какой-то былинный, памятно сказочный, храмовый град — почти у самого моря. Паломники в восхищении говорят: «Пантелеймонов монастырь. Руссико!» Да, русский, теперь уже навсегда осевший в моей памяти, монастырь святого Пантелеймона — чудо Афона. Тучи слегка раздвинулись, солнце бросило свои лучи на засверкавшие главы, тоже как бы испускающие лучи, и мы даже попытались сфотографироваться на фоне лучистого чуда.

А вот и конечная остановка — Уранополис. По предварительной договоренности нас должны ждать на пристани из греческого монастыря Феофила. Подходим к причалу. С нами сходит большая группа паломников. Оглядываемся. Крепкий, коренастый монах с черно-седой широченной бородой сразу выглядел нас, не спеша подошел: «Руссико?» «Да, да!» Размашистый жест к такому же крепкому и такому же широкоосному, как водитель, джипу. Мы садимся. Он подсаживает еще двух ребят, старца и устремляется вверх. Дорога чем дальше, тем извилистей и круче. Да, тут уж надо обладать горным профессионализмом. Наш монах, думаю, не испытывал нас специально, но своим умением резко разворачиваться, четко стопорить у края пропасти, обогнать на повороте тихохода явно был удовлетворен. Мы, конечно, свою боязливость не демонстрировали, но хотелось ехать как-то поаккуратнее. Впрочем, что нам беспокоиться — нас везет монах. Поворот, подъем, узкая дорога и небольшая лесная чаща, в центре которой выкрутилось небольшой монастырской крепостью монашеское строение. Да, собственно монастырь и есть духовная крепость. Приземистая арка — вход в небольшой монастырский двор. В центре крепко сбитый византийский храм. За границей монастыря только что утверждающаяся весна, а тут двор, поросший травой, по углам цветущие ярко красным цветом камелии. Во всю над ними работают пчелы. А всего-то десятое марта. Монах

показывает вход в здание, которое вкруговую стягивается галереей. Входим. Никого не видно, но слышно: за выступом говорят. Выглядываем. Два монаха беседуют. Кивнули. Мы пошли в небольшую прихожую. Присели. Ждем. Один из беседующих монахов встал: «Руссико?» «Да, да». Куда-то ушел. Через минут пять появился с подносом. На нем бокалы с чистой водой, две чашки чая и две рюмочки ракии. Ого! Вспомнился прищур Сергея Котьяло: «Если вы понравитесь — вынесет по порции ракии, если ничего, нормально отнесутся — дадут чай, если хмуро — воду!» Вот сейчас и разберись: как к нам отнеслись. Ладно, это все шуточки. Нас отвели в гостевую келью на двоих, две кровати, стол, два стула, икона. Зашел послушник, представился: «Григорий из Тюмени».

Это хорошо. Хотя немного разберемся с монастырским порядком и службой. А служба как раз и начиналась. Идем в храм Благовещенья Божией Матери. Заходим. Он освещен лампадами. В первом церковном зале три лампадки слегка раскачиваются от потоков воздуха, идущих вместе с входящими монахами, и то высвечивают лик Христа, то покрывают его темнотой. Монахи по окончании частей службы prostираются на полу. Кто-то молится коленопреклоненно, другие стоят. Молитва с каким-то вековым, давним тоном, идущим к нам из древней Византии.

Замечаем постепенно в темноте, что многие стоят, опираясь на ручки высоких гнездилищ вдоль стен. Знаем, что это греческая традиция. Эти стоячие кресла-стасидии имеют помимо подлокотников идвигающийся насест, на который можно приспустить или даже опустить его ниже и присесть. Человек немощный, не все могут пять часов выдержать стоя. Мне, во всяком случае, это помогло выстоять в утренней службе. Конечно, и так бы молился неустанно, куда сподобился попасть-то! Думаю, что молитве эти, стасидии, не мешают. Да, впрочем, греки это доказали в веках. Утренняя же служба, несмотря на то, что для нас она начиналась необычно, приобретала свой истинный характер: творилась она не в наши вечерние часы, а после полунощницы в предвечерии утра или в часы его наступления.

В преддверии же ее мы были на вечерней субботней службе, когда раз в неделю выносят святыни храма и монахи, паломники прикладываются к ним.

На длинном низеньком столике, покрытом алой скатертью, выстроились святыни. Да, видно, что монастырь Феофила принадлежит к наиболее значительным монастырям Святой горы.

В благоговейном оцепенении стоим перед святынями. Русский монах монастыря Алексей тихо шепчет:

- Частица Креста Господня.
- Частицы мощей святой великомученицы Марины.
- Частицы мощей святителя Пантелеймона.

И, возможно, временно оказавшаяся здесь частица десницы Иоанна Златоуста, святого, которой нас и благословляли. Уже во дворе представились геронде, т.е. как бы игумену, (но на самом деле

игуменья всего Афона Божия Матерь), а он скорее старший, мудрый, пригласивший нас в монастырь. Поблагодарил за икону святого праведного Федора Ушакова, которую мы ему вручили, и сказал, чтобы мы остались ночевать и на следующую ночь. Русского монаха Алексия попросил отвезти нас в Иверский монастырь. Это уже провидение и Божий знак: поклониться Иверской Божией Матери было давнее желание. Известно, что в середине XVII века по приглашению Алексея Михайловича иверские монахи с Афона побывали в Москве и доставили туда чудодейственную икону Иверской Божией Матери, с помощью которой царь надеялся излечить тяжело больную дочь. Чудо действительно состоялось. Царь стал покровителем Иверского монастыря и передал ему монастырь святого Николая в центре Москвы.

Суббота. После вечерни — ужин. (Кстати в субботу и воскресенье в постной пище — капуста, картошка, частицы кальмаров, т.е. бескровных белковых морских существ.) И чашка вина, которое, конечно, следовало разводить. Всегда за этой трапезой была повечерия, где-то чуть больше часа. После монахи в кельях молятся и совершают «келейное правило», т.е. молитву с поклонами в келье.

Тут-то и происходит то, о чем загадочно спросил у меня в последний день пребывания на Афоне отец Николай: «С четками молишься, брат Валерий?» Я неуверенно сказал: «Нет». — «Молиться надо». Как молиться с четками я, честно говоря, не знал. Потом мне рассказали, что «келейное правило» предполагает, что в келии идет молитва с поклоном. После каждой короткой молитвы монах передвигает четку на один шарик и делает поясной поклон. На одиннадцатом, большом шарике, кладет большой земной поклон, таким образом, рясофорный монах (низшая ступень пострижения) делает ежедневно шестьсот поясных поклонов, мантийный — около тысячи, схимник — до полутора тысяч (не считая соответствующих земных).

Осторожно спрашиваем: сколько же с учетом утренней, дневной и вечерней служб, с учетом работы послушания, других обязанностей удается спать, отдыхать?

Отвечают: три — четыре часа.

Недаром, когда 23 марта после награждения Святейшего Патриарха Орденом Мира и премией «Национальное достояние», после того, как я рассказал ему об Афоне, Святейший спросил меня: «Тяжело было?» Я подумал тогда в первую очередь о нескольких часах сна монахов.

Всем тем, кто несет службу за других, за православных собратьев, за наше Отечество, нелегко.

А если бы было легко, сколько бы там «менеджеров», посредников всяких подвизалось вокруг. На следующий день по указанию геронды, мы в Иверском. Монастырь, как и все афонские монастыри, по которым ползут лианы, или какие-то выбивающиеся из глубин, из расщелин растения. Рядом водопад. Храм, где икона, закрыт. Алексей пошел искать храмового ключаря.

Храм Успенья Божией Матери несколько в стороне от главного храма. Сбоку от него — мраморный фиал для водосвятия. Возле него стоит небольшая группка паломников: тоже ждет открытия Иверской. От толпы отделяется монах и тихо спрашивает: «Вы Валерий Николаевич? ...Да? А мы с вами в Антонио-Сийском монастыре встречались, в Архангельской области. Там организовывали отделение Всемирного Русского Народного Собора». Вот ведь какова судьба, вернее Воля Господня. Сводит нас, русских православных людей, в разных местах. И слава Богу, что в таких благодатных.

А вот и она сама — Иверская Божия Мать, что приходила к нам своим обликом и в Россию. Мы заходим в ее храм. Непроизвольно становимся на колени и молимся-молимся за своих родных, близких, соработников и всех, кто мил сердцу и душе.

Особо усердно я просил даровать здоровья и благодати рабе Божией Фатине. Это ее усилиями приобщался я во многом тридцать-сорок последних лет к Храму, к Молитве, к духу Православному. Пресвятая Богородица, моли Бога за нее, буди Матерью и заступницей, рабе Божией Фатине.

Сияет Иверская при входе на Красную площадь, охраняла она московский, православный люд не раз. И еще знакома она нам по Переделкинской церкви, где в подземном углублении не раз молилась у нее Светлана перед моей операцией.

Последние сутки мы побывали в истинно монашеском ските, не приукрашенном никаким антуражем, а в месте, где молятся и молятся. Скит отца Николая от монастыря Скилурис находится высоко в горах, в чащобе, на небольшой раздвинутой Господом и немного обихожженной человеком площадке. Мы постучали в дверь-ворота. Открыли не сразу. Даже не открыли, а приоткрыли. Строгий вопрошающий взгляд: «Отец Николай, рабы Божии Валерий, Владимир помолиться к вам». Дверь отворилась шире: «Кто посоветовал?» — «Хорошие люди в Москве» — «Ну, тогда заходите». Дверь распахнулась, заходим во двор. В левом углу — красивая опрятная небольшая церковь. По устойчивой посадке, укорененности, горделивости — храм.

Отец Николай — крупный мужчина, неторопливый. Тридцать лет(!) монашествоует на Афоне. Входил в Кинот (высший церковный орган управления монастырями и монахами) ее Афонской столицы Кореи.

Показывает скит. Заводит за алтарную стенку храма: «Видите, кладка древне-византийская. По преданию здесь в IX веке молился Антоний Печерский».

Стою и думаю: какая духоносная, неразрывная и опорная связь православного служения. Как в IX веке отсюда, из обители Божией Матери, посылалась молитва на Русь, создавалась укрепа единству Православия, и как пытаются ее порушить сегодня, как придумывают «самостийну» украинскую православную церковь.

И так не раз, когда пытались создать свое местечковое, областное, прагматическое православие, это оборачивалось ересью и пре-

дательством, богохульством и сотрудничеством с врагами народа, оккупантами.

За трапезной — небольшой огородик. «Овощи, картошка. Нам хватает. Дрова заготавливаем. Воду качаем. Все Божие». Мощный («Сто пятьдесят кг», — шутит отец Николай) монах Мартинис наварил суп с овощами и вермишелью. Отведали. Мартинис немногословен, сам из оренбургских мест — из Бугульмы, из крещеных татар. Повспоминали Оренбуржье.

Другой же монах, Бонифатий из Мариуполя, вообще был не слышен. Какое имя его до монашества, так и не узнали, но об Украине и Мариуполе тоже вспоминали.

Тут же началась вечерня. Все по полному чину. «Читаешь в храме?» — спросил отец Николай. «Да, несколько раз читал «часы». — «На, читай». Вначале неуверенно, потом более четко, расплетая церковнославянскую вязь, углубился в молитвы. Служба, конечно, необычная. Три монаха возносят молитвы, поют, и грешным делом подумалось, что вот свершают они ее, эту службу для нас двоих паломников. Отец Николай в алтаре и перед алтарем очищает храм, пронося паникадило перед Божией Матерью, Святыми Николаем, Георгием, Пантелеимоном. Мартинис читает молитвы с кафедры, ведет службу. Бонифатий поправляет свечи, подтягивает в хоровом молении, стоит у входа в храм. Нет, не для нас, конечно, а ежедневно творится тут молитва, спасающая нас, грешных.

Было около восьми вечера. Можно и отдохнуть до утренней. «Пойдемте, покажу паломническую».

На втором этаже скрипящего братского корпуса находится комната с пятью кроватями (раскладушками). «Вот, выбирайте одеяла и располагайтесь». Чугунная печка должна обогреть. С гор спускаются языки холодного, мокрого воздуха. Мой коллега Владимир принес крепкую охапку дров, кажется можжевельник. Затопил. В этот момент было тепло. Затем, конечно, похолодало — пришлось искать второе одеяло. Часам к двенадцати, закончив читать акафисты и последование к причастию, мы стали сторожно засыпать. Все время казалось, что идет дождь, скрипит крыша, а когда ходили во двор через пронизанные ветром галереи, то вообще сон вылетал из головы. Затревожилась язва. Но вот все-таки в час заснул, и какие-то большие светло-желтые птицы проносили нас над побережьем, монастырями, ущельями и совершали облет вокруг высокой горы с белой вершиной. Стук в дверь. Мартинис хрипловато бросает: «На молитву. Свои». Да, знаем — сейчас каждый монах молится сам. Мы встаем, бросаем в лицо горсть воды, чистим зубы. Вдруг обнаруживаю, что в туалете есть и горячая вода. Стоит обогреватель. Да, это уже цивилизация. Во времена Антония (будущего Печерского) такого не было.

Мы почти сразу направляемся на службу. Исповедь, причастие в храме. Отец Николай слегка выговаривает, открывая дверь: «Рано еще, можно самим помолиться. Ладно, молитесь здесь».

Зажигаются свечи, потрескивает огонь в печке, звучит молитва, служба в скиту идет по византийскому распорядку, заведенному почти две тысячи лет назад, идет до восьми часов. Мы молимся, совершаем коленопреклонения.

Исповедуемся, получаем наставления и отпущение грехов. Ночное причастие! Ох, как бы поменьше впустить в душу новых грехов. Ибо человек слаб. Но утро встречали обновленные, радостные. Где ночь, где холод, промозглость, мокрый ветер и морозящий туман. А сейчас вышло из-за горы необычно яркое солнце, веет ласковый ветерок, все вокруг какое-то приветливое и дружелюбное. Мы — на Афоне!

Утренняя трапеза, вопросы уже более широкие. Мы по-светски любопытны: «Что ждет Россию?»

Отец Николай осторожно пессимистичен: «Молиться надо. Иначе все рухнет. Следовать Христовым заповедям».

О своем духовном опыте рассказывать не стал. Но сказал, что о многом размышлял последнее время и наговорил на магнитофон, пообещал помочь петербуржцам, которые хотят выпустить книгу и диски записей духовных размышлений, поучений, советов и просто раздумий отца Николая. А их у человека, 30 лет проводшего в монашеском состоянии на Афоне, конечно, немало. Себе же я с неохотой признался, что это такое монашеское, отшельническое состояние, такая самоотверженность в службе мне нынче не по плечу. Если бы лет сорок или хотя бы тридцать назад, тогда может быть и смог, если бы укрепился в вере, как ныне.

Последнее утро и день открывают нам еще многие светлые и намоленные места Афона. Неисповедимы пути Господни. В декабре месяце, пребывая на конференции в Харькове, посвященной Переяславской Раде, мы в очередной раз были у светящегося владыки Харьковско-го и Богодуховского митрополита Никодима. Владыка приветствовал нас, много говорил о вековечном единстве славянских народов, подарил нам 10 томов своих нравоучительных сочинений, мемуаров и стихосложений. Мы же вручили ему билет Почетного члена Союза писателей России. Владыка пригласил нас на службу в Кафедральный Собор, где были почитаемые мощи (сидящего) святителя Афанасия. Бывший патриарх Константинопольский Афанасий III удалился с престола по причине волнений и бедствий. Он был в сане митрополита Солунского и построил на Афоне келию с храмом святого Антония. Тут он и собирался закончить свою земную жизнь. Однако церковные обстоятельства привели его в Россию, где при исполнении своих обязанностей он и почил в 1654 году в Лубенском Преображенском монастыре. Его святые мощи были приобретены нетленными в сидячем положении там, где он был погребен. Позднее они были перенесены в Харьков. Тогда мы поклонились сидящему святителю и несколько не предполагали, что через три месяца пересечемся: побываем на Афоне, на месте храма святого Антония, возведенного Афанасием. Позднее на месте кельи святого Антония была возведена келья Андрея Первозванного. В ее центре стоит самый большой храм на Афоне в честь Анд-

рея Первозванного. Ныне в скиту Андрея Первозванного, где раньше было большое количество русских монахов, ведутся серьезные восстановительные и реставрационные работы. Хотя русских монахов здесь уже нет, незримый дух тех, кто воздвиг самую большую колокольню, привез сюда царские колокола, чувствуется во всем. Здесь находится часть главы апостола Андрея Первозванного. Да для Руси этот святой был провозвестником будущего утверждения христианства на славянских землях Восточной Европы.

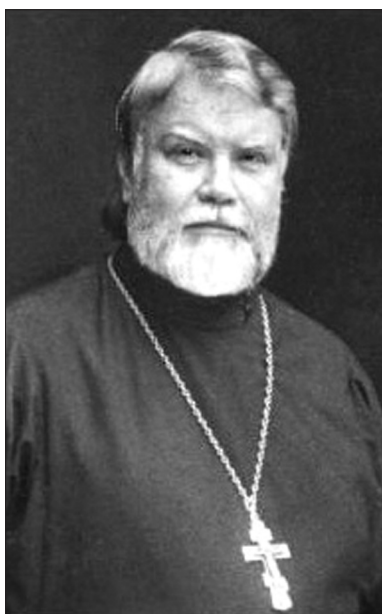
В этот день мы побывали в маленьком монастыре Каракале, в горном, как бы парящем над островом, монастыре Симона Петра, особо впечатлившем Ватопедском монастыре, посвященном Благовещению Богородицы. Основан монастырь в IV веке императором Феодосием Первым в благодарность за спасение сына, который был выброшен после кораблекрушения на берег. И в суматохе, толчее выброшенных, пропал. Все сопровождающие были в отчаянии, но один из них обратил внимание на светящийся куст. Он подошел к нему и вскричал: «Он здесь! Мальчик здесь!» Построенный в благодарность монастырь и получил название от слова «Ватопедион» — куст.

В истории монастыря было много славных имен. Были тут в числе сербских монахов и святые Савва и Симон. И еще одна святая под защитой сербского монаха открыла нам свой лик, в административном центре Афона — Корее. В строении, в которое мы долго стучались, открылись ворота и внимательный, казалось даже недовольный монах, услышав нашу речь, преобразился, просветлел и повел к писаной по преданию апостолом Лукой иконе Божией Матери «Млекопитательница». Боже, какой свет свет умиротворения и милосердия она излучала! Какая Благодать опустилась на нас в эти последние часы пребывания на Афоне. Когда мы вышли из Сербского скита, перед нами открылась, обозначилась впервые за все три дня Святая Гора, в своей одухотворяющей всех нас Красоте.

Афон одарил нас великими радостями прикосновения к великим святыням, видениями, позволил молиться нам, грешным, вместе с великими и усердными православными молитвенниками и утверждаться в вере и надежде о будущем нашего Отечества, требуя денных и ночных трудов во имя этого.

Недавно вышла остроскандальная книга о том, как фундаменталистский ислам захватил Европу, покорил Великобританию, Францию, Италию, Германию. Лишь Польша, вопреки своей традиции, перебежала под крыло России. Да Греция сделала колоссальный выкуп, сохранив полунезависимость ценой того, что Афон будет вне ее территории. На Святую гору немедленно были направлены десантные самолеты, поползли танки, двинулись морские корабли исламистов. Монахи вышли из келий и стали усердно молиться, чтобы Господь отвел беду от Афона, и совершилось, по понятиям неверующих людей, чудо. Моторы у танков заглохли, самолеты разваливались в воздухе, корабли затонули. Беда отступила от Афона. Будем и мы всегда надеяться на усердную молитву Афонских монахов, оберегающую нас от зла.

ПРОЗА

**Священник
Ярослав ШИПОВ**

ЛОДКИ

рассказы

Священник **Ярослав Алексеевич Шипов** — родился в 1947 году. Закончил Литературный институт в Москве. Работал в журналах «Литературная учеба», «Наш современник», в издательстве «Современник». В 44 года стал священником. Поднимал приходы в Вологодской обл. О. Ярослав автор рассказов и повестей «Путешествие на линию фронта» (1981), «Шел третий день» (1984), «Западная окраина» (1986), «Уездный чудотворец» и др. В конце 90-х состоял в редакционной коллегии журнала «Наш современник». Живет в Москве.

Учительницы

Пригласили в сельскую школу. Долго не решались, а потом вдруг и пригласили: эпидемия гриппа началась, и учителей не хватало. Пришел я в старое двухэтажное здание, строенное, похоже, еще до того, как люди повели свое родословие от обезьяны, и узнал много нового и неожиданного. Во-первых, обнаружилось, что старшеклассники читают елеле, словно толстовский Филиппок, — по складам.

— Чему вы удивляетесь? — спросили учительницы. — Дети давно уже книжек не раскрывают — теперь с утра до вечера телевизор да магнитофон...

Во-вторых, меня попросили «не напрягаться насчет души, поскольку всем цивилизованным людям известно, что человек — сумма клеток и ничего более». Заодно учительница биологии объяснила теорию эволюции: «Один побежал — стал зайцем, другой пополз — стал змеей, третий замахал передними конечностями — и полетел, четвертый поднялся на задние лапы — стал человеком... Но вообще — все животные вышли из воды: это надо запомнить...» По поводу происхождения видов я даже не возражал: ну, такое вероисповедание у людей, что тут поделаешь! А с водой какая-то неурядица получилась:

— Как же, — спрашиваю, — крокодилы там разные, черепахи? Древние животные, а рождаются на земле и только потом лезут в воду...

— Вы, — говорит, — что: биолог?

— Нет.

— Тогда не задавайте псевдонаучных вопросов.

Я больше и не задавал.

Учительница истории сообщила, что Советский Союз участвовал во Второй мировой войне на стороне великой Америки, которая разгромила фашистов — оказывается, так теперь принято трактовать памятные события. Завуч, в соответствии с последними рекомендациями министерства, предложила рассказать, кто я по астрологическому календарю, кто — по восточному, кем был в «прежней жизни» и что ожидает меня в жизни будущей... Этих тоже не о чем было спрашивать.

Определили мне: занимать «окна» — уроки, на которых учительниц по какой-то причине не было. А причин таких на селе много: и уборка картошки, и ягнение козы, и приобретение поросенка, и заготовка клюквы с брусникой, и, понятное дело, хвори... Иной раз «окна» растягивались на целый день.

Однажды, в конце такого дня директриса любопытствовала, чем занимал я урок истории, темой которого было Смутное время? Отвечаю, что рассказывал о Смутном времени, о Патриархе Еромогене, который отказался помазывать на престол польского королевича, о том, как оборонялась Троице-Сергиева лавра, как ее келарь Авраамий Палицын плавал туда-сюда через Москва-реку, замиряя противоборствующие русские полки...

— А на уроке физики: «Подъемная сила»?

Про подъемную силу я, конечно, рассказал, а заодно — про авиаконструктора Сикорского и его богословские работы.

— А на уроке литературы: «Снежная королева»?

— Эта сказка, — говорю, — христианская по своему духу, так что мы никуда не уклонялись, а беседовали о добре, любви, самопожертвовании...

Историю и физику мне простили, поскольку я просто «ввел дополнительную информацию», что методическими указаниями не запрещается, а с литературой вышла беда. Приглашают на педсовет:

— В каких, — спрашивают, — методичках написано насчет христианского духа сказки «Снежная королева»?

— Это, — отвечаю, — и так видно, невооруженным глазом.

А они пристали: подавай им методичку — без методички никак нельзя! И отстранили меня от занятий!

Вспомнились мне тогда слова апостола Павла: «А учить жене не позволяю... Ибо прежде создан Адам, а потом Ева». Апостол говорит здесь об изначальной зависимости женщины, — вот и ждут они указаний. Само по себе это нисколько не страшно, вполне естественно и целесообразно, но когда ожидание «методичек» из поколения в поколение прививается мальчикам... Боярских детей поди в семилетнем возрасте отнимали от мамок и нянек и передавали в войско, где начиналось мужское воспитание: вот и вырастали великие пол-

ководцы — спасители Отечества. Да и просто — нормальные мужчины, готовые самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность, ведь именно ответственность, пожалуй, и является главным отличительным качеством мужчины. А то дожили: военные министры один за другим жалуются, что армию разоряют, — и что делать в таком случае они не ведают: указаний ждут...

Хорошо еще, литературная учительница после нескольких дней раздумий отыскала исчерпывающее объяснение моим рассуждениям:

— А ведь Андерсена и зовут-то Ганс *Христиан*. — И на следующем педсовете решено было снять с меня суровую епитимью.

Елизавета

В начале двадцатого века местные мужички дерзновенно поползли вверх по речушкам и ручейкам до самых истоков. Корчевали лес, строили избы, засеивали полоски земли. Народилось зерно — потребовались мельницы, накопилось хлеба — стали появляться дороги, а на дорогах — постоянные дворы, кузницы и конюшни... Незаселенными остались только болота. Да и то, если среди болота была открытая вода, на берегах селился какой-нибудь угрюмый бобыль, промышлявший рыбалкой. Эпоха сельскохозяйственного романтизма, запечатлевшая на себе имя Петра Столыпина, продолжалась недолго: впоследствии ее достижения были заботливо разорены и стерты из памяти.

В нашем краю один хуторишко остался. Реликтовый. Было в нем четыре двора и четверо жителей — родственники друг дружке. Несколько раз я наведывался туда, чтобы причастить Елизавету, тоже, кстати, реликтовую: душа ее чудесным образом сохранила отсветы прежнего воспитания...

Елизавете было семьдесят лет, однако называть ее бабкой было никак не возможно, и прежде всего потому, что она, в отличие от деревенских старух, прямо держала спину.

— Ты, Лизавета ступаешь, словно боярышня! — говорил ей районный глава, заехавший как-то по рыжички. — Не попадал ли к вам на хутор какой-нибудь князь?..

— Разве что с продотрядом, — отвечала она.

— Это она так шутит, — пояснили местные жители.

В сорок первом году семнадцатилетняя Елизавета работала на строительстве оборонительных сооружений, попала под обстрел, получила осколочное ранение и, провалявшись по госпиталям, обрела царственную осанку. Отец ее вскоре погиб на фронте, мать, разрываясь между борьбой за трудодни и обихаживанием искалеченной дочери, тоже протянула недолго. И осталась Елизавета одна. Но как-то приноровилась — целую жизнь прожила. Притом, что спина совсем не гнулась: ни — дров наколоть, ни — грядку вскопать, ни даже гриб сорвать невозможно.

С ней было легко разговаривать: она читала Иоанна Златоуста и хорошо понимала сущность духовных битв. Но утешительнее всего было слушать ее рассуждения по всяким житейским поводам.

Как-то заезжаем с председателем колхоза. Поисповедовал я Елизавету, причастил, выходим на крыльцо, а председатель обсуждает с шофером что-то животрепещущее...

— Зачем ругаешься? — спрашивает его Елизавета.

— Без этого на Руси нельзя — первейшее дело! — и разводит руками.

— Не русское это дело, — вздыхает Елизавета. — Когда человек молится, он верит, что каждое его слово услышат и поймут...

— Ну, — растерянно улыбается председатель.

— А если над нашей землей мат-перемат висит?.. Богородица позатыкает уши, а мы будем удивляться, что страна — в дерьме...

— Ну ты еще скажи, что *ранешние* мужики не матерились!

— Редко, — говорит Елизавета. — Это все от кожаных курток пошло: от комиссаров да уполномоченных разных... Знаешь, как Христос в Писании называется?.. Бог Слово!.. И за каждое сказанное слово нам с тобой на Страшном Суде ответ держать придется. Вот они и поганят, и пакостят слова наши...

— Может, мужики раньше и вина не пили? — встревает шофер.

— Питье — не грех, грех — опивство... Пили. Но каждый вечер надобно молитвы читать... Со всей семьею... И чтоб язык во рту проворачивался... Отец раз на вечернюю молитву не попал — уснул пьяный. В воскресенье пошел на исповедь, а батюшка его к причастию не допускает: все причащаются, а он стоит в стороне — то-то позору было! Целый год, наверное, корил себя да перед нами винулся...

В другой раз меня привез сюда здешний церковный староста. Был он в неважном расположении духа, поскольку занятий бесприбыльных не любил, и как только звали меня причащать болящих, глаза его наполнялись печалью...

День был жаркий, вода в радиаторе подвыкипела, и староста решил долить.

— Чего-то у вас колодец стал, вроде, еще глубже, — пожаловался он.

— Так ведрами-то по дну бьем, он и углубляется, — отвечала Елизавета.

Староста задумался, а потом тихо спросил меня:

— Шутит, что ли?..

— Ты чего на приход сунулся? — поинтересовалась Елизавета.

— Церкву восстанавливать...

— Большой в тебе подарок русскому Православию. Вы, батюшка, не знаете, как у нас его кличут?.. Пройдохой...

— Далеко не все! — возразил староста.

— Да, только половина района. А остальные — проходимцем. Но те и другие между собой не спорят — оба именованья ему к лицу.

— Вот вы все на меня ругаетесь, а я всю жизнь тружусь — ты знаешь. И не кем-нибудь, а бригадиром! С послевоенных времен — в колхозе, на стройке... Ни праздников, ни выходных — на курорт в первый раз только перед пенсией попал...

— Вот и зря, что без праздников, — тихо сказала Елизавета.

— Это в каком смысле?

— Ты тут иконочками торговал — Казанской Божией Матери...

— Они и сейчас при мне — могу продать, — и полез в портфель.

— Угомонись. Я тебе одну историю расскажу... Как-то пришлось летняя Казанская, а это — двадцать первое июля, на воскресенье. И рано утром весь народ на покосы отправился...

— Двадцать первого? А чего так поздно-то?.. Ворошить, разве... Или метать...

— Идут они, а навстречу им — Богородица: мол, почему, мужики, мимо храма идете? Они объясняют: сенокос, спешим — боимся дождя, рук не хватает... А Она: «Ступайте в храм славить воскресение Моего Сына, а Я вам Свои руки отдам»... Послушались они — вернулись на воскресную службу, а уж сена в тот год заготовили — до сих пор коровы едят...

— Когда это было? — спросил староста: — В какой деревне?

— Давно, еще отец рассказывал...

Он, наконец, достал пачку бумажных иконок:

— И правда: рук нету — отдала... Так ты будешь брать-то? Недорого...

— Да у меня есть — еще дедова... Деда моего тоже в старосты долго уговаривали. Отказался. «Сейчас, — говорит, — я в одном кармане в храм несу, а то, не приведи, Господи, в двух карманах из храма поволоку».

На обратном пути он вдруг вспомнил:

— А ее, между прочим, тоже как-то чудно прозывали... Негнущаяся, что ли?.. Или — негнибаемая?.. Во, точно: негнибаемая Елизавета.

Поминки

Схоронили молодого парнишку — перевернулся на тракторе: пьян был, понятное дело. Сидим за столом, поминаем: безутешные родители, двое братьев, соседи, знакомые. Как водится, со всех сторон самые разные разговоры, а о покойном вспоминают, когда наступает пора в очередной раз выпить.

У меня за три дня — четвертые похороны, домой попасть не могу. Сначала отпевал механика лесопункта. Своего кладбища у них нет, так что повезли мужичка в его родную деревню — километров за восемьдесят. Только отъехали — в лесу поперек дороги машина: «Нам батюшку!» Тоже отпевать, и тоже добираться километров

восемьдесят, но — в другую сторону. Договариваемся, что вечером они меня перехватят на обратном пути с погоста и отвезут к себе, а хоронить будем назавтра. Однако к назначенному месту я попал не вечером, а поздно ночью, потому что с деревенского кладбища угодил в районный центр — и опять погребение... Тогда же я узнал, что попавший в аварию младший брат нашего следователя умер в больнице, и что за мною заедут. Да еще, пока народ с механиком прощался, окрестил его сына, освятил дом. И сегодня, здесь уже, после похорон окрестил тяжело болящего младенца..

Следователь, перегнувшись через стол, увлеченно рассказывает мне о загадочных явлениях, происходящих с ним:

— Вот залегли, ждем, когда бандит выйдет из леса, и вдруг я вижу его, но малюсенького-малюсенького: он ко мне на ладошку заскочил, и по ладошке прыгает...

Молодой хирург, пытавшийся спасти переломанного тракториста, спрашивает следователя:

— Тебе сколько до пенсии?

— Полтора года еще, а чего?

— Ну, тебе хочется на заслуженный отдых?

— Конечно.

— Зайди завтра к нашему психиатру — вот тебе и вторая группа.

— Не, я серьезно, — не унимается следователь: — Из-за меня опаснейшего бандита и упустили, а он теперь депутатом стал, теперь уж его никак не возьмешь... И много раз уже было: пригляжусь, а людишки — на ладони помещаются. Что это за таинственное явление?..

— Шизофрения, — доходчиво поясняет хирург.

— Как вы считаете, батюшка, — спрашивает самый младший из братьев, тоже тракторист, и тоже, похоже, пьяница: — Можно ли его держать на такой должности?..

Тут вдруг отец покойного начинает вспоминать, как прошлой весной в этой же деревне хоронили лесничего, угоревшего на печи: ручей тогда сильно разлился, мост оказался под водой, и грузовик, перевозивший лесничего, заглох на мосту. Гроб всплыл, и плавал в кузове, пока не подогнали трактор и не подцепили машину на буксир. Я был здесь в тот день: помню, как мужикам долго не удавалось подогнать лодку точно к машине, чтобы накинуть трос: мужики были пьяны, то и дело промахивались, один из них даже вывалился из лодки, но, по счастью, сумел вскарабкаться на капот — только тогда им удалось завершить дело. Лесничий угорел тоже, конечно, спяну и долго пролежал на горячей печи...

— А чернехонек стал! — изумленно восклицает хозяин дома. — Его, паря, и открывать не стали. Но я зашел... по-соседски... и все, паря, видел: чернехонек — натурально негр!.. Сперва нажрался, значит, потом нажарился, а под конец еще и поплыл — ну, паря, веселые похороны были! — он почти кричит, чтобы его слышно было сквозь все прочие разговоры.

— Бы-ы-ва-ли дни ве-э-се-э-лы-е, — в соседней комнате кто-то нашел гармошку. Женщины урезонивают его, и он затихает.

Тут мужики, копавшие могилу, начинают спорить, на сколько нынче промерзла земля: семьдесят сантиметров или всего шестьдесят пришлось им вырезать бензопилами, прежде чем взять лопаты.

— Товарищ поп! — это, наверняка, ветеран колхозного строительства. — Вас просят местные гражданочки...

На крыльце бабушки — исповедоваться. Облачаюсь, читаю молитвы... Из дома вылетают двое рассорившихся копалей и начинают крушить друг друга. Мы с бабками разнимаем их, разводим — одного на улицу, другого — обратно в избу, а сами возвращаемся к своему таинственному занятию... Мне пора ехать, но я не нахожу ни одного человека, который был бы в состоянии отвезти меня. Женщины отправляются искать по деревне трезвого шофера, и в это время к избе подкатывает почтовый фургон: в сельце, километров за сорок, умер начальник почты, завтра похороны, не соглашусь ли я..? Как не согласиться: мы отказываться не вправе. Только чтобы к вечеру обязательно привезли домой: послезавтра богослужение...

По дороге водитель то и дело нервно вздыхает и, наконец, решительно спрашивает меня:

— Отчего на наше село нынче такая напасть — каждую неделю кто-нибудь да умирает, и в основном — мужики? Полсела, почти, — одни вдовы с ребятишками и остались... Старухи говорят: прями, как в сорок пятом... Может, нам — того... «сделано»?..

Так теперь спрашивают меня в каждой деревне...

За что?

Напротив моей избы, за рекою — холм. Говорят, в древности было на холме поселение — городище.

Очень возможно, поскольку там в нашу речку впадает еще одна, а такие места удобны для простой жизни. Несколько раз находил я на перекатах камни точной шарообразной формы, размером с обыкновенный снежок, каким зимою кидаются мальчишки. Находки отдавал в районный музей, но краеведы так и не объяснили мне: кто, когда и с какою целью вытесывал каменные шары.

— Это — очень исторические предметы, — говорили они. — Спасибо.

Потом вместо самых древних поселений появились менее древние, про которые никто ничего не знает. А в прошлом веке — и это известно — был один из скитов большого северного монастыря. Несколько монахов приезжали санным поездом еще по зимнику и оставались до поздней осени. Затем сплавлялись по реке на плотах, увозя с собой грибы, ягоды, рыбу, деготь, холстину, домотканые порты и рубахи, зерно... Впрочем, кто-нибудь из монахов оставался на зиму: чтобы блюсти скит, да и вообще — от потребности к уединению.

Изначально холм этот был вовсе не холмом, а просто частью возвышенного берега, образовавшего выступ у слияния двух рек. Но в какие-то времена мыс отделили от остальной возвышенности глубоким рвом, заполнявшимся водою: так получился самостоятельный холм. Ров сохранился, сохранились съезды к перекидному мосту. Все поселение огораживалось глухим бревенчатым частоколом. Оборонялись не от людей — от хищных животных: без таковой защиты жизнь поселенцев-заготовителей превратилась бы в непрерывную битву с медведями, росомахами и волками. На макушке холма возвели деревянный храм — в память святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца.

Старики вспоминают, как в младенческие времена переправлялись с родителями через реку на празднование Николы летнего, то есть двадцать второго мая по новому стилю. Путешествие занимало до двух часов — такие половодья бывали. Теперь это — редкость. Впрочем, на моей памяти случилась весна, когда река, разлившись на километровую ширину, заняла всю долину: от деревни до вершины холма, — могучий поток, спрямив речные извилины и затопив целые рощи, устремлялся к морю.

В тридцатые годы церковь по бревнышку раскатали, перевезли из-за реки и сложили телятник. Запустили телят — они сдохли. Запустили других — то же самое. Тогда от телятника отступились. Во время войны отдали его на дрова. Говорят, бревна были твердыми, словно камень, и каждое полешко добывалось невероятным трудом. Теперь от скита и следов не осталось...

Помню, утонул по пьяному делу мужичок. Прислали из города водолаза. А он говорит собравшимся:

— Я под этим холмом уже в третий раз. Вы что — плавать совсем разучились?.. За что это на вас такая напасть?..

Тем же днем приезжаю в районный центр — начальство пригласило осмотреть храм, превращенный в баню. Здание было искалечено так, что ни снаружи, ни изнутри ни единой линией не напоминало уже о своем изначальном предназначении. В подвале бушевали печи котельной, и грязный от копоти кочегар прокричал:

— Где люди молятся, там наши — моются!

Потом, на улице уже, начальники сказали, что рядом с баней то и дело возникают пожары: горят сараи, дома, гибнут люди. Действительно, кругом стояло несколько обгоревших построек.

— За что, — спрашивают сами себя, — такая напасть?.. Тут, конечно, раньше кладбище было, и дома на могилах стоят... Может, в этом дело?.. Или просто в этом углу поселились беспечные люди — пожарной безопасности не соблюдают?..

Святые отцы говорили, что над каждым церковным престолом стоит Ангел-хранитель и будет так стоять до Второго пришествия, даже если храм осквернен или разрушен. И вот, как представишь

множество Ангелов, стоящих среди мерзости и запустения, страшно становится. Архирей наставлял:

— Наше счастье, что Бог несправедлив, потому что Он — любовь, а любовь жертвенна. По справедливости — нас бы всех давно надобно стереть с лица земли за вероотступничество и преступления перед Ним. Но — терпит, но — ждет: покаяния, исправления, — терпит и ждет, потому что любит... Так давайте не терять времени, пока Он еще терпит и ждет!..

Лодки

Летом, когда и в наших переохлажденных краях становится тепло, хотя и не настолько, чтобы можно было ходить босиком, приезжают городские отпускники — по грибы-ягоды, на рыбалку. Рыбалкой, честно сказать, не похвалишься, а вот ягод и грибов — вдосталь. Правда, с грибами однообразие: белые всё, разве что осенью — волнушки еще да немного рыжиков, а другие почти не встречаются. Зато уж с ягодами — на выбор: земляника, черника, малина, клюква, брусника, голубика, костяника, морошка, дикая смородина — красная и черная, шиповник, рябина, калина, черемуха, лекарственные какие-то, вроде толокнянки или боярышника... Может, что и забыл...

Да, есть даже редкое по нынешним временам чудо — княженика: крохотная ягодка с несравненным, неземным ароматом — сорвал, положил на язык, и тебе ни ягодки, ни аромата — очень уж маленькая, к сожалению.

Однажды разыскивает меня некая суматошная женщина, приехавшая из Москвы и, наверное, за этими самыми ягодами, потому как все лицо ее в волдырях, а комарам, мухам, паутам и мошке от ягодных отпускников — превеликая радость и значительное в краткой их жизни утешение. И обращается эта женщина с неожиданной просьбой: освятить какие-то столбушки, поставленные ею в местах, где некогда располагались часовни. Я, признаться, не все понял из сбивчивого рассказа, но выходило, что ехать придется километров за тридцать и машину за мной прене непременно пришлют.

Назавтра я оказался в малознакомой деревне. Сначала мы пили чай в просторной и светлой горнице, где, кстати, заказчица моя появилась на Божий свет: из потолка до сих пор торчал кованый крюк с кольцом, к которому в свой час подвешивалась извлекаемая из чулана люлька, а по здешнему — зыбка. В зыбке этой возрастала и заполошная эта женщина, ее братья и сестры, кто-то из их родителей, а возможно, дед или бабушка — столь древней была изба.

Надо к случаю заметить, что избы в нашем краю — северного сложения: метров с десятков по фасаду, с двадцать пять — от конца до конца, и в двух ярусах, то есть пятьсот метров квадратных, да чердак еще, да подполье... Освящая такие сооружения, я поначалу

то и дело попадал в безнадежность — хожу, хожу себе, кроплю и кроплю и вдруг заплутаю: кругом двери, лестницы, как на корабле, — куда идти? Тут — корова, там — теленок, это — овцы, это... это — козел-гад... Толкаешься во все стороны среди цыплят, поросят и кошек, пока людей не найдешь... Потом уж я без провожатых за такое дело не брался: не ровен час забредешь в самую глыбь, а хозяева тем временем подопьют и про тебя позабудут...

Вот в такой избе угостились мы крепким, душистым чаем: женщина, она только что родом здешняя, а так ведь — с молодых лет москвичка, стало быть, научилась понимать в чаепитии толк и заваривала по-московски. А потом пошли к старой черемухе у дороги. Там стоял обыкновенный столбик в человеческий рост, какие используются для сооружения оград и заборов. У вершины его был красиво вырезан православный крест, под которым в специальном углублении помещалась завернутая в непромокаемую пленку картонная иконочка святого Николая, архиепископа города Миры, что в Ликий.

— Часовня точно посвящалась Николаю чудотворцу?

— Да, я хоть и маленькая была, но хорошо помню икону Никола-зимнего и лампадку, правда, лампадка в мои годы уже не светила. А потом все куда-то исчезло, но часовня долго-долго еще стояла, пока не сожгли... Только валуны от фундамента и сохранились...

Действительно: четыре краеугольных камни лежали на своих основоположных местах.

Прочитав подходящие для сего случая молитвы, я окропил памятный знак святою водой, и мы отправились к зерносушилке, где, как выяснилось, в прежние времена располагалось кладбище. Здесь редко где встретишь могилу старше шестидесятих годов, когда очередная атака на позиции российских крестьян, проходившая под знаменем «неперспективности деревень», завершилась полной победой. И вместе с разоренными деревеньками пошли под бульдозер или в огонь недорученные во время предыдущих баталий часовни, храмы, с ними заодно — и погосты. Теперь все эти уголья без следа сгинули в обширнейших полевых пространствах, зарастающих непролазным кустарником, ветви которого, а по здешнему — вицы, пригодны для плетения хороших корзин. Но это теперь, после очередной, обескураживающей своей молниеносностью, битвы под стягом «нерентабельности коллективных хозяйств», а тогда колхозы еще существовали, и разные, необходимые для крестьянского дела сооружения, тоже. Вот мы и направились к зерносушилке — надобно было освятить крест, напоминавший о тех, кто смиренно покоился под ногами.

Потом вернулись в деревню и освящали столбик на месте другой часовенки — в честь Казанской иконы Божией Матери. Наконец, добрались до колодца, осквернявшегося то кошкой, то крысами, то воронами.

— А отчего они, — спрашиваю, — с такою охотою туда прыгают?

— Племянник мой сбрасывает... Он немножко — того, — и постучала указательным пальцем по виску, — нынче и в армию его не взяли... Никого из нашей деревни не взяли... Трое призывников, и ни один не сгодился, — разговаривала она отрывисто и торопливо. — Из отцовского поколения — все мужчины деревни ушли на войну... Из моего поколения — все парни служили в армии... Некоторые даже — на флоте... А теперь мы уже не дадим защитников Родине... Остались одни дураки... Таких и за трактор посадить нельзя, не то что доверить оружие... А кого они нарожают?... Если нарожают, конечно... Говорю брату: батюшка приедет, хоть сына-то окрестил бы... Он чуть ли не с кулаками на меня набросился... Хотя столбики и крест сам делал... За водку, правда... Но креститься, говорит, и за водку не буду... И сына не дал крестить... Николину часовню, между прочим, брат и спалил... Когда пришли столбик вкапывать, думала, хоть какие-то чувства в нем зашевелиятся... А он — словно колода бездушная... Вообще-то у нас все некрещенные... Разве что старушка одна... Да и я крестилась совсем недавно... В Москве...

Спросил, кто она по профессии: где ж, думаю, можно разговаривать таким диковинным образом?

— Начальник смены на телеграфе... А до этого много лет работала телеграфисткой-телефонисткой, — и без перехода начала рассказывать о плане восстановления часовен: где раздобыть лес, тес, кровельное железо, у кого заказать иконы...

Я уже не успевал принимать телеграммы и потому решил переключить аппарат:

— У нас на сегодня еще какие-нибудь планы есть?

— Освятить дом... Пообедать... А потом шофер отвезет вас...

— Он хоть дождется?

— Конечно... Сосед... Дальний родственник... В кинопрокате работает... Машину ему на весь день дали...

И пошли мы освящать ее хоромину: это был пятый подряд молебен — язык у меня стал заплетаться. Бродили, бродили — по комнатам, коридорам, чуланам, кладовкам, закутам, клетушкам и опустевшим хлевам, торопыга то подталкивала меня с одной лестницы на другую, то забегала вперед, чтобы отворить дверь, счет которым давно потерялся.

— И последнее, — объявила она: — сеновал...

Перед нами открылось пространство таких необъятных размеров, что я сразу заглянул в ковшик — хватит ли святой водицы для окропления. Перехватив мой взгляд, она молниеносно телеграфировала:

— У меня есть... Крещенская... Сейчас принесу... Только стойте на месте... Не уходите никуда, — и убежала.

Это был старинный северный сеновал с широченными воротами для взвоза — наклонного помоста, по которому лошадь могла взвез-

ти сюда — на второй этаж — телегу или же сани. Здесь гужевой транспорт и разворачивался.

Наполнив ковшик, я обошел с кропилом выметенный сеновал — лишь в одном уголке лежал клочок пересохшей травы, кошенной, вероятно, еще родителями хозяйки:

— Стадион: для футбола, может, и маловат, а волейбольная площадка — как раз поместится, и зрителям места хватит.

— Когда-то здесь и взаправду был стадион, — улыбнулась она: — Отец летом на косилке работал, приносил зайчат — маленьких... Мы с братом выкармливали их, — мне показалось, что она стала говорить спокойнее и мягче, — к зиме они вырастали и устраивали гонки: по стенам, потолку — ну, по кровле... Дом был крыт еловыми досками, вот они по этим доскам — снизу, изнутри — и носились... Ушками вниз... Смешно... Жили они свободно — могли и во двор выскакивать, но зимой далеко не бегали... Так, по огороду: весь снег перебаламутят — и опять в дом... А весной — уходили... Сначала на день-на два, а потом — навсегда... Летом пойдешь в лес по грибы или по ягоды, встретишь зайчишку какого-нибудь: он замрет и уставится на тебя... А ты думаешь: может, это твой выкормыш?.. Они ведь почти ручными становились — даже погладить себя иногда разрешали... Скотина к ним относилась нормально... Собачка у нас была — спокойная такая: вообще внимания не обращала... Кошка только... Спит где-нибудь, а они носятся да и налетят на нее... Случайно или нарочно — не знаю... Кошка заорет — и за ними, да разве угонишься?.. С зайчатами этими все детство прошло: и мое, и братнино... А теперь вот не всегда поздороваться снизойдет... Особенно после того, как я окрестилась и стала в церковь ходить... Если бы еще только он... Мы с вами целый день по деревне да вокруг нее шастаем... Хотя бы одного человека заметили?.. То-то и оно: все попрятались... Креста боятся... И дома — в Москве — у меня то же самое: никто в церковь не ходит... Беда!.. Что я должна сделать, чтобы помочь им, чтобы спасти?.. Батюшка, который меня крестил, говорит, что Господь нынче дал каждой русской семье, ну — фамилии, роду, по одному верующему... Это, говорит, как после кораблекрушения: бултыхаются люди в океане небольшими такими... кучками... Батюшка как-то покрасивее говорил, но я слово забыла... И вдруг одному из каждой кучки дается лодка... И все могут спастись — места хватит... Он протягивает им руки... Но они отворачиваются и знай себе плюхают ладошками по волнам: мол, сами выплывем... Вот так батюшка говорит... А вы что на это скажете?..

Я сказал, что батюшка, пожалуй, прав.

— Но тогда человек, который в лодке, ну, который уверовал, будет держать ответ за них на Страшном Суде?.. Понятно, что прежде всего спросится с тех, кто отказался спастись... Но если этот, в лодке, работу свою будет делать неважно?.. Как вы полагаете?..

Я полагал, что ответ, пожалуй, держать придется.

— А у меня ничего не получается... Бьюсь, бьюсь — никакого толку...

— Да не терзайтесь, — говорю, — все идет нормально, и в свой срок с Божьей помощью то, что должно получиться, получится.

Тут она стала перебирать разные человеческие недостатки, пытаясь определить, который из них более прочих мешает ей в благом деле лодочного спасательства.

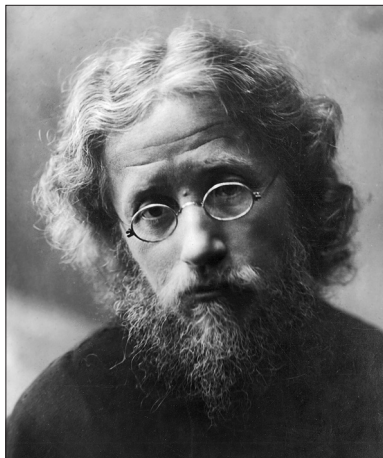
— Веслами, — говорю, — сильно махать не надо, а то утопающие пугаются, да и по голове запросто можно угодить. — Она почему-то обрадовалась этому наставлению, и мы, наконец, пошли обедать.

Потом я ехал домой и думал, что московский батюшка — молодец: оберегая неокрепшую душу новообращенной, он не стал раскрывать дальнейшие перспективы морского сюжета. Между тем сдается, что они довольно определенны: коли уж в этих лодках места хватает для всех, то новых плавсредств может не оказаться. И когда легкий бриз унесет все суденышки за край видимого горизонта, не останется никого, кто мог бы протянуть руку тонущему и удержать его. Возможно, лодочки эти — наша последняя надежда, последний шанс.

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

Рисунки Добужинского

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С.Н. Корытиным и Н.Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало
в №№ 1, 2. 2008 г.

Вразумление

Может быть, напрасно я говорю это? Может быть, лучше будет, если беседы совсем оставить? Почему? — спросите вы... А я вам расскажу, что вчера здесь у нас происходило.

Наш русский писатель Крылов в басне своей говорит: «По улице слона водили, ... известно, что слоны в диковинку у нас. Так за слонем толпы зевак ходили».

Но зачем же таким зевакам в храм Божий ходить? Зеваки везде зеваками останутся. Не молиться в Храм Божий пришли, а посмотреть на меня. Но... разве я слон? За мной тоже толпы зевак ходят. Вчерашний вечер подтверждает это.

Ожидали мы машину; стоило мне выйти на улицу — сейчас около меня толпа, и разглядывают бесцеремонно, как слона...

Не верите? А вот вам факт живой: выходит туда же, за ворота, женщина, уже старенькая, идет и приплясывает, и говорит соседкам: «А мы батюшку Борисочку видели!» — и это не раз, не два... И никто ее не остановил... Неужели же никто из моих духовных детей не понял, что такая речь есть омерзительное оскорбление тому, кого вы называете отцом.

Ведь никто ее не вразумил... Стоят и меня разглядывают... Чем не слон в Церкви?

Не скрою от вас: я приехал домой и, сидя у стола своего, горько-горько плакал. Ближние мои встревожились, спрашивают, что болит. А болит мое грешное сердце не за свое оскорбление, а

за эту глупую-преглупую женщину... Ведь она понесла домой проклятие Божие...

Зачем она в храм приходила? Молиться? Да нет... О Господе Боге она думала? Да нет... Рыдала за свою нечистоту, за грехи свои?.. Нет, нет и нет. Она искала батюшку Борисочку, чтоб поглядеть и похвалиться на дворе у себя потом, что она его видела...

О молитве — величайшем деле христианском — у нее и думы не было. Нужно ли говорить, как она в храме стояла. А слово Божие говорит крепко: *Проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением*. А молитва — это беседа с Господом Богом, одно из величайших дел христианских.

И это из-за меня, из-за полной глупости своей она отвергнута Богом... проклята.

Ангел Хранитель так ее и записал.

И как это горько и страшно. Да одна ли она?

А сколько еще таких зевак!

И наши истинные прихожане, дорогие нашему сердцу люди, тоже понесут наказание: зачем не остановили эту бедную, несчастную женщину, не вразумили.

Ну ладно... очень горько это все и очень-очень больно сердцу вашего священника.

И как бы хорошо было, если бы на беседы собирались только те, кому дорог храм, кому дорого душевное спасение. А гастролеров этих нам бы и не надо... Но... что сказать?

Горе мне аще не благовествую, — завещал нам, проповедникам, Апостол Христов. И каждый из нас говорит с надеждой: быть может, и упадет кому на сердце наше слово.

Беседа

31 октября/13 ноября 1949 года

1.

Мне сказали: «Вот вы говорите о благодати Святаго Духа. А могу ли я получить эту Благодать? Это не для нас совсем... Полно и говорить об этом: это не для нас...»

Я отвечаю на такие речи. Полагая, что так думает не один тот, кто мне сказал... Потому я и решил ответить на общей беседе, а не наедине с вопрошающим.

Зачем же Господь Иисус Христос сходил на землю? Зачем страдал, терпел крестные муки и умер на Кресте?..

Спасти грешников... А как это — спасти? А вот дать людям Благодать Духа Святаго — она должна заменить человеческую бессильную силу в деле спасения...

Я говорил на предыдущей беседе: *Если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пришлю его к вам...* (Ин. 16, 7).

Когда же придет Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину и будущее возвестит вам... (Ин. 16, 13).

Быть может, ты вообще не веруешь в Бога? Или не веруешь, что *Бог есть Любовь*? Разве ты не слышал слов Господа: *Грядущего ко Мне не прогоню вон*. Разве не сказал Господь: *Не хочу смерти грешника, но чтобы он обратился и жив был*? И еще поразительнее: *Если можешь веровать, все возможно верующему!* И много, много мест в Евангелии, которые говорят то же.

А ты, что же, не веришь тому, что говорил Господь?..

Выходит, так.

Как горько Отцу Небесному слышать, что один из Его сынов, за которого Он Кровь Свою пролил, все еще ждет чего-то и словам Его не верит ничуть.

Вы только вдумайтесь в слова Господа, полные неизъяснимой любви к нам, грешникам: *Просите — и дано будет вам... Ищите — и найдете... Стучите — и откроют вам...*

Я всегда вспоминаю эти слова, когда смотрю, как дочь уговаривает моего внука: «Вставай; вставай скорее, в школу опоздаешь, давай, давай; где куртка твоя? На, надевай! Вот-вот! Ну, давай быстрее... Опоздаешь...», — и тому подобное.

И Господь нас уговаривает, спрашивает, умоляет...

Ну просите, да просите же... Ищите, стучите — все дам Я вам, Я бы и без вашей просьбы дал бы вам, но ведь вы не поймете, во зло употребите дар Мой. Просите же!

Всякий просящий получает. Не бывало, чтобы кто не получал. Чего же вы ждете? Зачем медлите? Да просите же!

Стучите — открою вам и возьму вас к Себе... Если вы, такие злые и лукавые, детям своим все хорошее делаете и что нужно им даете, — так неужели Я, так вас любящий, что за вас на Крест взошел, — ужели Я вам откажу, когда вы просить будете? Неразумные вы люди! Чего же вы ждете? Ведь опоздаете! Ведь смерть-то сзади стоит... Просите же, неразумные!

В самом деле, чего же мы ждем? Отчего же мы все откладываем христианское дело наше? А оттого, что не сознаем еще своего отчаянного положения... Еще не почувствовали, какую ужасную участь себе готовим — муку вечную. Мы даже по-серьезному не верим, что есть загробный мир, что там живут, все помнят и все чувствуют...

И как иллюстрацию к этим словам можно привести такой факт. Вот была недавно родительская — и я наблюдал за молящимися. Да и каждое воскресение мы пишем такие записки об упокоении наших отцов и дедов, подаем эти записки на обедню, на панихиду — слышим, как их кто-то читает, и стоим — совершенно равнодушные...

Думаем ли мы в эти минуты о наших умерших? Верим ли в то, что они живы и сейчас живут? Болит ли наше сердце о них? Верим ли мы, что это чтение записки — это поминовение их — принесет им — или принесло уже — облегчение? Что они сейчас вздохнули свободнее, получили облегчение, коли там страдают, или получи-

ли какую-то прибавку (скажем попросту) к своей радости, если они были в радости? Верим ли мы всему этому?

Нет, и еще раз нет.

Стоим совершенно равнодушные, в полном спокойствии наблюдаем за передвижкой записок в руках священника, а мы в ту пору уже дома или в магазине, куда надо спешить, а о мертвых и думы нет. Нет веры, что они в этот час смотрят на нас с мольбою, с тоскою и ждут от нас утешения, облегчения своей участи.

Епископ Феофан говорит: «В поминовении усопших, как во всякой молитве, нужно поболеть душою — а где тут духовенству болеть душою, когда читают и читают записки до полной усталости».

Я слышал однажды, как на панихиде за моей спиной женщина с горьким страданием шептала: «Господи! Да дай же ему утешения хоть маленько... Хоть немножко приласкай его, хоть в эту-то минуту пусть отдохнет он от тоски своей: ведь он умер без покаяния! Господи! Дай же ему милость Твою! Я знаю — Ты дашь, Господи! Ты — добрый! Ты — ласковый! Отец наш родной! Приласкай его!»

И столько в этих словах было тоски и любви к умершему, что я оглянулся... Она встрепенулась, испугалась своей смелости, а когда я ее ободрил, похвалил — упала на колени и горько зарыдала. Вот эта молитва, несомненно дошла, до Бога... Она выстрадала своему дорогому минуты отрады...

А остальные... Зорко следят, чтобы скорее схватить свою, уже прочитанную мною, записку — и торопиться домой. Они не верят, что их родные живы, что и они сами там жить будут...

Записки — это по заведенному порядку, по привычке... «Как же иначе?» — говорят... Как же можно в воскресенье записки не подать? Ведь так все делают...

Записка подана — все сделано. А о почивших, упомянутых там, и думы нет, а тем более никакой мольбы за них нет. А почему так? А все потому, что мы вовсе не верим по-серьезному, что они действительно живы, что они, быть может, страдают; не верим, что мы им помочь можем, а потому и не помогаем. Вот оно дело какое!

А так как не верим и о себе не думаем по-серьезному, то и медлим и откладываем дело свое христианское. На потом, на завтра, как говорят...

И в Благодать Божию не верим, и в силу молитвы Иисусовой не верим, и живем, как живется по пословице: день да ночь — сутки прочь.

Грустно вам это слышать, а еще более грустно нам говорить об этом.

Главное дело, интересно то, что часто слышишь на исповеди, с такой тоской говорите:

— Грешу — каюсь, и снова грешу, с чем же я явлюсь?! Как же быть, батюшка?!

Вы только вдумайтесь в такое диковинное положение... Человек на деле — в жизни своей — совсем в Бога не верит, а тоскует о гре-

хах... Боится ответа. Но ведь если не веришь в Бога, то и греха никакого нет. Ведь грех есть нарушение воли Божией. А если нет Бога, то что тебе за дело до какой-то воли Божией? Не все ли равно для тебя, что Бог заповедал?

А человек с тоскою кается: «Грешу, батюшка, каюсь и снова грешу...»

А почему так тоскует человек? Что же его так беспокоит?

— А ведь смерть-то близко! С чем же мне на суд-то являться? Ведь Суд-то будет Страшный!

Новая загадка: выходит, он верит и в Суд Загробный, а Суд без Судьи не бывает, — следовательно, и в мир загробный, и в жизнь за гробом верит, и в Господа Бога верит, хотя и трепещет при том.

Не верит, а тоска непонятная, мысль о смерти, хоть и несознательно, а тревожит душу и не дает ей покоя. Тревожит, шевелит, будит совесть нашу, хотя все это так мало, так слабо, что мы почти на то и внимания не обращаем.

Братья! Нет ли здесь разгадки? Не здесь ли скрыта разгадка всех загадок наших?

Нас тревожит, не дает покоя столь слабое представление смертного часа, а если бы мысль о Смерти была сильнее, живее, если бы Смерть предстала нам живее, то, быть может, мы бы и очнулись, и проснулись от нашей дремоты, от усыпления, от нерадения? И оказывается, это совершенно верно. Иисус, сын Сирахов, пишет: *Помни последняя твоя (то есть конец твой) и вовеки не согрешишь* (Сир. 7, 39).

И слово это правильное. Так и на деле есть...

Вот как мне рассказывал один добрый человек:

«Смерть и суд у меня всегда перед глазами. Иду по улице, встречаю знакомого, который направляется ко мне... У меня сейчас же такая мысль: помни, что за эту встречу ты на суде Божиим отвечать будешь. Остерегись, чтобы в чем-нибудь не нарушал Закона Христова.

Стоит нищий, а у меня мысль такая: это Господь его послал на дороге. Думай, как поступить надо, чтобы не плакать после смерти, когда и за этот момент тебя судить будут...

Прихожу на работу и слышу: смотри — честно работай, честно трудись. Отвечать за этот день пред Господом будешь...

И так каждый момент Ангел Хранитель и совесть моя мне напоминают: смотри — будь осторожен, думай, как поступить. Ты — христианин, ученик Христов — Он с тебя спросит...».

Что скажем на это? А я думаю, скажем так: дай, Господи, и нам дожить до такого состояния! По молитвам святых отцов и всех святых Своих пошли нам, Господи, так думать и чувствовать! Было бы очень хорошо!

Действительно — память смертная будет крепко нас одергивать, чтобы не пошли, куда не надо, — как уздою лошадь одергивают и направляют по надлежащему пути.

А знаете ли, как о памяти смертной святые отцы говорят и наши писатели церковные? Вот подлинные слова из «Слова о смерти» епископа Игнатия (Брянчанинова): «Воспоминание о смерти, о сопровождающих ее страхах, воспоминание, соединенное с усердной молитвою и плачем о себе, может заменить все подвиги, объять всю жизнь человека, доставить ему чистоту сердца, привлечь к нему благодать Святого Духа и тем даровать ему свободное вознесение на небо, мимо воздушных властей».

Смотрите, какие великие результаты от этого дела получаются... Даже жутко слышать такие слова! И вместе с тем, как это заманчиво: может заменить все подвиги...

Я, когда слышу эти слова, так хочется обеими руками ухватиться за это дело: ведь по лени моей я со страхом о подвигах думаю. И все собираюсь за них браться... А тут — может заменить все подвиги.

Тут и раздумывать нечего: надо начинать скорее и даже немедленно...

Ведь не память о смерти, а сама госпожа-смерть безносая может появиться немедленно, вот сейчас...

Епископ Феофан Затворник пишет в «Письмах», т. 1, письмо 133: «Каждую секунду может схватить смерть, затем Суд и решение: *Прииди или Отойди!*.. Если это может случиться сию секунду, то нечего дремать, надо встать и приступить к делу... и делать сие, не пропуская и доли секунды...»

Вот какое дело! И какое это большое и важное дело: «доставит свободное вознесение на небо мимо воздушных властей...» Иначе говоря — доставит Царство Небесное — Живот вечный. Но... и тут не обойдется без *но*...

Но враг нашего спасения не дает нам так легко и просто достигнуть постоянной памяти смертной: он будет ставить на дороге всякие рогатки и препятствия.

Епископ Игнатий в своем «Слове о смерти» и говорит, что эти злобные выходки врага особенно подчеркивают перед нашим умственным взором всю великую важность этого дела для спасения. Вполне понятно, что, если бы это дело было не особенно важное, так зачем бы он так старался?

Примеры тому и приведены в «Слове о смерти».

Подвижники наши и здесь, как и в других подобных случаях, советуют назначить определенный час во дню для памяти смертной, чтобы привыкнуть памятовать.

И вот тут-то и начнутся «подсады» врага.

а) В этот час найдется масса самых неотложных дел — лишь бы не думать о смерти.

б) Нахлынут такие тучи мыслей, сначала безобидных, вроде как и хороших, а потом и страстных, — все для той же цели.

в) Забота его — хоть один день вырвать у человека, не дать времени поработать над душой.

г) Начнутся помыслы такие: а зачем это? ужели это так уж важно? (помыслы сомнения в действительности и пользе подвига).

д) Явные насмешки и хулы со стороны слуг сатаны, издевательство: «святоша», «ханжа» и т. д.

е) Помыслы ложного смирения (зачем выделяться из общей линии, надо быть, как все, и т. п.).

ж) Наконец, самый ужас (естественный) при мысли о смерти враг попытается раздуть и раздует до полного отчаяния, если не спохватишься раньше.

з) И еще другие козни врага... И кто их может исчислить, если они неисчислимы!?

И нечего удаляться, бежать от страха смертного!

Святой Симеон Новый Богослов говорит: «Всякому начинающему жить по Боге полезен страх мук и рождаемая от него болезнь. От этой болезни вскоре рождается всякая радость. Этими узами разрываем узы всех страстей и согрешений, этот мучитель бывает причиною не смерти, а жизни вечной».

В Добротолюбии, т. 5, Деятельные главы 66 и 67, сказано примерно так: «Кто не захочет избегать болезни, рождающейся от страха вечных мук, и не отскочит от нее, а произволением сердца предастся ей и возложит на себя ее узы, тот начнет скорее шествовать, и она предоставит его Царю Царствующих».

Когда же совершится это и подвижник отчасти воззрит к славе Божией, тогда немедленно разрушатся узы, отбежит мучительный страх, болезнь сердца преложится в радость, явится источник, точащий чувственно приснотекущие слезы рекою, мысленно же тишину, кротость, неизреченную сладость, мужество, устремляющееся свободно и невозбранно к деланию заповедей Божиих».

Епископ Игнатий, стараясь уяснить нам, как это происходит, пишет: «Очевидно, такое изумление происходит от благодатного явления в сердце надежды спасения. Тогда при размышлении о смерти печаль растворяется радостью, слезы горькие претворяются в сладостные слезы».

Человек, начавший плакать при воспоминании о смерти, как при воспоминании о казни, внезапно начинает плакать при этом воспоминании, как при воспоминании о возвращении в свое блаженное отечество.

Таков плод памятования о смерти».

Вот до чего договорились! Начали с того, что нет веры ни в Бога, ни в беса, ни в жизнь неземную. И оказалось, что память о смерти есть один из сильнейших способов получить эту веру и надежду на Господа, и веру в жизнь вечную...

Кроме того, есть способ — ясный, твердый, определенный — к этой жизни подготовиться. А смерть все равно придет, думаешь о ней или не думаешь. Это факт, пусть нежелательный, но все равно непреложный...

Так уж лучше думать, чтобы врасплох не захватила. А начнешь думать — и получится то, о чем на этих страницах сказано.

Вот и ответ мой на сомнения, приведенные в начале речи.

2.

Непонятны, говорят, слова святого Симеона Нового Богослова: «Кто непрестанно молится, тот все благое в себе совокупил». Как, говорят, это понимать? Мы ведь тоже молимся, а «*благого*» (доброго) в себе не видим вовсе.

Попробуем и здесь разобраться. Главное в этих словах святого Симеона не то, что человек молится вообще, а *непрестанно* молится.

«Непрестанная молитва» — вот в чем дело.

Святые подвижники об этом очень много написали. Они говорят, что у такого человека молитва в сердце сама собою совершается, без всяких усилий самого человека.

Епископ Феофан приводит изречение Парфения, Киевского подвижника, что у такого человека молитва в сердце течет, как ручеек журчащий. Человек делает свое дело, даже беседует с кем, а в сердце молитва идет и идет сама собою...

Да может ли это быть? Видимо, может, если Апостол в I послании к Солуныям совершенно определенно заветствует: *Непрестанно молитесь* (I Сол. 5, 17). Всем известно, что святые апостолы ничего несообразного, невозможного своим ученикам не предписывали.

Да и примеров к тому в святоотеческих писаниях — сколько угодно... Вот, например, есть книга «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу» (изд. III Михайловско-Архангельского мужского монастыря, 1884).

Рукопись этой книги найдена в бумагах великого Оптинского старца Амвросия и затем просмотрена и одобрена епископом Феофаном Затворником. Следовательно, в ней нет ничего несбыточного и противного учению Святой Православной Церкви.

Странник этот во время своих странствований неуклонно и очень часто творил молитву Иисусову и вот чего достиг: «Месяцев пять проводил уединенно в сем молитвенном занятии... Я так привык к сердечной молитве, что упражнялся в ней непрестанно и, наконец, почувствовал, что молитва уже сама собою без всякого моего побуждения изрекается в моем сердце не только в бодрственном состоянии, но даже и во сне действует, точно и ни от чего не прерывается, — не перестает ни на малейшую секунду, что бы я ни делал. Душа моя благодарила Господа, и сердце истаивало в непрестанном веселии...».

«Сердечная самодействующая молитва была утешением и отрадою во всем пути, при всех встречах; она никогда не переставала улаживать меня, хотя и в разных стежаниях; где бы я ни находился, что бы ни делал, чем бы ни занимался, ничему она не мешала и ни от чего не умалялась. Если что работаю, а молитва сама собою в сердце, и дело

идет скорее; если что внимательно слушаю или читаю, а молитва все не перестает, и я в одно и то же время чувствую и то и другое, точно бы я раздвоился, или в моем теле в одном — две души...

Боже мой! Как таинственен человек!»

Епископ Феофан любит приводить слова иеросхимонаха Парфения Киевского, который о такой молитве говорит: «Она непрерывно течет, как ручеек журчащий», — непрерывно.

Епископ Феофан во всех своих творениях неустанно восхваляет это чудо — непрестанной молитвы — и, видимо, из собственного опыта говорит, что человек может делать свое дело, даже может с кем-либо говорить, а в сердце молитва идет и идет сама собою, даже во сне не прерывается.

Теперь спрошу вас: есть у нас такая молитва? Нет...

Так что же удивляться, что нет у нас и того, что она приносит?! мы даже сомневаемся, может ли быть такое дело?!

А вот что говорят святые отцы о плодах этой молитвы.

В книге «Алфавитный патерик скитский» под буквой «Н» приведены слова преподобного Исаии Отшельника (он делание молитвы Иисусовой называет «Тайным поучением» — так же называют многие подвижники): «Огнем растопляется воск и изсушается тина скверных нечистот, так и тайным поучением иссушаются скверные помыслы и истребляются из души страсти; проясняется ум, уясняется и утончается мысль, изливается радость в сердце.

Тайное поучение уязвляет бесов, отгоняет злые помыслы: им оживотворяется внутренний человек. Вооружающегося тайным поучением укрепляет Бог, Ангелы преподают ему силу; люди прославляют его.

Тайное поучение и чтение соделывают душу домом, отовсюду затворенным, столпом неподвижным, пристанищем тихим и безмятежным. Оно спасает душу, охраняя ее от колебания.

Очень смущаются и бесы, когда человек вооружает себя тайным поучением, которое заключается в молитве Иисусовой: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя.*

Тайное поучение есть зеркало для ума, светильник для совести.

Тайное поучение иссушает блуд, укрощает ярость, отгоняет гнев, отъемлет печаль, удаляет дерзость, уничтожает уныние.

Тайное поучение просвещает ум, отгоняет леность. От тайного поучения рождается умиление, вселяется в тебя Страх Божий: оно приносит слезы.

Тайным поучением доставляется смиренномудрие неслестное, бедение благоумиленное, молитва несмущенная.

Тайное поучение есть сокровище молитвенное: оно отгоняет помыслы, уязвляет бесов, очищает тело.

Тайное поучение научает долготерпению, воздержанию, причастнику своему возвещает о геенне.

Тайное поучение сохраняет ум немечтательный и приносит ему размышление о смерти.

Тайное поучение исполнено всех благих дел, украшено всякою добродетелью, всякого скверного дела непричастно и чуждо».

Вот какие плоды непрестанной молитвы! Одно перечисление их занимает две печатных страницы. Я только часть прочитал вам этого отрывка.

И боюсь, что опять услышу ответ: а нужно ли было и читать это!? Все равно нам ничего подобного не видать...

Подобное недоумение решалось сегодня в начале беседы, а сейчас я сам спрошу: а почему у нас ничего подобного не видно? Или вообще у нас это быть не может?

Ответ на этот вопрос дает преподобный Серафим Саровский. Его спросили: почему мы не имеем такой строгой жизни, как древние подвижники? И вот подлинные слова отца Серафима: «Потому, что мы не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, в древности просиявшие: потому что благодать и помощь Божия к верным и всем людям, всем сердцем ищущим Господа Бога, и ныне та же, какая была и прежде, ибо по слову Божию Иисус Христос вчера и днесь Тойже и во веки»...

На поверку выходит: все потому, что мы ленивые и нерадивые... О спасении своем и заботы нет...

Для тех же слушателей, которым на сердце эти слова запали, я продолжу еще речь свою и немножко скажу.

Как же это бывает? Непрестанная молитва не приходит через день, через два, через неделю... Нет... Она требует, как говорит епископ Феофан, много потов и трудов. Надо много и долго искать ее. Это дар Божий, который лентяй не получит никогда. Надо молиться и молиться своей рассеянной молитвой, и молиться, и просить упорно, настойчиво, со всем старанием...

А долго ли?..

А доколе всякая гордость сотрется совсем. Доколе смиренномудрие и смирение воссияют в человеке. Пока человек вовсе разуверится в своих силах, *самоцен* (слово епископа Феофана) совсем испарится, и человек ясно сознает и почувствует, что *беден, и наг, и нищ*... И ничего доброго не может сделать *сам*.

Господь Иисус Христос Нагорную беседу начал словами: *Блаженны нищии духом, ибо их есть Царство Небесное*... Счастливы сознавшие себя нищими, ничтожными грешниками. Это — первые слова Нагорной беседы, следовательно, с этого и начинать надо. И сравнение нас с нищими так знаменательно...

Стоит нищий и просит, или пойдет, в дверь постучит. Если не подадут здесь, то в другую дверь постучит. Если один прошел — не подал, то, быть может, другой подаст...

А у нас — просящих милости Божией — только одна дверь, одно окно, куда постучаться можно, — это Господь Иисус Христос...

Аз есмь Дверь, — говорит Господь. И другой двери нет и не будет...

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!

И если тут не помилуют, куда пойдем? Некуда больше идти... Что же делать? А стоять, молить и ждать...

Долго ли ждать?

А пока Господь Иисус Христос не помилует... И это иногда очень долго по особому Промыслу Божию. Пока *самоцен* не исчезнет совсем. Для гордеца это невыносимое состояние... Как это его — такого важного человека — не слушают! Как смеют не исполнить *его* пожеланий! И уходит он прочь... А кто-то недобрый этим очень доволен бывает.

Был у нас писатель Федор Сологуб. Он пишет, как однажды зашел в храм — посмотреть, послушать — и пишет так: «И слышу все время: подай, Господи! Помилуй, Господи... И все это так ненужно мне показалось: зачем мне просить, когда я и сам могу все взять?» И вышел из храма... прямо в объятия лукавого, а как горевал Ангел Хранитель его!

Так вот наша задача: всесильно молиться своей рассеянной молитвой и просить у Господа великого счастья — непрестанной молитвы. А пока мы будем навывать молитве Иисусовой, наше сердце будет очищаться все более и более, как ныне говорят, в самом процессе работы над собой — и как только станет пригодно для получения Божия Дара, Господь не замедлит дать его нам. Он и сейчас желает дать его нам, да не готовы мы принять дар. А вот в это «приготовить себя» нужно и свой труд вложить — это всякое старание жить по заповедям Божиим... Об этом не раз уже говорили и еще говорить будем...

В заключение так скажу вам, дорогие мои слушатели: примите эти мои слова о молитве непрестанной, как мое к вам завещание. Силы мои с каждым днем все падают и падают, все слабее себя чувствую, и после каждого нашего собеседования я смотрю на вас и думаю: увижу ли я их еще раз? Смерть за плечами стоит...

И теперь меня Господь поддерживает только по вашим молитвам усердным, а все же смерть стучится в дверь, сторожит у входа. Так пусть станет перед вами завет святого апостола Павла: *Непрестанно молитесь*, — как основная задача настоящего момента нашей жизни, как главная цель наших трудов в ближайшие дни и годы.

Ведь теперь мы уразумели истину слов святого Симеона Нового Богослова: «Кто непрестанно молится, тот все доброе в себе соединил».

В заключение настоящего дня и в ободрение ваше напомним вам бесконечно ласковые, бесконечно милые, полные неизреченной любви — ободряющие слова нашего Господа: *Просите — и дастся вам. Ищите — и найдете. Стучите — и отворят вам... Всякий просящий получает...* и т. д.

И меня вспоминайте в молитвах ваших.

Аминь.

ПОЭЗИЯ

Геннадий ФРОЛОВ

ПОД РУССКИМ НЕБОМ

Геннадий Васильевич Фролов — родился в 1947 году. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Первые стихи вышли в коллективном сборнике в 1972 году. Старший научный сотрудник МГУ, зам. директора издательства «Современный писатель». **Живет в Москве.**

* * *

Птица дневная услышит ночную
Птицу, но слов не поймет.
Ветер, деревья нащупав вслепую,
В мокрые дебри уйдет.

Мальчик проснется,
 потянется к окнам.
В свете возникнет рука.
Матери сонной развившийся локон.
Так начиналась тоска.

Время стоит, как вода у плотины,
Льется за низкий затвор.
Лунного света зеленою тиной
Старый подернуло двор.

В доме вздыхающем душно и сыро,
Сумрак стгущается вновь.
Сердце одно в одиночестве мира.
Так начиналась любовь.

Жизнь беспредельна, как поле ночное.
Дышит отец тяжело,
Словно плывет
 сквозь течение шальное,
В дно упирая весло.

Душу мою разрывала на части
Несовместимость стихий.
Счастье и горе. Горе и счастье.
Так начинались стихи.

* * *

Вдоль опушки ель, осина,
Тусклый жар рябин.
Мелкий снег метет по синей
Пахоте равнин.

Гуще с каждой минутой
Заметает лог.
Словно мерин, сбросив путы,
Ветер треплет стог.

Даль темнее, небо ниже,
Смутно на душе.
Вот места, которых ближе
Не найду уже.

Вот места, где до могилы —
Славно ль, как-нибудь —
Проторю я в меру силы
Мне сужденный путь.

Меж деревьев, через чащу
Спутанных ветвей,

По равнине этой спящей,
Растворяясь в ней,

Исчезая в шуме ветра,
Канув в забытье,
След оставив неприметный
На груди ее.

* * *

Сбрось и тоску, и усталость!
Полон стакан до краев!
Это не старость, не старость,
А ожиданье ее!
Это не горе, не горе —
Скорый приход сентября!
Теплое мерное море —
Время — колышет тебя.
Слышишь в ночи бормотание
Неповторяемых строк? —
Это гранитные камни
Вечность стирает в песок.

Это в движеньи движенье,
Скрежет и музыка слов,
Грохот кораблекрушений,
Гул бесконечных валов.
Ливня удары по крыше,
Шорох, неслышимый почти —
Радости нету превыше
Слушать и слушать в ночи
Это развитие темы,
Этот сырой перепляс
Ритмов невнятной поэмы,
Сложенной кем-то для нас!

* * *

Н. Лисовому

Я постою еще, я сердце успокою,
Я повторю опять
 печальных две строки:
Прекрасен Божий мир,
 но я его не стою,
Ни этих облаков не стою, ни реки.

Я никогда не лгал.
 В стихах, по крайней мере! —
Но правду ль говорил?
 Не в том ли и беда,
Что, вопреки всему,
 мы чувствуем потерю
Того, что не нашли нигде и никогда?

Ну, что же! И пускай!
 И можно ли иначе?
Прожить бы эту жизнь,
 что думать о другой!

Все неудачи, брат,
 и все наши удачи —
Ничто они, увы, пред этой тишиной,

Пред этою листвою,
 пред веткою любою,
Пред ржавым стебельком
 раздавленной травы,
Пред этою на нас
 струящейся любовью
С полей родной земли,
 с небесной синевы.

Но как вместить ее?
 И все гляжу с тоскою,
И все твержу, твержу
 печальных две строки:
Прекрасен Божий мир, но я его не стою,
Ни этих облаков не стою, ни реки!

* * *

Е. Чернову

Что я не видел, и где я не был?
Что мне осталось еще сказать?
Под этим низким под русским небом
Мне так не хочется умирать.

Мне так не хочется в эту землю,
В суглинка сдавленные пласты,
Где деды-прадеды мои дремлют,
Не в силах выйти из немоты.

Нет, немота меня не пугает,
Земли родимой не страшен гнет,
А страшно то, что не истлевает
В ней все, что мучит меня и жжет;
Что сквозь прикрытые смертью вежды
Острей и пристальней я взгляну
На жизнь былую, но без надежды
Хотя б одну искупить вину;

Что я увижу до жути ясно,
О как могла бы быть хороша
Моя, измученная напрасно,
Моя страдающая душа;
Что не восстанут для новой битвы,
Дабы спасти ее, дух и плоть;
Что даже робкой ее молитвы
Не станет слушать уже Господь.

* * *

Вспомнил вечером я тебя,
А потом ты приснилась мне.
Я проснулся, уже не любя,
И увидел луну в окне.

Я увидел луну в окне,
Медный диск ее был щербат.
И почувствовал вдруг, что мне
Все равно, кто был виноват.

Все равно, кто был виноват,
Все равно, кто будет теперь.

И дышал за окошком сад,
Как большой неуклюжий зверь.

Но огромность мира вовне,
В исполинский вздымаясь рост,
Вся вмещалась сейчас во мне —
От намокшей травы до звезд.

И, беспечно-отрешена,
Надо мною душа вилась,
Словно кончилась жизнь одна,
А другая не началась.

* * *

Кому-то нравится одно,
Кому-то нравится другое.
В мое открытое окно
Струится небо голубое.

Втекают синь и бирюза,
Блеск золота и перламутра.

Но закрываю я глаза,
Чтобы не видеть это утро.

Чтоб погрузиться вновь во тьму,
В сырую чащу сна земного,
Где столько сердцу и уму
Невыразимого родного.

* * *

Усталые ноги еще идут,
Вытягивается дорога через грудь,
И между ребер, ветрам открыт,
Ты рассказываешь, где болит.

А болит в Благовещенске и в Орле,
Болит на Алтае и на Памире,
На всей на бескрайней моей земле,
На всей на ее необъятной шири.

Судорогою бессилья сводит рот,
Метелями безумья
застилает просторы,

Снова рушится воля во тьму свобод,
В пустотах их не найдя опоры.

Пусть не знает Дели о скором конце,
Пусть Женева и Токио
еще прибиткам рады,
Но уже проступила смерть на лице
Иерусалима и Краснодара.

Азиатская Америка,
Африканский Китай,
Небес парча и океана мускус, —
Для могилы мира готова плита,
И последняя надпись на ней по-русски!

ПОЭЗИЯ

Светлана СЫРНЕВА

НАШИ ЛЕСА НЕ ПРОПУСТЯТ ВРАГА

Светлана Сырнева — родилась в 1957 году в деревне Русско-Тимкино Уржумского района Кировской области. После окончания Кировского государственного педагогического института работала учительницей русского языка и литературы, корреспондентом, а затем редактором уржумской районной газеты, корреспондентом кировских областных газет. Сейчас она руководитель пресс-службы администрации города Кирова. Автор пяти книг стихотворений. Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» (1996), Малой литературной премии России (1997), Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2002). **Живет в Кирове.**

КРИВАЯ БЕРЕЗКА

Это давнего, дивного детства весна,
где природа блеснит, оживая.
И опять во все стороны света видна
в чистом попе березка кривая.

Пусть убога, мала, не на месте взошла
и над пашней шумит, не над лугом, —
осторожно ее борона обошла,
не задело родимую плугом.

Кто ее уберег для себя и детей,
кто пахал этот клин худородный?
Фронтоник,
навидавшийся всяких смертей,
иль подросток деревни голодной.

Это было в далекой советской стране,
это есть колыбель и обитель.
Вот он едет в село на железном коне —
работяга, отец, победитель.

Это жизнь, это в космос Гагарин ушел,
и туда же качели взовьются.
И ребенка спросонья сажают за стол,
где раздолжные песни поются.

Это миф, это клад, потонувший в веках,
и подобного больше не будет.
Я спала — и носили меня на руках
богатырские русские люди.

Из огня, из беды вынимали на свет,
в руки добрые передавая.
Стремительной жизни глядела вослед,
— удалялась березка кривая.

НАСЛЕДСТВО

Где бы знатное выбрать родство —
то не нашего рода забота.
Нет наследства. И нет ничего,
кроме старого желтого фото.

Только глянешь — на сердце падет
безутешная тяжесть сиротства:
между нами никто не найдет
даже самого малого сходства!

Эта древнего стойбища статья,
кочевая бесстрастность во взоре!

В ваших лицах нельзя прочитать
ни волнения, ни счастья, ни горя.

О чужой, неразгаданный взгляд,
все с собою свое уносящий!
Так таежные звери глядят,
на мгновение выйдя из чащи.

И колхозы, и голод, и план —
все в себя утянули, впитали
эти черствые руки крестьян,
одинакие темные шали.

И как быстро вы в землю ушли,
не прося ни любви, ни награды!
Так с годами до сердца Земли
утопают ненужные клады.

Что не жить, что не здравствовать мне
и чужие подхватывать трели!
Как младенец, умерший во сне,
ничего вы сказать не успели.

И отрезала вас немота
бессловесного, дальнего детства.
И живу я с пустого листа,
и свое сочиняю наследство.

ОСИНА

Жизнь обратно меня принесла,
как река, обращенная вспять.
И осина с тех пор возросла
так, что вовсе ее не узнать.

Но все там же стоит, на краю,
над провалом осеннего дня.
Подойду, обниму, постою —
и она не узнает меня.

Не припомнит, коль память крепка
в тонких пальцах расцепленных пут!
Кто остался — растет в облака,
остальные по кругу бегут.

Дай мне силу, родительский дом,
дай мне волю в пределах Земли,

в сотый раз возвращая потом,
где осины мои возросли;

где шумит мой оставленный сад
по просторам пустынной Руси.
Волоки меня, сила, назад
и, остаться не дав, уноси!

Одинаковы все города,
позолочены все купола,
и нездешняя сила всегда
отрывает меня от ствола.

И пророчит, и льстиво поет,
и всечасно геенной грозит.
И опомниться мне не дает,
потому что не насмерть разит.

ПАТРИОТ

Возле черного Белого дома стоять,
и родных потерять, и друзей хоронить,
холостого нагана сжимать рукоять
и железную волю у сердца хранить.

Через строй полицейских знамена нести,
согласиться на муки, на жизнь в нищете,
и свободу изгоя себе обрести,
и священное право — страдать на кресте.

Под осенним дождем беззащитен листок,
где разящая правда прописана вся.

И по нервам бежит гальванический ток,
как отраву, безумный восторг разнося.

И за Язова звать, и от Лебеда млеть,
и на Глазьева ставить, но снова — не он!
Понемногу состариться, долго болеть
и упасть в одиночество, в немошь и в сон.

Не подняв головы, проходить по дворам,
где в грязи этажи и подъезды в крови.
Как последнюю милость найти себе Храм
и очиститься в нем для великой любви.

Так до самого дна эту чашу испить,
обретая гармонию жизни земной.
И вздохнуть, и портрет президента купить,
и повесить его у себя за спиной.

Ты его не вини, уходящий во тьму,
не чини ему, смертный, земного суда.
Ибо молится он — и простится ему,
а тебя все равно не поймут никогда.

ПОБЕЖДЕННЫЙ

Не завывать ли нынче, как волк,
на глухое пламя луны?
Наш расформированный полк
молча возвратился с войны.

Из ничейной нивы овса,
охватившей ваш огород,
все еще звучат голоса
тех, кто никогда не придет.

Что ж твоя печаль тяжела?
Побежденный ты, но живой.
Радуйся, что пуля прошла
где-то над твоей головой.

Что же ты глядишь с немотой,
лишний на родной стороне?

Радости земной и простой
разучился ты на войне.

Здесь трава, как в детстве, густа,
и листва росой полна.
Но живая вся красота
без победы нам не нужна.

Тихие разливы жнивья,
где легко прожить без утрат!
И сурово смотрит семья,
словно ты во всем виноват.

«Ты зачем покинул крыльцо,
дома ты не мог бы корпеть?!»
И родные плюнут в лицо,
но и это надо стерпеть.

ОСЕННЯЯ ОБОРОНА

Сгнули ласточки и соловьи,
холодом веет от поздних восходов.
И на пустые дороги твои
яблоки падают из огородов.

Грозных рябин загорелись костры,
яростно светят из каждого сада.
Блещут лопаты, стучат топоры,
словно бы строится здесь баррикада.

Лег бы и ты в эту пору, уснул —
душу усталую больше не трогай, —
но урожая торжественный гул
неумолимо висит над дорогой.

Что ж, разбирай подъездные пути,
люди угнетенный, но не покоренный!
Брюкву вытаскивай, тыкву кати
в общую цепь круговой обороны!

Полные бочки, тугие мешки,
вилы, сусеки, корзины, корыта —

все выворачивай! Все волокни!
Это — последняя наша защита.

Солнцем вспоенная, влагой земной,
тяжких трудов результат и награда,
крепко стоит за твоею спиной
полная жизни живая громада.

Наши леса не пропустят врага,
золотом блещут победно и ново.
И, упирая крутые рога,
в каждом дворе воцарилась корова.

ГОША И КОТ

Каморка у Гоши похожа на старый комод
под лестницей черной, где окон, естественно, ноль
Сюда же прибилась какой-то сомнительный кот,
И оба живут, как живет перекатная голь.

У Гоши по пьянке давно уже выбили глаз,
трех жен поменял он, по свету рассеял детей.
Кот вылез с помойки на Гошин горелый матрас,
пригрелся — и счастливы оба без лишних затей.

Сам Гоша в дымину и в стельку дней семь или шесть
гнилая махорка до слез прокоптила тюрьму.
Но кот не перечит, и даже, коль нечего есть,
то Гоша хоть луковку все же, но кинет ему.

Ты словом недобрым худую судьбу помани.
Непросто мужчине без глаза, тудить тую рать!
Мы знаем о счастье не больше, чем знают они,
когда по сугробам бутылки идут собирать.

Они доходяги, и кто-нибудь скоро помрет:
не кот — значит, Гоша, хотя он еще не старик.
Но лучше б, конечно, чтоб раньше скопытился кот,
ведь Гоша за долгое время к потерям привык.

Он водкой заглушит, он будет глядеть в темноту,
а пьяные слезы — они, как известно, вода.
Но если ты, Гоша, подохнешь — не жить и коту,
ведь горя подобного не было с ним никогда.

ШИПОВНИК

Вдоль дороги пристанища нет,
по канавам наметился лед.
И краснеет осенний рассвет
за рекой, где шиповник растет.

Он растет, существует вдали,
неподвижен и сумрачно ал.
Берега им навскид поросли,
только ягод никто не собрал.

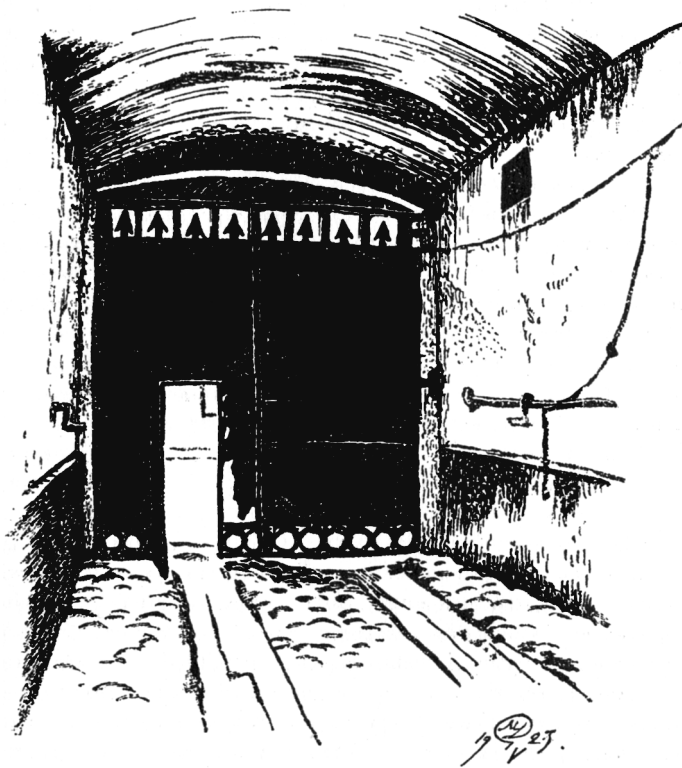
Здесь никто не ходил, не бродил,
не видать ни чужих, ни своих:
ведь плоды не срывают с могил,
не берут их со стен крепостных.

Ржавый лист прошуршит у воды,
безнадёжно упавший к ногам.
Но краснеют на ветках плоды
по великим твоим берегам.

Мы, Россия, еще поживем!
Не сломали нас ветер и дождь.
В запустении грозном твоём
есть ничейная, тайная мощь.

То и славно, что здесь ни следа,
то и ладно, что здесь ни тропы.
Мы еще не ступали туда,
где стена, и плоды, и шипы.

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

Рисунки Добужинского

ПОЭЗИЯ

Евгений ЮШИН

В СЕРДЦЕ РОДИНУ ВЕРНУТЬ

Евгений Юрьевич Юшин — родился в городе Озеры Московской области. Закончил филологический факультет пединститута, работал редактором, вел ЛИТО «Магистраль». Лауреат премий им. А. Твардовского и Всероссийского поэтического конкурса им. А. Пушкина. Секретарь правления СП России. Главный редактор журнала «Молодая гвардия». Живет в Москве.

* * *

XXI век, перезагрузка.
Интернет и брат тебе, и друг.
Ну а мне роднее трясогузка
И туманом выбеленный луг.

Но уходят люди в дым экрана,
И живут за призрачным «окном».
Иллюзорный мир всегда обманет,
Потому что Бога нету в нем.

Потому, намаявшись по веку,
Золотишком проторяя путь,
Либо вовсе сгнать человеку,
Либо в сердце родину вернуть.

А у нас тут — синие озера,
И на окнах — синие подзоры.
И на вишнях подсыхает пот.
Надо мною облака и ветки,
Подо мною и века, и предки.
И петух — букетом у ворот.

* * *

Душа моя далью томится.
Пора бы дорожку завить:
Всем землям пойти поклониться,
Все земли пройти-полюбить.

От бархатных пашен Кубани,
От кемских камней и озер
Шершавой тропой кабаньей —
До южных мерцающих гор.

Черешневы ночи Изюма,
В березовом соке — Медынь.
Пыхтят астраханские трюмы,
Объевшись арбузов и дынь.

С бурлацкою песней нескорой,
Прикрыв голубые глаза,
Идут облака над Мещерой —
Озера ведут в небеса.

Быть может, душа собирает,
Взлетая на вольном крыле,
Мгновения Божьего рая,
Рассеянные по земле?

* * *

Гудят молодые меды и надломлены соты,
И солнце густеет на блюде в кружении ос.
Лесными проселками, лугом пустым и болотом
Качается грузного августа пламенный воз.

Выносят сады в подолах разноцветие яблоч.
Темнеет по лужам березовых листьев настои.
Озябши под вечер, к стожку прибивается зяблик,
И гнездами пряные грузди лежат под листвою.

Уже кабаны нажрались желудей и крапивы,
Медведи наелись и ягод уже, и овса.
О чем-то прощальном лепечут поречные ивы,
И щурят избушки свои голубые глаза.

Маслята молочные с верхом корзину укрыли.
По теплой хвоинке ползет золотой муравей.
Стрекозы роняют почти что стеклянные крылья,
И пенится горькое солнце в изгибах ветвей.

Возьму это солнышко, эту бруснику щекастую,
На губы ее положу — и закрою глаза:
То жизнь моя, жизнь — удивленная, терпкая, красная,
То песня родная — скользнувшая небом слеза.

Душой обниму эту вольную, светлую, сизую,
Дощатую родину, чтобы и сыну расти.
И весь этот август, всю песню пущу по карнизу,
Чтоб в белую зиму ему зеленеть и цвести.

Еще не сентябрь, но прощайте пролетные гуси!
Я вас провожу — улетайте — храни вас Господь!
Все катится воз. И все катится небо над Русью.
Сжимается сердце, сжимаются пальцы в щепоть.

* * *

Облиты озера морозом,
Но слышал вчера от грачей,
Что скоро уже по березам
Поднимется первый ручей.

Надломит угрюмые реки,
Плеснет на уголья зари.
Взбивая постельные снега,
Глухарок зовут глухари.

Молись! Это время святое:
Призывные трубы лосей,
Омытые талой водою
Латунные латы язей.

Я видел: в дымке перелесец,
Проталины чуя в полях,
Под вечер спускается месяц
И ладит гнездо в тополях.

* * *

Солнце никак не продышит тумана.
Лёт паутинки почти невесом.
Лодка скользит и кувшинок лианы
Я иногда задеваю веслом.

От камышей поднимаются утки.
Темные листья застыли в воде.

Дышат туманы и берега звуки —
Дальше и дальше — неведомо где...

Я заплываю за медленный остров,
Якорь бросаю, смотрю и смотрю:
Как это нежно и как это просто
Бог над землей сотворяет зарю.

* * *

Всё.
Лето завершилось, дни притихли.
Ни щебета в лугах уже, ни звона.
И сосны тихо осыпают иглы,
И зябнет день в гусиных лапах клена.

И облака сырой овечьей шерстью
Скользят над лесом, задевая крону.

И куст калины кланяется, крестит
Полей озимых нежную икону.

В реке все меньше и тепла, и света.
Иду к стогам, присевшим и печальным,
Где лишь вчера бродило бабье лето,
Мир осыпая золотом сусальным.

* * *

*За последние 20 лет население России
уменьшилось на 20 000 000 человек.*

Неужто и вправду России не будет?
Леса-то останутся в латах озер,
Но люди чужие, заезжие люди
Заселят борами омытый простор.

Нас меньше и меньше.
Такая досада!
Страдает на рынке восточный напев.
Мы быстро уходим, как листья из сада.
И ветер склоняет вершины дерев.

Костры и бутылки по берегу Волги.
Мы сами живем, словно пришлый народ.
И воют на луны осипшие волки,
И каждый из них чужака загрызет.

* * *

Я помню последние, тихие годы деревни,
Которая дачным селением стала теперь.
И в редком домишке запахнет иконою древней,
И в редком домишке весна не услышит потерь.

Глядят по-сиротски из окон герань и старухи.
В соседнем дворе огород онемел и оглох.
Встают лебеда и крапива, как стражи разрухи.
И серый, и мертвый лежит за оградой стог.

Я помню: зальется гармонь озорною частушкой,
И кто-то галопом проскачет к веселой реке,
И дождь мимолетный наполнит звенящую кружку,
И радуга — ангела крылья — вспорхнет вдалеке.

А синей зимой, на санях прорезая дорогу,
В восторге летишь — лишь снежки из под скорых копыт.
И ночи густы, и студеного неба берлога
Колючими звездами вдоль по дороге пылит.

Я многое помню: осенние праздники в поле,
Картошку печеную и золотую уху.
Но сгнили те лодки, что ждали меня на приколе,
И нету работы в деревне теперь пастуху.

Уж ладно и то, что хоть дачники холят деревья
И ждут соловьев, перекапывая огород.
А выйдут на пенсию, да и уедут в деревню
И, может быть, кто коровенку себе заведет.

* * *

Этот мир надо мной — белым облаком, птицей и Богом.
Этот мир подо мной — муравьишкой, пылью веков...
Я люблю, когда небо целует дождями дорогу,
Заполняя копытца недавно прошедших коров.

Я навек полюбил эти заводи, эту осоку,
Эти серые избы с певучим печным говорком.
Эти сосны шумят надо мной широко и высоко.
Говори со мной, лес, первобытным своим языком -

Торфяным, глухариным, брусничным, зеленым, озерным,
Хороводным — в распеве сырых земляничных полян.
Ой, туманы мои! Ой, вы, жадные вороны в черном!
Скоморошьи дороги и ратная кровь по полям.

Я прикрою глаза и услышу кандальные звоны,
Безысходный по-бабы, горячечный плач у берез.
Как скрипучи дороги! Как мертвенно бледны иконы!
Как селенья ужались, и как поразросся погост!

Тишина на Руси, словно лодка стоит на приколе,
А накатится вихрь, так покуда ее и видал.
Мужики-мужики, вам тесны и корона и воля.
Кто считает деньгу, кто рубаху последнюю снял.

Можжевеловый воздух поминками пахнет, как порох.
На серебряных перьях овса предрассветная трель.
Сколько вражьих чубов причесалось о вилы и обух
Помнят травы ночные, густой голубичный кисель.

И возносит звонарь колокольни стозвонные соты.
Но сжигает Иуда воздвигнутый предками храм.
И на каждой сосне — золотистая капелька пота.
И на каждой березе — полоскою черною шрам.

Говори со мной, лес, ведь и мне твоя тайна знакома,
Словно аистам в небе, хранящим на перышках синь.
Высоко надо мной золотая сгорает солома
И трепещут стрекозами синие листья осин.

* * *

Продают и землю, и березы,
И огни, дрожащие во мгле.
Скоро продадут и наши слезы.
Реки — это слезы по земле.

Не куплю я дали за рекою,
Ни лугов ромашковую песнь,
Ни боров брусничные покои —
Потому что это я и есть.

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

Рисунки Добужинского

Родная РЕЧЬ

Виктор ЛИХОНОСОВ

МОЙ БУНИН

Виктор Иванович Лихоносов — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии СП СССР и Государственной премии РФ. Член высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Гл. редактор журнала «Родная Кубань». Живет в Краснодаре.

Он уже лежал во временном склепе на кладбище Сент-Жневьев де Буа под Парижем, когда в покрывающейся снегом России вдруг узнали, что был в русской литературе такой писатель. Наверное, он ни за что не поверил бы накануне: о кончине его сообщит непримиримая газета «Правда». В этот день строилось то, что магически уготовано только художнику: тело Бунина оставалось на тление в чужой земле, а душа в ковчеге его книг начала свое возвращение в родной угол, на родину, откуда никто не прилетел в Париж попрощаться и положить скорбные цветы. Через год эта светлая душа самого русского писателя в нашей литературе напитает многих, ранее не слышавших о нем.

Мне было в эти дни начала ноября 17 лет. Я жил в Новосибирске на улице Озерной, 4. Как жаль, что я не вел дневника. Что мы с матерью делали в те дни, кто заходил из соседей, как прошли праздники? Потом мне так важно было все это. Уже снежок сыпался под утро, в стойке пахло коровой, вся низина до станции забелела отрадной зимой. А в Париже «...день был чудесный, и когда мы ехали уже мимо лесов, то все вспоминалось: “Лес точно терем расписной, лиловый, золотой, багряный”... и меня как-то успокаивало, что это осенью в такой солнечный день, какой он особенно любил...»

Спустя 14 лет я прочитаю в книге А. Бабореко письмо Веры Николаевны Буниной, ту «ве-

ликую жалобу», которая в святцах нашего бытия расписана для каждого; письмо очень большое, о многом и о том, что «все было насыщено одним чувством скорбной любви... что все в горе, а не только жалеют меня...», как «приходили и небогатые люди, приносили деньги, моя помощница, в которой Иван Алексеевич души не чаял, принесла мне пятьдесят тысяч, она копит на памятник своему мужу...»

Что толкнуло меня после урока литературы подойти к учителю и спросить: кто такой Бунин? Почему он умер в Париже? Вопрос был, видимо, туговатый, и учитель ничего ясного мне не сказал. А может, и не захотел. Но те минуты в классе у доски я запомнил на всю жизнь. Неужели у меня было предчувствие, что И. А. Бунин сыграет в моей судьбе огромную роль?

О Бунине легче всего писать его же словами. Нет в русской литературе писателя, который бы, не прячась за выдуманных героев, так не боясь посыпал перстью тайны свои, чувствовал себя постоянно в просторе веков и не студил язык свой мертвой водою.

«...Длинное море, бессонные ночи мои!» так сказал, кажется, Иоанн Златоуст. И такое же «длинное море» каждая ночь моя теперь: не сплю, задыхаюсь, иногда добираюсь с постели до письменного стола... потом опять постель... что-нибудь писать, а больше всего думать, думать и тупо дивиться: как же это так вот-вот ложиться в могилу?!! «И царь Давид состарился и вошел в лета, и не мог согреться, сколько ни одевали его... и положили с ним девственницу, дабы согрела его, и он не познал се...» Все это вполне мое... Сижу (точнее сказать, 20 часов в сутки лежу) в своей комнате по своей просто младенческой слабости и потому, что астма моя душит меня все чаще и беспомощней, а артрит правой ноги довел мои передвижения от постели до письменного стола до постыдных жалких скачков, до подпрыгивания на левой ноге, да и то при помощи костыля. А все-таки «сочиненьица мои меня еще и до сих пор занимают», как писал Петрарка в старости...» (1951 год).

Когда подумаешь, что это было в чужом Париже, что прямой наследник Пушкина, Толстого, мудрым трехсотлетним вороном живший свои 83 года, медленно расставался с зорями и ночами, а в это время в России какой-нибудь безграмотный литературный булыжник крошил черепа свежих молодых дарований (под видом «чистоты наших советских рядов») в Краснодаре или кучка «кавалеров золотой звезды» в Москве лгала о беспаспортных нищих колхозниках и заедала вранье в Доме литераторов цыплятами-табака, реквием Моцарта и гнев самого Бунина в «Окаянных днях» заливают душу. Возвышенный старческий плач писателя и сейчас накрывает меня печалью. Не будет больше таких писателей никогда, как не будет и старой России. Не будет даже той зимы у замороженного окошка, когда я читал впервые собрание сочинений Бунина (издание 1915

года). О том, что «все на свете проходит», и писал Бунин с младости и до смерти.

В русских летописях слышался мне особый и такой родной напев речи, ее протяжный склад. И вот у Бунина:

«...На громадных запертых воротах монастыря, на их створах, во весь рост были написаны два высоких, могильно-изможденных святителя в епитрахиях, с зеленоватыми печальными ликами, с длинными, до земли развернутыми хартиями в руках: сколько лет стоят они так, сколько веков уже нет их на свете? Все пройдет, все проходит, будет время, когда не будет в мире и нас, ни меня, ни отца, ни матери, ни брата, а эти древнерусские старцы со своим священным и мудрым писанием в руках будут все так же бесстрастно и печально стоять на воротах...»

Ни Пушкин, ни Толстой не написали просто, одной душой, кротко и с покаянием в голосе о матери:

«С матерью связана самая горькая любовь моей жизни. Все и все, кого мы любим, есть наша мука, чего стоит один этот вечный страх потери любимого! А я с младенчества нес великое бремя моей неизменной любви к ней, к той, которая, давши мне жизнь, поразила мою душу именно мукой, поразила тем более, что в силу любви, из коей состояла вся ее душа, была она и воплощенной печалью: сколько слез видел я ребенком на ее глазах, сколько горестных песен слышал из ее уст!

В далекой родной земле, одинокая, навеки всем миром забытая, да покоится она в мире и да будет вовеки благословенно ее бесценное имя. Ужели та, чей безглазый череп, чьи серые кости лежат теперь где-то там, в кладбищенской роще захолустного русского города, на дне уже безымянной могилы, ужели это она, которая некогда качала меня на руках?...»

Над бунинскими страницами не размышляешь, ничего там не отгадываешь, а покорно живешь вместе с ним теми чувствами, которые, кажется, рассеяны вокруг неуловимой душой тысячелетнего человечества, таинством засыпанных песком цивилизаций, горним приветом кротости, и, когда обрывается в рассказе строка, длинный млечный свет зерен тянется над тобой, дымится бесконечной печалью и очарованием. У Бунина всегда на горизонте жизни колеблется марево. Постоянное скитание души по срокам времени, расставание с ними, потом расставание со старой императорской Россией, утешение в вечности сухой Розы Иерихона вот Бунин, которого мы закутали в дифирамбы о его «парчовой прозе».

Одиночество души, будто на созерцание божеской красоты и опадание желтым листом всего сущего и любимого сотканной еще одна просека в писаниях Бунина.

Он не понят теми, кто свои чувства отстраняет, чтобы поскорее схватить поверхностные прелести жизни.

Ему было тяжело жить, потому что «день каждый, каждую годину» он с младости принимал как Божие мгновение и словно вытягивался душою в века утомившиеся и в века неведомые. Таких дрожащих струн в нашей литературе прежде не звучало.

А как он плакал по России! Кажется, если когда-нибудь перевезут его прах на Орловщину, рассыпчатые его косточки вскрикнут: «Поздно хватились! Горькую разлуку вы нам дали». Бунин и в свои 125 лет не прощает сокрушителей кровли.

Люблю его «Несрочную весну», «Косцов», «Холодную осень», где на последней странице мгновенно блеснет и погаснет нечто близкое мне: «...Встретила человека редкой, прекрасной души, пожилого военного в отставке, за которого вскоре вышла замуж и с которым уехала в апреле в Екатеринодар. Ехали мы туда с ним и его племянником, мальчиком лет семнадцати, тоже пробиравшимся к добровольцам, чуть не на две недели, я бабой в лаптях, он в истертом казачьем зипуне, с отпущенной черной с проседью бородой, и пробыли на Дону и на Кубани больше двух лет».

«Косцов» я читал в «Вечерней Москве», и тогда там цензура выкинула строчки, которым место в какой-нибудь новой Ипатьевской летописи: «Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время в России, не вернется уже веками». Кто у нас мог так писать, прощаться со временем царей и святых? Никто. Певучий рассказ меня ошеломил. В эти дни умирала в Париже вдова писателя В.Н.Муромцева-Булнина, и в моем блокноте есть начало письма к ней. Я еще ничего не знал и благодарил ее за книгу «Жизнь Бунина». Студенту, пять лет слушавшему какие-то классово-горбатые лекции о русской литературе, открывался другой, истинно русский мир.

«Лику» я читал на затоне, храню эту брошюрку как реликвию: на обложке близ лошади сидит страдающий влюбленный юноша, похожий на автора. «Однотомник» 1956 года у меня лежит неприкосновенно, как в древнехранилище. Помню все: как объявили о его выходе в «Литгазете», как я спрашивал у продавцов: «Не пришел еще?», как купил и сел в Екатерининском сквере (на той дорожке, что упирается в улицу Красную, и... заснул в царстве слов: «В Москве последний счастливый день Мити был девятого марта».

Тогда еще не засекалось искусство диссидентщиной, молодые писатели молились на гордых старых мастеров, еще «Евгений Онегин» и «Герой нашего времени» затмевали интерес к разоблачительным романам с «гулаговским» стилем, намеками на власть и проч., и изящный Бунин как раз и ввел поклонников в свою старомодную усадьбу. Это было время, когда в Ялте жила еще Мария Павловна Чехова и говорила К. Паустовскому: «Вот лежит спичечный коробок, и я знаю, что это коробок Антоши. Умру, и коробок этот исчезнет.» Тогда мы не предполагали, что станем свидетелями разворовывания

писательских усадеб, Эрмитажа, библиотек, исторических хранилищ и самой России. Слова Бунина о том, что наступят дни, когда никто не будет иметь представления о прежней России, сбылись. И почти никто не будет жалеть, что ее снова ведут на Голгофу, и, о горе! неужели никто не заметит разницы между кощунственными «прогулками с Пушкиным» диссидента и записью Бунина: «Помню жуткие, необыкновенные чувства, которые испытал однажды (в молодости), стоя в церкви Страстного монастыря возле сына Пушкина, не сводя глаз с его небольшой и очень сухой, легкой старческой фигуры в нарядной гусарской генеральской форме, с его белой курчавой головы, резко-белых, чрезвычайно худых рук с костлявыми, тонкими пальцами и длинными, острыми ногтями...»

В 50-е годы Бунин пришел к молодежи с «Митиной любовью» и «Жизнью Арсеньева», а в эпоху «нового мышления» с «Окаянными днями». Мы, жившие в несвободное время, счастливее нынешних птенцов, потому что слышнее было эхо погибших звуков великой России. В книгах Бунина последнее восхищение отчим домом, который тысячу лет строили предки. Бог послал нам его в литературе словно для того, чтобы он грустно пропел о разлуке с родимым порогом. Мальчиком (в 14 лет) он написал, испытал одиночество вдали от отцовского поместья:

*За Ельцом есть село,
Что Озерками звать.
На крутом берегу
Перед прудом большим
Все любитесь в нем
Старый дом наш большой.
Там отец мой родной.
Меня манит рукой.
Там сестра, там мой брат,
Там все милые мне...*

(1884)

Мне мистически все кажется, что и нынче душа его, покруживши над парижским предместьем, перелетает на Орловшину и тоскует там над родовыми гнездами в Каменке, Бутырках и в Озерках.

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Владимир ВАРАВА

ФИЛОСОФИЯ ОТЧЕГО КРАЯ

Владимир Владимирович Варава — преподаватель философии и культурологии. Работает на философском факультете Воронежского Государственного университета и в Воронежской духовной семинарии, член редколлегии журнала «Подъем», доктор философских наук. **Живет в Воронеже.**

Не верно считать философию продуктом интеллектуальной деятельности лишь созерцателей-одиночек или академических ученых. Такой взгляд, сейчас, к сожалению, весьма распространен. Философия творится совокупным духовным опытом всей нации. Чтобы понять мировоззрение народа, особенности его культуры и истории, необходимо понять его философию.

У каждого народа свой философский путь, как и вообще каждый народ жив своим: своим языком, своими традициями, своими верованиями. И если философская элита нации исходит из глубины отечественной Традиции, тогда бытие народа (и материальное тоже) соответствует идее высшего промысла об этом народе. Если же она соблазняется заданиями иной культуры, тогда в интеллектуальной и духовной сфере наступает смута, которая весьма неблагоприятно отражается на всех уровнях жизни. Страдает образование, воспитание, соответственно политика и экономика и другие сферы национального бытия. Вообще, для верного понимания смысла философского творчества нужно придерживаться слов нашего замечательного философа Ивана Киреевского, сказанных им еще в начале XIX века: «Наша философия должна развиваться из н а ш е й жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов н а ш е г о народного и частного бытия».

Одна из причин сегодняшнего неустройства России в том, что в «переходный» период мы не смогли, не успели должным образом раскрыть, постичь и сделать основой национального мировоззрения русскую философию. Потенциал отечественного любомудрия остался во многом не востребованным. Из марксистского плена мы попали в плен евро-американского рационализма. А когда человек, воспитанный в русле этой бездуховной традиции взи-

рает на русскую историю и культуру, то он ничего не видит кроме «несогласия», отсутствия «рациональной выучки» и проч. И как следствие — интеллигентский порыв реформировать, модернизировать Россию, что в итоге всегда приводило к смутам и срывам. И сейчас мы страдаем от очередной утопии интеграции с «мировым сообществом», с его рыночным счастьем и прочее. Во многом потому, что философия новой России — не русская философия.

Нужно признать, что советский марксизм, будучи философией бескрылой, чересчур земляной, все же при насыщении его минимальными светоносными энергиями смог интегрировать нацию в космологическом прорыве. Люди поверили, говоря словами А. Платонова, что «в науке поместилось ведущее начало Истории». И духовные корни остались неповрежденными, и они смогли дать тот плод, который подтвердил единство русской культуры. «Выход в космос» — духовно-культурное алиби советского периода, сполна выполнившего свою миссию, подтвердившего высочайшую метафизичность России. Это своеобразная космологическая радость русских, порывом в иные дали стяжавших достойный смысл жизни.

Идеология современного российского либерализма — замалчивание и искажение коренных смыслов русской философии в угоду пропаганде и популяризации западных стандартов мышления. Сейчас философия перестает быть любомудрием, все больше становясь эрудицией, «техникой мышления» и т.д. Одним словом тем, что способствует достижению прагматических целей. Философия стала работать на комфорт жизни, утратив духовную суть стремления к Истине.

Сейчас важно уяснить, что русская философия такое же народное достояние, как и русская песня, русская литература, русская Церковь. Чтобы глубже прочувствовать единство философского духа и народного мышления, нужно более плотно подойти к национальным истокам. Где их можно обнаружить? Там, где жив корень нации, где почва является живородящей и животворной стихией, сохраняющей нашу жизнь от гибели. Таким пространством, объединяющим и географические и духовные параметры народа, ставшим духовной единицей национального бытия, можно назвать понятие «Отчего края». И соответственно метод постижения и проникновения в его суть логично обозначить как «Философию Отчего края».

Каждый народ живет не только в определенном гео-историческом пространстве, но и в культурных плоскостях Быта и Бытия. Быт связан с повседневностью, им определяется эмпирический облик жизни народа. Бытие — выход в запредельное, здесь религиозные святыни и главнейшие духовные истины. Философия Отчего Края позволяет понять глубинную связь Быта и Бытия, тем самым увидеть подлинный образ нашей Родины. Понять, что единило великих тружеников культуры, живших в одной местности, значит понять, что единит Россию.

Это направление может выявить подлинную суть русской идеи, своеобразно представленную в каждом крае (регионе) всем строем русского мироощущения. Философское мирочувствие русских зарождается не в аладитически-уютных тренажерах ума, а в глубине ночи страдающего духа. И поэтому отечественное любомудрие представляет собой не только плод рациональных изысков, а и всецело трагического мировоззрения народа, смысл бытия которого в Спасении.

Философия Отчего Края дает концентрированное выражение национальной идее, которая многообразно представлена и в русской песне, и

в русской литературе, и в русской живописи, и в русском духовном подвижничестве. Все высшие проявления национального духа охвачены одной духовной идеей, которая и есть столь мучительно искомая русская идея — неприятия и преодоления смерти как высшего зла. Если воспринимать эту мысль прагматическими категориями западного рационализма, то это утопия, и причем вредная, ибо мешает комфортно пристроиться человеку в жизни. Но таково вековечное подвижничество русского духа, ведущего человека к Правде по пути страданий и тоски.

Философия Отчего края культивирует взгляд на мир, согласно которому жизнь есть величайшая тайна бытия. Здесь исключаются любые вульгарные (псевдодуховные, псевдонаучные и т.д.) представления о происхождении мироздания, сводящие непостижимый процесс возникновения живого, и столь же непостижимый факт его исчезновения к механическим, рационально объяснимым схемам эволюционизма. Философия Отчего края приучает к *глубинному мышлению*, к культуре благоговейного отношения к сверхчувственной тайне жизни. Ибо человек впервые появляется на свет именно в Отчем крае. И здесь то духовное и физическое место, где произошло чудо рождения. Понимать это, чувствовать не случайность своего появления в мире и места, в котором это произошло — значит обладать полноценным мировоззрением. Никакие права человека, экономические свободы и прочие «столпы» духовно обнищавшей цивилизации не смогут заменить то, что делает бытие человека подлинно достойным.

Философия Отчего края становится выразителем своеобразия русской философии. Общая философская идея нации изначально проявляется на «корневом», «почвенном» уровне и она всегда глубоко народна. Напрасно думать, что народ не причастен философской мудрости. Как раз он к ней и причастен более всего. Справедливым является то, что русский человек не причастен к интеллектуальным играм западной философии. Но ведь запад дал лишь один вариант, один тип философии, который тоже был инициирован ментальностью западного народа, его складом и характером.

Проблемы западной философии — это проблемы именно западного народа (кризис культуры, «смерть Бога», «смерть человека» и т.д.); и называть их классическими — заблуждение. Если «первая философия», продукт античного мира, онтологична по своей сути, ибо главное там *удивление перед бытием*; западноевропейская философия схоластична, так как в ней основное — *познание бытия*; то русская философия духовна, она расположена к *печалованию в бытии*, ища Смысла и Света для человека. Бытие нужно не познавать; ему можно удивляться, но более всего печалиться, ибо главное в человеке сердце, и соответственно сердечное мировосприятие. Это всегда было центром отечественного любомудрия.

Духовно вглядываясь в Отчий край, можно прикоснуться к самим корням вещей, «увидеть» суть Бытия. Бытие «вырастает» из того места (*предместья*), которому искренне предается сердце человека. Место может быть лишь одно, именно то, в котором человеку преподносится истина о мире, в котором он узнает мир и себя в мире. В этом смысле *предместье*¹ священо; и поэтому духовная интуиция любого народа языком традиции говорит

¹ Предместье: быть-перед-местом, бытие перед местом, предстояние месту; «предмет», «предметность» (в смысле Ильина) как единица *конкретно-го* для истинного созерцания.

о святости Родины. Родное раскрывается как многомерное явление; в нем память, зов, дух, совесть, истина, спасение.

Вот почему так важен язык Отчего края. Не существует абсолютного «нормального» языка. Всяк язык диалектен. Диалект не категория лингвистики, а языковой просвет Бытия. Как говорит народ в определенной местности, так говорит само Бытие здесь. Преображаясь в творческом сознании поэтов, писателей, язык Отчего края предстает как высшая форма сознания живущих здесь. Изучение родного слова — важнейшее условиекрепления мысли и духа.

Отчий край, соединяя Быт и Бытие, организует *житийное пространство* человека.

Человек живет не в культуре, а всегда в Отчем крае. Изначальной единицей жития человека является дом. Крыша дома — купол Неба. Выйти в вечный простор Неба можно только через Отчий дом. Дом не категория социума, а категория Бытия. Философия Отчего края есть и домостроительство, помогает правильно устроить дом. А правильно его устроить — значит сообразовать с тем, как принято в этом месте. Дом должен быть опрятен и уютен, но не должен быть *комфортным*. Комфорт усиливает страх, ибо отчуждает роскошью искусственного и естественного тепла земли и уменьшает действие благодати, которая через небогатый уют обретается надежнее.

Дом организуется не по архитектурному произволу, а принимает очертания духовного ландшафта Отчего края. И как язык всегда особый в каждом крае, так и дом имеет свой диалектный стиль, совокупность которых выявляет чудное соцветие русской эстетики.

Важно увидеть и постичь своеобразие русской философии и русской культуры. Не отрицая другие традиции, нельзя себя смешивать с ними, уподобляться и подменять. Чтобы отчетливо видеть свое, нужно ясно видеть иное (и наоборот). Только «дурное смешение» культур в гуманизме не позволяет за «общечеловеческой ширмой» гедонизма познать действительное своеобразие иного.

Философия Отчего края естественно покажет путь человеку к отчей религии. Совершеннейшая ложь и фарисейство говорить об «общечеловеческом христианстве», которое в действительности является интеллигентской (тайной!) верой. Здесь все что угодно, только не русская Церковь. Соответственно бесплодны метания в поисках «просвещенной религии». Кто говорит, что главное «верить в душе», болен каким-то неистребимым масонством духа, который в действительности не хочет ни веры, ни души.

В нетрагического «бога» современной рыночной религии русский человек не может, конечно, верить. Прельститься, обольститься на время — да. Но глубоко, полной грудью тоски, верить так, как это делали те, кто своими страданиями и подвигами, кто своей кровью омыл родные просторы — так русский не будет верить. Отличие России от других еще и в том, что все *иноверные религии* думают посредством культа обрести земное счастье; для русского вера совсем в другом. Вера — самое серьезное, и поэтому легковесной быть не может. В России вера закаляется в горниле безверия, гонений, атеизма, войн и бед. Вера дает почувствовать русскому глубже трагический подвиг Христа, и понять, в чем истина жизни, в чем смысл страданий. Страдания в России освящены кровью Христовой.

Русский никогда не променяет легкое счастье земли на благодать небесного страдания. Русский знает истинную цену страданий и ни за что от них

не откажется. Страдания в России благословлены как наиболее искренний и честный путь, которым смертный может прийти к Богу.

Философия Отчего края препятствует насаждению всяческих *утопических идеологий* в России. Поскольку она приближается к раскрытию подлинной основы русской жизни, то равно отрицает и современный утопизм рыночного счастья, и коммунистический утопизм светлого будущего, и техногенный утопизм бесконечного прогресса, и экологический утопизм спасения планеты ...

Инициатором утопических иллюзий (так сложилось исторически) в России был «образованный класс» без русской души, чье мировоззрение основывалось на отвлеченных принципах гуманизма. Поскольку *интеллигентский идеал* никогда не совпадал с *русской наличной действительностью*, то всегда появлялось множество проектов модернизации и реформации России.

Философия Отчего края дает воочию увидеть *абсурд реформирования*, его бессмысленность и вредоносность. А это уже не мало; когда человек смотрит не *в будущее*, а *в сущее*, когда он соизмеряет свое бытие не с фантомом гуманизма, а с реальной трагичностью, когда он перестает жить в выдуманном мире, то его жизнь (и политика) будут наиболее правдоподобны. Тогда он сможет стяжать истинное благо пребывания в этом конечном мире, которое не равно протестантскому рыночному комфорту. Философия Отчего помогает увидеть, что смысл не в счастье, а в Правде.

Одной из главных ценностей нравственной жизни является земля. Это настолько сущностное понятие, что для его постижения требуется напряженная работа и ума, и духа, и совести. Философия Отчего края показывает нравственную ценность земли. Сейчас это, крайне важно, когда земля стала центром бессовестных политических интриг.

Земля понятие духовное не в меньшей степени, чем материальное. Именно в земле концентрируются наиболее значимые смыслы бытия человека. Путь к Небу лежит через землю. Земля хранит в себе неисчерпаемую тайну природы. Прикосновение к земле — приобщение к первородной стихии бытия. Во многом Земля и Бытие духовные синонимы.

Почувствовать остро землю, что «в ней содержится мелкий прах чужих гробов» (А. Платонов), значит исполниться священного трепета и долга перед ней. То есть понять свое Отечество и полюбить его. Научиться в земле видеть не только материю и материал для пропитания плоти, но и священный прах в святую вечность ушедших поколений, ставший духовной материей для светлого бытия живущих. Земля нужна для хождения по ней, для созерцания и созревания, для удивления бескрайностью, и для испуга бездонностью. Степь и поле, лес и река, почва и воздух, то есть то, что наука называет ставшим уже бездушным словом «природа», есть дар земли. Не только экономика владеет землей, но и поэзия, религия, философия. То есть то, что не прагматично и не рентабельно.

Будет здорова земля — будет свет и смысл, будет радость и праздник. Не безумное шоу не знающих ни земли, ни неба, а истинный праздник, который есть праздник плодородия и материального и духовного. Нынешние споры о духовности — во многом споры о земле, о понимании ее смысла.

Многие сейчас не понимают, что земля не только сфера экономики, даже сельского хозяйства. Сейчас пренебрегают духовным смыслом земли.

Так думают, что земля — «крестьянский удел». Земля — универсальная национальная ценность, и если она будет больна (то есть в чужих руках), погибнет не только деревня, погибнет народ.

Чтобы сохранить свою землю, нужно видеть ее духовное зерно. Философия Отчего края обнаруживает духовное измерение земли.

Бытие России — трагический эсхатологический крест — таков общий вывод отечественного любомудрия, кровью выстрадавшего эту горькую истину. Аскетическое самостояние в горе мира — таков духовный смысл русской идеи. Навязывание счастья — хитрый выверт пресытившихся, пытающихся сбить русского человека с того пути, который не нами сегодняшними проложен. Философия Отчего края раскрывает духовный подвиг ушедших поколений. Тем самым оказывается возможным в прошлом обрести те жизненные смыслы, которых сегодня так недостает соотечественникам.

Трагедия человека в том, что при всем глубоко искреннем почитании своей родной земли, он все же является предателем Отчего края. Истинный патриот тот, кто чувствует свое предательство, свой бытийный разрыв с родною почвой и скорбит от этого. Изменяет человек Родине не в силу особого злого умысла, а по своей испорченной нравственной сути. Жало Каина глубоко вошло в душу смертного и ядом зависти, порождающего стремление к счастливой жизни, отравило ее. Но не навечно. Как раз Отчий край и есть духовное целительство от язвы своекорыстия. Родина — это там, где хорошо человеку, но не в коем случае не обратное. Родина бескорыстно дарует благодать душевного успокоения. Только на родной почве исчезает «инстинкт самосохранения», порождающий вражду, конкуренцию, борьбу, то есть прогресс, цивилизацию. Поэтому человек в долгу у Родины извечно. Он всегда уже виновен перед ней и ему нечем расплатиться, никаким подвигом ему не искупить свою вину окончательно. Поэтому подвиг — это то, что повторяется из поколения в поколения, это то, чему придается статус особой святости. Каждое поколение должно совершить подвиг, и если оно уже не способно сделать это, тогда оно гибнет.

Гоголь дал точнейшую характеристику *чужой земле*: «Там все не так: и люди не те, и церковей Христовых нет...». Понять в чем смысл своего, родного нельзя рационально. Если нации понимать только умом, то они как будто все одинаковы: одни и те же потребности и т.д. Здесь коренится идеология обезличивания культурно-исторического своеобразия разных народов в угоду ценностям только одного западного мира. И научить нельзя национальному; его нужно сверхчувственно переживать и духовно ощущать, как говорит Гоголь — *там все не так*. Это интуитивное знание, дающее благодать соучастия в Бытии своего народа. Если оно утрачивается, тогда презрение к родному и рывок на Запад. Выпадая из национального, человек не попадает в общечеловеческое, он проваливается в «культурную пустоту», которая уничтожает его во всех смыслах.

Если Родину нельзя понять, то ее можно любить. Философия Отчего края учит любви (при всей противоречивости выражения, но еще бл. Августин говорил, что мы познаем настолько, насколько любим, а не наоборот). В рациональном смысле научить любви нельзя; философия Отчего края предполагает научение в качестве *деятельного созерцания* и *ответчивого предстояния*. Если она сможет раскрыть духовный смысл Отечества в подлинном виде, то простое самостояние человека в нем способно будет пробу-

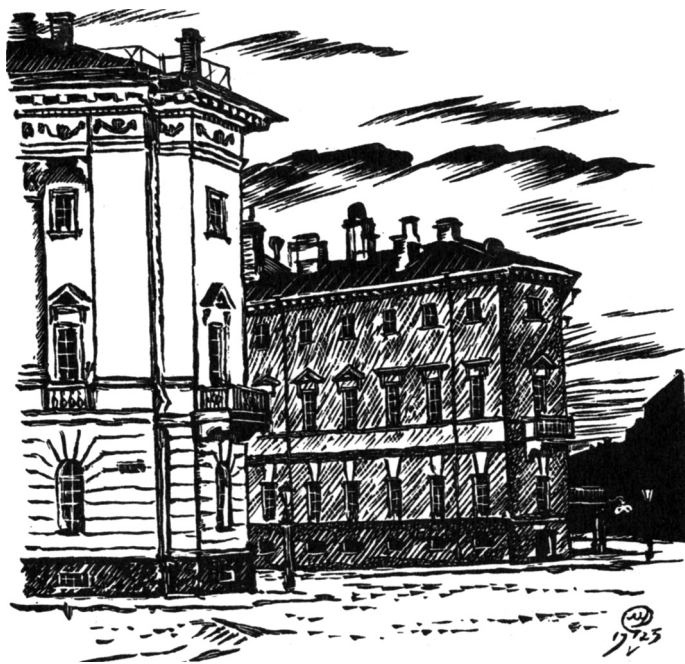
дять в душе «родные архетипы», зов отчей совести. И если это происходит, тогда человек может насыщаться уже и рациональным знанием из истории, географии, литературы. Но первична любовь, остальное прилагается.

Отчий край — та крепь нации, которая дает силу и радость, но только тем, кто искренне «причастился» ее благотворной сути. Не существует рациональной методологии постижения истины, которой жив народ. Здесь большая трудность, и прежде всего, конечно, для педагогики. И сейчас наше образование находится в наисильнейшем духовном и интеллектуальном смятении. Введение в образовательный процесс не современных инновационных технологий а курса «философии Отчего края» принесет реальную пользу.

Философия Отчего Края раскрывает неизясынно далекую даль времени, куда ни исторически, ни археологически проникнуть нельзя. Постигание духовных первооснов жизни, которые проявились во многих поколениях соотечественников, выявляет реальную связь времен, которая крепится не просто чередой смены поколений, а вечными смыслами и ценностями Отчего края.

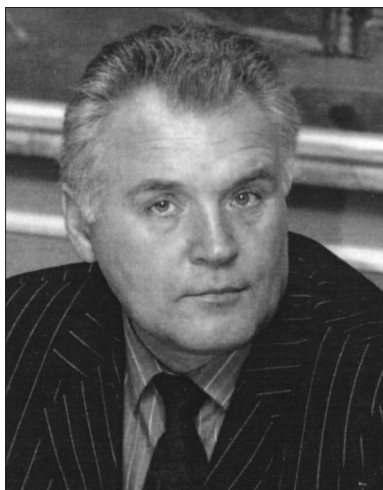
Отчий край — понятие и географическое, и историческое и философское. Национальное, народное понятие, одно из тех, с каким мы должны выстоять (и выстоим) в этом мире.

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

Рисунки Добужинского

Великая ПРОВИНЦИЯ

**Валерий
СДОБНЯКОВ**

И ПРОСТО — ЖИТЬ

Валерий Викторович Сдобняков — родился в 1957 году в Красноярском крае, на станции Решеты. Прозаик, публицист. Лауреат литературных премий имени М. Горького, имени Города (Н. Новгород), лауреат волгоградского фестиваля православных СМИ им. Александра Невского. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Живет в Нижнем Новгороде.

Все началось с того, что по случаю получения звания «Заслуженного художника РФ» пригласил нас с Владимиром Заной к себе в мастерскую скульптор Виктор Пурихов. Накрыл посередине просторного помещения хороший стол, выставил водку и мы за рюмочкой и закуской размякли душой, разговорились о прожитом, о прошлом, размечтались о будущем. Вот тут-то и возникла эта заманчивая и, казалось, что легко осуществимая идея — по весне обязательно всем вместе съездим к каждому в его «деревенское убежище». Потому что за столом всякий «кулик» свое «болото» расхваливал без удержу, с неподдельным, искренним восторгом. И ведь никого не упрекнешь за хвастовство. Действительно, места вокруг Нижнего Новгорода чудесные, красоты сказочной. Вот художник Владимир Иванович Заной обосновался на вершине высокого холма в Васильсурске. Стоит городок на правом высоком берегу Волги. Рядом впадает в Волгу река Сура. А вид с холма на заволжскую тайгу открывается необозримый, бесконечный. И какие замечательные пейзажи написал у своего дома Владимир Иванович, на какие сюжеты для своих картин вдохновился он, озирая окрест сказочные, былинные просторы.

Виктор Иванович Пурихов житель равнинной, почти степной части Нижегородчины. В отличие от нас, его дом в Бутурлинском районе, на реке Пьяне не вновь приобретенный, а родовой, исконный, доставшийся супруге по наследству от родителей. Да и сам Виктор Иванович из села по соседству. Потому и летнюю мастерскую он около него выстроил основательно, чтоб работать не в спешке, а укорененно, вдумчиво. И опять же, нет ничего случайного в

том, что стал он замечательным скульптором. Потому что родился в селе Борнуково, работал на художественно — камнерезной фабрике «Борнуковская пещера». Затем учеба и работа в мастерской народного художника РСФСР скульптора Павла Ивановича Гусева. Иными словами — за плечами основательная творческая школа и плюс врожденный, Богом данный талант. Убеждать нас особо в этом таланте нет никакой надобности. Вот они, его произведения, окружили наше застолье плотным кольцом. Большие скульптуры стоят на полу. Маленькие, коих множество, — на стеллажах вдоль стен. Тут и портреты, и жанровые композиции, и макеты уже установленных памятников. А вот у своей реки любит Виктор Иванович побродить со спиннингом, потаскать щучек. Ну, а если найдет хороший камень, непременно его запомнит и затем в свою мастерскую свезет, чтобы превратить бесформенную глыбу в портрет односельчанина, вырубить ли из нее стройный девичий стан, а то и фантазию какую сказочную явить миру, для всеобщего обозрения и восхищения.

Мой дом среди сидящих за столом оказался хоть и самым близким по расстоянию от города, но и самым северным, заволжским, лесным. Конечно, местность у нас посуровее, чем у правобережных. Даже первое весеннее тепло с запозданием приходит. Зато — с чем можно сравнить долгое хождение по лесам, вдоль тихих и нешироких речушек, у болот? А затем, утомившись, выйти на вольную поляну — чей-то старинный, обихожанный покос — усесться под могучей сосной, скинуть с натруженных ног сапоги и задремать под легкое шевеление леса и ласковое тепло солнца. Солнце посверкивает беспокойными бликами. Ветер в живую колышет ветки. Сквозь прикрытые веки ты это ощущаешь по-особенному, потусторонне. Оттого и засыпаешь неторопко, постепенно — будто нескоро уходишь в открывшуюся незнакомую даль. И вроде бы видишь уже только ее, а слышать продолжаешь знакомое похрустывание сосновых веток над головой, и таинственные солнечные блики ходят уже где-то внутри глаз, внутри тебя, твоего сознания. Когда же вновь очнешься, то непременно осознаешь, что солнышко уже близко к закату. За деревьями его и не видать. Но отдохнувший, бодрый встаешь с постели из мха, будто вновь рожденный, с освеженными не силами, а чувствами, и идешь к дому радостный, даже счастливый невесть от чего.

Вот так нахваливали мы во время застольной беседы каждый свое пристанище. И как, скажите, тут было не зародиться той идеи, что непременно у каждого следует побывать и все увидеть собственными глазами. На том и расстались. Дело было зимой. До весны и лета ой как еще далеко, казалось нам тогда.

Но что может быть быстротечнее сегодняшнего нашего времени.

Все мы перевалили за свой пятидесятилетний рубеж. У всех оно, время, уже меряется не минутами, часами или днями — неделями. Да и те пролетают так, что еле успеваешь осознать — еще один отрезок отпущенного тебе срока канул в лету. А что сделано? Что успел? Но та, зародившаяся в застолье мысль, для всех нас троих не оказалась бесследно потерянной. И весной, только вернувшись с охоты на уток, я о ней своим друзьям напомнил. Предложил — едем за Волгу. Но для Виктора Пурихова это время оказалось неудачным, был занят какой-то срочной работой. И тогда на

прежнее место моей охоты мы отправились с Владимиром Заногой. Благо, само место в определенном смысле уникальное. Это небольшой островок суши посреди на многие расстояния затопленного паводком леса. Мне уже приходилось не раз охотиться в этих местах. К сожалению, за последнее время они несколько изменились (благодаря стараниям работников МЧС) не в лучшую сторону. Но даже и в этих изменениях была своя доля положительного. Теперь вода была не только в выработанных торфяных карьерах, но вольно разлилась, покрыв собой и малые болотины, и озерки, и пойменные луговины. Словом — сплошная водная гладь, в которой отражается, к несчастью, и затопленный, но оттого и более прекрасный лес.

Вот в это удивительное место мы и отправились с Володией Заногой, оставив поездку в непосредственно мое лесное пристанище на потом. Я возвращался к кострищу, от которого уехал всего неделю назад, в хорошем настроении. Охота случилась удачной. Рыбалка тоже. Более того, я надеялся, что и в этот раз мы без улова не останемся. А, значит, друг мой разделит со мной мою радость. Увидит и то замечательное, что так вдохновляло и радовало меня самого. Подышит со мной одним воздухом, посидит у постеливающего угольками костра, попьет чаю из висящего над ним котелка.

* * *

В лес нас проводил мой старинный товарищ Вадим Семеряков. Он же предоставил в наше полное распоряжение свой маленький ботничек, чтобы мы могли свободно передвигаться по воде и не только при надобности вернуться на «большую землю», но и проверять поставленные вдоль леса специально для нашего прокорма сети. И пусть в этот раз уловы были, скажу честно, не ахти какие. Но все-таки они были, и уж совсем без рыбы мы не сидели.

С другой стороны — разве в рыбе счастье?

Первый вечер, осваиваясь с обстановкой, мы провели на берегу карьеров недалеко от деревни. Вадим, обустроив нас на острове, отбыл восвояси к себе домой на станцию Киселиха. А мы разожгли костерок, натаскали хворосту, разложили прихваченную из домов закуску и... засмотрелись — на весенний лес, на ровную безмятежную воду, даже на вид еще холодную, неприветливую, но оттого сказочно прозрачную, на начавшие пробиваться сквозь легкое голубое небесное марево звезды. Мог бы я сейчас напридумывать, о чем мы тогда с Владимиром говорили, но не буду этого делать. Потому что совсем это не важно. Конечно же, мы были несколько возбуждены, восторжены. Сказывалось то, что многое мы оцениваем и видим одинаково. Мы и раньше-то, когда засиживались за долгими разговорами у Заногой в мастерской, испытывали нечто наподобие этих чувств. Это шло еще от взаимной приязни, от дружеского отношения. Теперь же, под вольным вечеряющим небом, у костра, после немного выпитого, нам и вовсе было душевно хорошо. Это великое, невероятной цены чувство — единение душ.

Переночевав в доме у знакомого Вадима, на следующее утро отбыли на наш остров. Проверив по пути сети, мы вынули из них, бросив на дно ботничка, несколько линьков, карасей и плотвичек. Прибыв на место, разожгли добрый костер, приготовили нехитрый завтрак, напились чаю, и

Владимир в нетерпении отправился на этюды. Но куда, островок-то невелик — в любую сторону от костра не более тридцати шагов? Особенно, если художник такой, как Заного, привык писать пейзажи с просторными далями, с большим, глубоким небом. Гляжу, мой Владимир погрузтел. Покрутился-покрутился по островку, как собака, которая себя в лежанку на земле укладывает, вздохнул глубоко и уверенно направился к ботничку.

— Ты куда? — озабоченно спросил я.

— Пойду, поищу место, вид для работы, — не проронив в мой адрес и слова упрека (ведь это я его сюда затащил), смиренно промолвил Владимир, погрузил этюдник в ботничек, взял весло и смело оттолкнулся от берега.

Я остался один на острове, под березами в грустном ожидании. Мне так без моего товарища враз стало одиноко и тоскливо, что я невольно смотрел в его медленно уплывающую спину с надеждой — вдруг одумается и вернется. Мы бы опять заварили чайку, поговорили. Так нет же, ему бы все работать и работать.

Деревья быстро спрятали от меня художника. И мне ничего не оставалось делать, как заняться нашим невеликим хозяйством — набрать воды в котелок, сполоснуть сковородку после жареной рыбы, подтащить к костру дрова.

Еще только обустроивая свое охотничье место на острове, Вадим с сыновьями сколотил тут стол и две лавки. Вот одну из лавок я и подтащил поближе к костру, улегся на нее и стал смотреть на вдруг оказавшиеся так высоко от меня беспокойные вершины берез.

Вокруг была холодная вода, совсем недавно освободившаяся ото льда. От нее зябко тянуло холодом. Но тепло костра меня согревало, защищало. К тому же я потеплее укутался в свою «аляску», застегнул капюшон, и мне сделалось уютно. Я опять углубился в созерцание вершин берез. Беспокойные они были где-то высоко-высоко надо мной в чистом голубом небе. Под порывами ветра, которые здесь, внизу, совершенно не ощущались, они раскачивались, перебирали веточками и оттого вселяли в мою душу чувство обеспокоенности, почти тревоги. Отчего бы это? Может, от того, что я и не подозревал, будто эти деревья так высоки. Вот уже полдня я ходил между их стволов — тонких, обтянутых нежной белой кожицей — и не догадывался, что они столь высоки. Ведь раньше я смотрел вверх, на их вершины и все равно они не казались мне столь далекими. Но лег на лавку у костра, закрыл глаза, а когда открыл, то невольно ахнул. Как же непривычно высоки, удалены от меня, оказались вершины берез. Как неожиданно, вдруг это чувство будоражит во мне память, еще какие-то до конца непонятые мной движения души. Они и сладостны, и беспокойны одновременно.

Какое-то время этим нахлынувшим чувствам я невольно сопротивляюсь. Но незаметно, все больше и больше пускаю их в свое чувство, в свое сознание. Постепенно они овладевают мной и, оказывается, что это я просто хочу подумать о Владимире Заного, о его творчестве и... о своей жизни.

* * *

Личное наше знакомство состоялось по моей инициативе. Но еще до него я видел многие работы этого художника. Правда, не «живьем», а в репродукциях — на больших цветных плакатах — календарях. И уже тог-

да они меня беспокоило зацепили: «Небеса благословенные», «Дыхание вечности», «Спаси и сохрани», «Несение креста» — живописные работы удивительные, эмоционально и философски насыщенные, композиционно затягивающие в себя, поглощающие внимание зрителя.

Пройдет совсем немного времени и к этим календарям добавится книга, в которую уже отдельным художественным альбомом будут помещены более двух десятков репродукций с его картин — жанровых, пейзажей, натюрмортов, портретов. Вот тогда, после выхода в свет книги «Небеса обетованные» мы и познакомимся.

Конечно, подтолкнул меня к этому шагу определенный «корыстный» интерес. Дело в том, что начинался третий год издания альманаха «Вертикаль», а он все еще никак не мог приобрести своего узаконенного внешнего облика. В конце концов, я решил увеличить размеры издания до общепринятых размеров большинства литературных журналов, увеличить объем публикаций и разработать эксклюзивную для «Вертикали» узнаваемую обложку. По сути, альманах переходил в разряд журнала, и для него начиналась новая, не только литературная, но и общественная жизнь. И если с самим макетом, перевернувшись кучу книг и журналов, я, в конце концов, определился, то обложку мог подготовить только высококлассный дизайнер или художник. Тогда я и решил обратиться к Заногге, посчитав, что его картины могли бы быть украшением обновленного издания.

Вскоре представился подходящий случай. На одном из вечеров в музее А.С. Пушкина выступал со своей лекцией интереснейший наш философ, автор нескольких книг, доктор философских наук, профессор Владимир Александрович Кутырев. После лекции я подошел к профессору, познакомился и предложил сотрудничать с нашим журналом (в дальнейшем в «Вертикали» были опубликованы несколько работ философа). Одновременно со мной подошел к Кутыреву и Владимир Заногга. Так мы познакомимся, и я сразу высказал художнику свою просьбу относительно разработки новой обложки для журнала. Конечно же, ничего определенного он ответить мне тогда не мог, но это послужило поводом для дальнейших наших встреч. А надо сказать — встречи эти были замечательными. Я приходил к Владимиру в мастерскую на улицу Новую (бывшую в XIX веке окраинную улицу Нижнего Новгорода), поднимался на второй этаж (вернее даже, это была мансарда) старинного деревянного домика и окунался душой и телом в теплоту духовно и творчески напоенного пространства. Вдоль стен, в тесноте стояли рядами одетые в рамы картины, заботливо прикрытые хозяином холстами. Из угла под потолком, с темных иконных досок взирали на меня строгие лики святых, а сквозь застекленную часть крыши (низкий потолок для освобождения пространства был художником убран) заполнял мастерскую слабый свет серого зимнего дня.

К этому времени Владимир заканчивал работать за мольбертом. Он разогревал чай, ставил на старинный, изящной работы деревянный столик вазочку с яблочным вареньем, и мы начинали наши неспешные, долгие, обычно заканчивающиеся только ближе к полночи, разговоры. Вот тогда, в тиши мастерской, я и познакомился со многими полотнами художника, что называется, воочию. И душевное состояние от этих состоявшихся знакомств всегда было спокойно-возвышенным. Словно творчески-молитвенное бдение художника через созерцание картин входило и в мою душу, успокаивало

от житейских, творческих страстей и мое сердце. И ведь все эти картины я затем много раз видел на всевозможных выставках и форумах. Но никогда они не рождали во мне того первоначального трепетного чувства, что испытывал я в мастерской художника. Видимо, в этих больших и малых, но духовно «холодных» залах нарушалось то сакральное поле, та тончайшая мистическая связь, что делает зрителя и картину сопричастными друг с другом. Духовная пустота казенных залов плохо пропускала эти невидимые токи, исходящие от картины. Потому не каждая душа их и улавливала. Не всякий зритель был и настроен их уловить. И это объективно. Тут сетовать не на что. Но я-то испытал совсем другое чувство в мастерской художника и именно его берег, лелеял в своем сердце.

Вот картина «Спаси и сохрани». Под беспокойным, облачным, высоким небом на холме, окруженном глубокими рвами-оврагами, стоит окаймленный кремлевской стеной старинный град Нижний Новгород. Шумит где-то внизу большой, разросшийся новый город (художник его прорисовывает хоть и тщательно, но красками затемненными, приглушенными. Даже Волга с пароходами и баржами свинцово темна, как бы отстранена от главного действия, происходящего в картине). Но не над ним, а именно над Кремлем, над старинным Архангельским собором простерла свои ладони, незримо охраняя от всего злого и темного, Мать Бога нашего Пресвятая Богородица. Никому Она не зрима (Занога дает только Ее контуры, прорисовав их белилами — парящую над вечным, оберегающую это вечное), но всякое согретое верой сердце присутствие Ее, безусловно, ощущает.

Другая картина — «На рубеже тысячелетий» — это символ неиссякаемой борьбы добра со злом, света с тьмой. Над городом, данным широкой панорамой, над слиянием двух великих русских рек Оки и Волги в небесах происходит жестокая невидимая брань — поражает страшного темного змея своим копьём Георгий Победоносец. И опять город погружен во тьму — живет греховно, торопливо, суетно. Но живет. И только потому, что в вечной битве добра со злом, зло добром еще победимо. И когда это происходит, озаряются небеса легким бирюзовым живительным светом. И высота их, как на другой картине художника, названной «Пред небесной высотой», не сказанна. И кажется — старинный город, омываемый древними водами, такой крохотный на земле, весь устремлен своим вековым взором туда, в бесконечную жизнесодержащую высь.

Вообще, небо — это один из любимых сюжетов в картинах Владимира Заноги. Художник влюблен в простор, в вольность. Они — одно из необходимых условий существования его творчества. Практически, все крупные его работы — и те, о которых я уже сказал, и ряд других картин, таких как «Звон небес», «Звон колоколов», «Вечернее Заволжье», «Травы вечности», «Детство», «Дыхание вечности», «Небеса благословенные» и так далее, все названия просто невозможно перечислить, немыслимы без этой главной сюжетной и композиционной детали. Даже не так. Небу в его произведениях уготован образ, привносящий в картины основное духовно-философское наполнение. Еще одна отличительная черта живописи Заноги. Его произведения наполнены «вкусом жизни» и в этом их оптимистическое начало. Его букеты цветов, ветви с яблоками, рыбы, лежащие на зеленой траве, озерные кувшинки — все есть гимн жизни, гимн Творцу, создавшему ее.

Но с другой стороны, погружаясь в подобные ощущения и переживания, автор невольно приходит (и приводит за собой зрителя) к необходимости «спокойного» философского осмысления бытия. И если в первых, уже перечисленных мною картинах, он более прямолинеен, нетерпелив в утверждении своих убеждений, то в последующих работах этот внешний накал спадает. Зато пробуждается глубокое внутреннее сосредоточие. Именно поэтому картина, на которой изображен преподобный отец наш, святой батюшка Серафим Саровский, уже лишена внешних «раздражителей». Она сосредоточенно спокойна. И зрители это сразу почувствовали. Когда полотно было выставлено на всеобщее обозрение во время одной из православных ярмарок в павильоне Нижегородской ярмарки, то не случайно люди останавливались возле него, молились перед этим образом старца, прикладывались к картине, как к иконе. Потому что художнику удалось в ней передать вечно живущий в нас духовный вкус к жизни, его философское начало — которое, конечно же, не только в физическом потреблении, но, в первую очередь и превыше всего, в духовном.

Но я немного увлекся, нарушил последовательность, отойдя от главного сюжета моего повествования.

Так вот. Во время наших встреч мы обсуждали и сотрудничество художника с «Вертикалью». В конце концов, Владимир разработал эскиз обложки нашего журнала, а затем и многие репродукции с его картин стали настоящим украшением издания, той самой одежкой, по которой его стали узнавать читатели и критики. Конечно, если я скажу, что наши взаимоотношения были легки и безоблачны, то, бесспорно, погрешу против истины. Надо знать мой характер — вспыльчивый, нетерпеливый, от которого сам я страдаю больше, чем мои друзья. Но Владимир неизменно в таких «конфликтных» ситуациях проявлял твердость и сдержанность, чем просто обезоруживал и покорял меня. В наших взаимоотношениях он всегда оказывался выше и мудрее, чем сберег вначале и оберегает до сих пор нашу дружбу. Откуда все это в нем? Как образовалось, прижилось в его духовном мире?

Сын офицера-пограничника, начальника заставы. Родился на берегу реки Аракс, южном рубеже тогда Советской Армении. До шести лет колесил с родителями по заставам, пока не оказался в Нижнем Новгороде (тогда, конечно, Горьком). Рисовать стал с самого детства — везде, где придется, куда рука достанет. Видя все это, родные сначала удивлялись, а затем поняли, что не стоит это в мальчишке подавлять, и тогда сестра отвела Володю в художественную студию при Дворце культуры им. В.И. Ленина.

Это сейчас здание Дворца стоит в ужасающем состоянии — выбитые окна, разваливающиеся стены, порушенные лестницы. Тогда же, в шестидесятые годы двадцатого века, как его вспоминает Владимир, это был храм искусства. Великолепная, в богатых рамах живопись украшала стены, хрусталь, венецианское стекло, бронза, старинное оружие, вазы, скульптуры, книги, военные каски — вот чем были насыщены комнаты и залы Дворца. И это все было действительно так. Во-первых, мы с Владимиром почти одного возраста, и многое я видел собственными глазами. А во-вторых, мне доводилось разговаривать с бывшим директором Дворца им. В.И. Ленина, затем начальником областного управления культуры А.Г. Трухмановым. Было это уже в начале нынешнего века, и Анатолий Геннадьевич недоумевал и сетовал — куда по-

девались те многочисленные, более тысячи экземпляров, антикварные вещи и великолепные произведения искусства, которые в свое время, еще с открытия Дворца в 30-х годах были туда переданы из Эрмитажа, Русского музея и др. знаменитых художественных сокровищниц.

— Теперешние власти города говорят, что у них нет денег для ремонта Дворца. — Горячился Трухманов. — Да одних тех сокровищ было бы достаточно (реализуй их на аукционе) заново построить два таких здания.

Впрочем, это воспоминания — опять невольное отступление от главной темы.

Владимир же всегда вспоминает свою учебу в студии с неизменным теплым чувством, даже восхищением. А затем, что ж — в шестнадцать лет поступил в Горьковское художественное училище. Тут новые постижения, новая творческая аура, открылись новые художественные миры — реализм русской художественной школы, классицизм, импрессионизм. И хотелось, невольно, всему подражать, все пропустить через себя, все попробовать, примерить к своим способностям. Молодость — самое время для открытых поисков, для утверждения себя в этом мире, который не всегда, особенно для человека творческого, доброжелателен и радушен, не всегда готов твои пробы и ошибки принять и простить. Владимир все это сполна испытал на себе. Но так, постепенно, и вышел он на свою, одному ему предназначенную стезю. Несмотря на все увлечения «заморскими» изысками, милей ему оказалась иконопись наших предков. Еще до армии, начиная с 1973 г., Заного всерьез увлекся русской православной культурой. Он собирал иконы, старинные вещи русского обихода, быта. Все это не ради коллекционирования и накопления, а исходя из духовной потребности. Немного позже, уже с будущей своей супругой, замечательной художницей-акварелисткой Ниной Ждановой, в 1975 г. они совершают свое путешествие на русский север — в Соловецкий монастырь, затем в Кижы. Много работают, пишут этюды. Все это творчески и духовно наполняет художника, формирует основу его дальнейшего укрепления в открывшемся, приобретенном мировоззрении. Все это в дальнейшем, после службы в рядах Советской Армии, приведет его к закономерному итогу. Он окончательно осознает себя православным человеком и художником. Потому в 1990 г. уже осознанно крестится, а в 1991 г. под его кистью рождаются два полотна, глубоко мировоззренческих и в то же время этапных — «Георгий Победоносец» и «Русь распятая» (другое название «Русь православная»). У меня такое ощущение, что этими двумя картинами Заного как бы «сжигает мосты» в прошлое, отвергает возможные компромиссы с совестью. Особенно работой «Русь распятая». Это своего рода творческая исповедь. Сюжет картины непрост. Центр ее — распятие Христа. Но современное, на металлическом кресте, сваренном из швеллеров, а внизу, у подножия его, у подножия новой Голгофы пылает в огне русская земля. Вроде бы все гибнет, нет спасения. Но ведет к кресту своего сына молодой отец, указывая ему рукой на новое распятие пришедшего в современный жестокий мир Спасителя. И мы понимаем, что указывает он на истинное для человека: его жизнь и судьбу. Да, картина не проста для восприятия, сложна композиционно, эмоционально перегружена. Но, видимо, так было необходимо художнику. Так Владимир Заного утверждал свой незыблемый краеугольный камень под фундамент

своего искусства. Теперь сойди с него, отклонись в сторону, и всякий имеет право бросить тебе в лицо — трус и спекулянт. На чем играл — на наших чувствах, нервах, переживаниях? Конечно, это не так. Трусливые люди настолько перед зрителем своего сердца не обнажают. Они всегда нечто приберегают на потом, готовят пути к отступлению. Для них, хоть в живописи, хоть в литературе, духовные, нравственные принципы — это некая условность, игра, дающая возможность покрасоваться, подискутировать, но на самом же деле — совершенно не влияющая на их повседневную жизнь. Тем более, на жизнь в перспективе, на существование, предполагающее многие годы впереди. Иными словами — выгодно и я принимаю ваши условия, уж коль они все равно востребованы в обществе. Будет невыгодно — я с легкостью от них откажусь, забуду, отстраню от себя, как старую, отслужившую свой срок вещь. Но только истинно принявший в сердце новый для себя закон (хотя он и вечен, существовал всегда в поднебесном мире) может к своим картинам делать такие подписи-откровения, подписи-мечтания, подписи-пожелания, какие делает Владимир Заного. Честно признаюсь — я сразу же, с первого посещения мастерской художника обратил внимание на эти ровные листики бумаги, аккуратно прищипленные к стенам, на которых каллиграфическим почерком были выведены цитаты из трудов святых отцов, из книг Евангелий, из апостольских посланий и акафистов. Но были на этих листочках написаны и неизвестные мне стихотворные строки. Конечно же, я поинтересовался у хозяина — что это?

— Да это так, — последовал ответ художника, — не подумай, что стихи. Просто к некоторым, особо важным для меня картинам, у меня сами собой рождаются такие подписи. Хотя однажды на своей персональной выставке я их разместил под картинами, и они вызвали живой интерес у зрителей. Видимо, эмоционально подписи с изображенным на картинах совпадают и рожают в зрительском сознании какие-то особенные чувства. Может быть, делают более сопричастными к замыслу художника, моему замыслу. Во всяком случае, мне хотелось бы на это надеяться.

И тогда я уже с более основательным любопытством начал читать написанное на этих карточках. Конечно, все сейчас не упомянуть, но вот что сохранила с тех пор память.

*На рубеже эпох, столетий
Над миром вновь завис дракон.
Но с неба ветер, воин-ветер
Сметет греховности закон.*

*Лишь обратясь молитвой к небу,
Постами тело укрепив,
Мы обретем покой и веру,
Любви божественной прилив.*

*Ликует Свет и торжествует,
Георгий в Славе на коне,
Небесный звон благовествует
Победу Правды на земле.*

Это к картине «На рубеже тысячелетий». А вот к другому большому фундаментальному полотну «Христос и Пилат»:

*Свеча вселенская горит...
Пронзая Истиной земное,
Христос нас Светом озарит;
Пилат отравит вечной тьмою,
Он яд неверия хранит...
Свеча вселенская горит.*

И уж коль я вспомнил об этих строках, то как не сказать здесь, что именно это полотно просил оставить для себя покойный ныне митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов). До этого он дважды побывал в мастерской художника, принимал его и у себя в епархиальном управлении. Благословил написание картин «Несение креста» и «На рубеже тысячелетий». А картину «Ангел-хранитель» приобрел для себя (Это замечательная работа. На ней изображен старинный мужской монастырь, что расположен в центре Нижнего, на берегу Оки. Монастырский комплекс погружен в сон, но Соборы, братские корпуса охраняются парящим над ними в небесах светоносным ангелом с сияющим крестом в одной руке и карающим мечом в другой).

И уж чтоб совсем закончить религиозно-мировоззренческую тему в живописи Владимира Заного, скажу, что творчество художника полноценно востребовано зрителями и издателями. Репродукции его картин во множестве использованы на православных календарях, украшают обложки десятков журналов и книг, его выставки неизменно посещают многие любители живописи, его отдельные картины берут для выставления во время самых значительных культурно-просветительских форумах. Изображения их помещены и в художественных каталогах и альбомах. А совсем недавно часть его работ (картины «Ангел-хранитель», «Спаси и сохрани», «Русь православная», «Несение креста», «Пред небесной высотой», «На рубеже тысячелетий», «В.И. Даль в Нижнем Новгороде», «Дыхание вечности», «Георгий Всеволодович — основатель Нижнего Новгорода») были опубликованы вместе с другими знаменитыми русскими художниками (Павел Рыженко, Василий Нестеренко, Константин Васильев и др.) в замечательном, событийном альбоме «История России в картинах современных художников» (Москва, 2007 г.).

Уже прошло множество персональных выставок художника. О нем написаны статьи, сняты сюжеты на телевидении. Но что это по сравнению с теми замыслами, что ждут своего воплощения впереди.

* * *

Я опять посмотрел вверх на вершины берез. Они все также беспокойно шумели в голубой вышине, хотя день клонился к закату. Я давно перебрался с лавки у костра к столу, за которым написал довольно большую статью для газеты, а Владимир все еще никак не возвращался из своей водной одиссеи. Невероятно, как можно писать этюд в ботнике, от малейшего дуновения ветра по живому колышавшегося у тебя под ногами. А ведь еще и сам тяжеленный этюдник нужно как-то установить, приспособить к работе.

И тут мне невольно вспомнился случай, произошедший с одним моим приятелем год назад здесь же во время охоты. День клонился к вечеру, начался лет дичи и все мы, приплывшие на остров охотники отправились на ботниках по своим местам. У меня над водой, между трех берез, был сколочен настил. Вот на нем я и остался встречать вечернюю зорьку.

Если честно, то стрелять на охоте по пролетающей дичи далеко не всегда есть желание. Иногда хочется просто постоять в тишине, прислонившись спиной к дереву, подумать о чем-то своем, созерцая утасаживающий день, проходящие в небе облака, легкие лесные движения — падение веточки, перелет с дерева на дерево малой пичужки. В таких моментах для меня самым дорогим является чувство умиротворенного одиночества. Не опустошенного одиночества, что сродни ощущению брошенности и ненужности тебя самому миру, а именно одиночества умиротворенности, покойности. В этот вечер я стоял под еще не одевшимися в листву березами, смотрел на озеро, покрытое мелкой беспокойной волной, и каждой пролетающей мимо утке (кстати, всегда это было либо высоко, либо в стороне — выстрелом не достать, будто птицы понимали мое душевное состояние и не хотели искушать) желал благополучно миновать выплунутую из безжалостных охотничьих ружей раскаленную свинцовую дробь.

Стоял я так в одиночестве (даже ружья с плеча не сняв), невольно отмечая, что день уже почти угас и сумерки все плотнее опускаются на лес, озеро и виднеющийся невдалеке остров, как вдруг до моего слуха донеслись легкие звуки опускаемого в воду весла. Я пригляделся и увидел своего товарища. Он уже был недалеко от берега, когда заметил налетающих на него уток. Бросив весло, он вскочил, вскинул ружье и так, стоя в ботнике, выстрелил. Но я же рассказывал, что такое ботник. Лодчонка легка, маленькая и крайне неустойчивая. Отдачи от ружья и неосторожного движения было достаточно, чтобы мой товарищ, так необдуманно и самоуверенно поступивший, не удержав равновесия, перевернул ботничек и оказался в ледяной воде. Ладно, ружья не утопил. До острова ему пришлось брести пешком по грудь в холодной воде, волоча за собой перевернутый ботник. Вот такая и смешная, и невеселая история произошла однажды на нашем острове. Так что ботничек — лодочка коварная.

Но у Владимира, слава Богу, все обошлось. Ближе к закату он вернулся целым и невредимым. Правда, с несколько подпорченным настроением. Он действительно писал этюд, стоя в ботнике, прямо с воды, как-то «прижавшись» к березе. И этим «некомфортным» обстоятельством был несколько раздосадован, даже расстроен. Но этюд получился хорошим — стоящая в воде березовая роща, а посредине ее просека. И опять же голубое небо, облака, чайки — неизменный знак многих его картин и этюдов.

Напились чаю. У меня на сердце было хорошо, даже празднично. Будто долгожданный друг в гости приехал из далека-далека. Потому, пока Владимир перекусывал, я собрал на острове всякие веточки, подобрал их в костер для веселья и обратился к нему с вопросом.

— Ну, как?

— Зря мы сюда приехали. С воды писать невозможно, я, как только ни приспособлялся, а здесь на суше видов нет, нет перспективы, свободного воздуха.

Я расстроился. Ведь это была моя инициатива пригласить Занogu на остров. Что же получается, зря человека от работы оторвал?

— Да найду я тебе сейчас виды.

Уйдя от костра, я стал обходить остров по периметру, и тут обратил внимание на причаленный к берегу ботник. В лесу, среди деревьев, на воде с отблесками заката, стоит, уткнувшись носом в берег, лодка. Я позвал Володю.

— Смотри, как красиво. И в то же время чувство какое-то грустное рождает.

Володя неспешно, даже скептически подошел ко мне, посмотрел, затем так же неторопясь вернулся к костру за этюдником. Больше я его не отвлекал. Пусть пишет. Может быть, хоть малая доля моей вины с меня снимется.

Уплывали с острова уже в сумерках. Владимир был задумчив, я — молчалив. У хозяина дома, в котором ночевали, Владимир вынул из этюдника и поставил сушиться свои работы. Оба этюда были очень хороши. Но если в первом ощущалась некая стандартность положения, вида, то второй, с лодкой, был более оригинальным и душевно затрагивающим. Так мне показалось тогда, так же я его ощущал и среди других работ художника, уже показанных на разных выставках.

* * *

Вообще, пейзажи и натюрморты Владимира Заногy — это отдельная и очень большая часть его творчества. Написал он их за годы своей работы множество. И все это, конечно же, требует какой-то профессиональной оценки, профессионального осмысления. Я, к сожалению, не специалист в области живописи, но какие-то слова об этой стороне творчества Владимира сказать хочется. Все-таки многое пришлось видеть в качестве первого зрителя, наблюдать за созданием этих живописных произведений, участвовать в их обсуждении. Да и у меня самого в личной коллекции хранятся несколько этюдов, подаренных автором. Конечно, этюд, натюрморт или пейзаж — это не жанровая картина. У этих работ другие задачи. Они более созерцательны и обращены не столько к разуму зрителя, его интеллекту, сколько к более тонким духовным переживаниям, к эстетическому вкусу человека. Работая в классической традиции русской живописной школы, Занога и свои натюрморты, пейзажи пишет только вживую, перенося на картон красками не только красоту увиденного, но и состояние природы, состояние окружающего мира, свое ощущение его. Свое переживание и постижение этого мира.

Ведь чего греха таить — теперь сплошь и рядом художники, работающие на потребу обывателям, поступают очень просто. Они делают снимки на цифровую фотокамеру, а затем в мастерской, в тепле и удобстве с этого электронного изображения рисуют картинку. И у них получается в итоге не живописная работа, а перерисованная на холст или картон плохая безжизненная фотография. Вроде бы все красиво, технически неплохо, а то и безукоризненно, а жизни нет. Нет произведения искусства. Изображение и от фотографии ушло, и к живописи не пришло. Осталось холодным и бессодержательным.

Совсем по-другому относится к своему творчеству Владимир. На следующий день после того, когда мы еще раз сплавали на ботничке к нашему острову, а затем, вернувшись на «большую землю», расположились к дневному отдыху, Владимир вновь установил свой этюдник и начал писать пыльную, песчаную сельскую дорогу, поднимающуюся на бугорок, на котором стояло несколько старых, обтрепанных ветрами сосен. День выдался жарким. Будто время было не весеннее, а самый разгар лета. Походив по округе, повозившись в машине, я начал приставать к Заноге, торопя его с отъездом. Но Владимир был непреклонен. Под палящим солнцем он мазок за мазком наполнял этюд запахом разогретых трав, шорохом веток от колышавшего ветерком куста бузины. А еще в его работу неведомым мне образом вкрадывалось ощущение нашего исторического, русского прошлого. Этюд получался в своем внутреннем состоянии вневременным, затрагивающим вечные категории в душе зрителя. Затем эта работа также много раз выставлялась на выставках, и почти всегда особо отмечалась зрителями.

Искусствовед Екатерина Пухова, говоря вообще о творчестве Владимира Заногы, отмечала: «Главная тема сегодняшнего творчества художника — возрождение исторической памяти в современном человеке и возвращение к истокам его духовной культуры... Для В. Заногы не существует трагического разлада прошлого и настоящего, он удачно соединяет элементы древнерусской живописи с современной художественной системой. Образы, созданные художником, выступают в роли узнаваемой общекультурной русской символики, вызывают ассоциации с христианским миром, прошлым, настоящим и будущим».

Мне кажется, что это совершенно точно подмечено. Потому что даже в пейзажах духовный мир самого художника — истово православного человека — неизменно присутствует. А это уже показатель истинности таланта. Это уже не самовыражение себя в искусстве, а дополнение мира искусства своим духовным содержанием. Кстати, по этому внутреннему ощущению пейзажи Владимира перекликаются с замечательными «воздушными» акварелями его супруги Нины Ивановны Ждановой. Тончайший лирик, Нина Жданова привносит в свои произведения неповторимое обаяние, теплоту, я бы даже сказал — чувственность. Из ее акварелей свет «сочится» откуда-то из глубины. Он не сконцентрирован, он разлит внутри изображения, им насыщена художественная плоть акварелей Ждановой. Ее любимые сюжеты — цветы, цапли, природа. Все изображается задумчиво, неброско. Либо в сумерках затухающего дня, либо в слабых проблесках зарождающегося солнца. Акварели Нины, а я многие из них видел не только на выставках, но и в мастерской художника, пронизаны предчувствием, ожиданием. Они нежны и хрупки. Это первозданный мир гармонии, только что зародившейся из предчувствия.

Работы же Владимира Заногы — это уже совершенный, устоявшийся мир красоты. Уже все возможное свершено. Краски природы яркие, насыщенные. Это радость созерцания чуда, восторг от творения Божия.

* * *

Ну, что же, вот наша поездка и подошла к концу. Этюд с соснами описан. Немного устало загружая вещи в машину. Вижу, Владимир еще

полностью не отошел от только что завершенной работы. Он возбужден, разговорчив, глаза посверкивают. Я за него рад. Видно, поездка не оказалась пустой, не прошла даром. Теперь останется в памяти маленькой шкапулочкой, которую по мере надобности, когда придет черед работать над новой большой картиной, он может открыть и чем-то из сохраненного в ней воспользоваться.

— Ну, что, в обратный путь? — спрашиваю я, глядя на Владимира, тоже повеселев.

— С Богом, — кивает в ответ Занога.

Я поворачиваю ключ зажигания. Оживает двигатель. Трогаемся с места, и очень скоро, где-то сзади в Борских болотах и озерах, карьерах и перелесках теряется крохотная деревенька, а за ней широкая гладь воды и наш остров с высокими березами, так беспокойно шумящими своими вершинами.

* * *

Но, как оказалось, и Виктор Пурихов о своем обещании не забыл. Прошло несколько недель после нашего с Владимиром короткого путешествия, и Виктор Иванович вдруг тоже загорелся желанием осуществить задуманное зимой — свозить-таки нас на своей «Ниве» к реке Пьяне. Показать места начального вдохновения, детства, а теперь и удачливой рыбалки.

Весна к этому времени почти уступила свое первенство лету. Закончились разливы. Реки, еще напористые, полноводные, но уже успокоившиеся после шалого половодья, вновь вернулись в свои исконные, привычные берега. Солнце светило по-доброму, без утомляющей жары. Но зато как ожили под его теплом первые полевые цветы. Какой свежестью, жаждой жизни веяло от них. Как ласкали они взгляд сочностью первозданных красок. Ну, не праздник ли это для души? Разве в такую пору не тянет вновь вырваться за городские пределы, подышать вольным воздухом?

Конечно, и город весна не обошла стороной. И здесь молодая зелень травы, листвы на деревьях радовала взгляд. Да разве сравнишь ее с тем буйством жизни, которое вырвалось из-под земли по холмам, полям да лесным опушкам, проросло из малых семян, скрытых до времени от злых холодов в толще пожухлой травы. И вот теперь, по неведомому нам повелению, эта потаенная, сокрытая до времени жизнь проснулась, устремилась к солнцу.

Так что новые сборы были недолгими. На этот раз встречались у мастерской Владимира Заноги на улице Новой. Его груз традиционно оказался самым объемным и значительным — этюдник, картон для работы, сапоги, теплая одежда, припасы. К любому выезду из своего творческого убежища Владимир относится с максимально возможной тщательностью и основательностью, пытаясь предугадать все могущие произойти с ним во время путешествия напасти и быть в полной готовности к их преодолению с самым минимальным уроном для себя и своих спутников. Мы с Виктором в этом отношении люди менее прагматичные и почти беззаботные. Правда, он-то едет к себе домой, где, если что-то случится, то уж никак не пропадет. А я... ну, да ладно, чего уж теперь.

Пока машина мчится по еще окончательно не проснувшемуся, утреннему Казанскому шоссе, мы справа по ходу движения видим, как несколько раз праздничным серебром сверкнула своей широкой гладью Волга. Но вот сворачиваем в сторону Большого Мурашкина. Дорога утихает. Встречных машин почти нет. Наш разговор незаметно, сам собой переходит на темы творческие. Правда, если быть совсем точным, однажды подобная тема в нашем дорожном общении все-таки возникала. Случилось это в Кстове, когда проезжали мимо памятника Ленину, возвышавшемуся на центральной площади города. Автор этого бронзового монумента скульптор Павел Иванович Гусев, народный художник России, земляк и учитель Виктора Пурихова. Как и Виктор Иванович, только намного раньше, еще в самом начале тридцатых годов прошлого века, он начинал свой путь скульптора с учебы и работы в камнерезном цехе при Борнуковской артели по переработке гипса. Там, в селе Борнукове, на берегу Пьяны в образовавшейся природной пещере добывали гипс — мягкий белый камень, который оказался прекрасным материалом для изготовления из него фигурок зверей, небольших скульптур и еще множества всяких художественных поделок. В 1930 году камнерезный цех основал приехавший с Урала скульптор П.Л. Шальнов. Вот у него-то и стал прилежным учеником Павел Гусев, который впоследствии закончил Московское художественное училище им. М.И. Калинина, а после Великой Отечественной войны молодой скульптор отучился в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина Академии художеств СССР. Причем окончил это творческое учебное заведение с отличием.

Именно Павел Иванович заметил в мастерских одаренного и старательного паренька Витю Пурихова, настоял на его дальнейшей учебе, следил за его творческим ростом. Да и Виктор Иванович с неизменной благодарностью вспоминает о своем наставнике и учителе.

Вообще-то, Пурихов и сам человек удивительной творческой судьбы. Родившись в 1941 году все в том же селе Борнукове, он после окончания сельской школы пришел на камнерезную фабрику «Борнуковская пещера». Причем, очень быстро добился того, что начал работать самостоятельно, без наставников. После службы в армии, как безусловно одаренного камнереза, предприятие направит его учиться в Абрамцевское художественно-промышленное училище имени В.М. Васнецова. А вот после учебы Пурихов приедет уже в Горький, в мастерскую скульптора П.И. Гусева и проработает бок о бок с мастером несколько лет. Так что не все просто было в его судьбе. Талантом-то природа Виктора Ивановича наградила, но не случилось таких важных в его жизни встреч, не будь сам он столь упорен и работоспособен — не видать бы нам теперь заслуженного художника России. И многих памятников, скульптур тоже бы не видать. Конечно, было бы что-то другое — может быть, лучшее, может быть, худшее. Но ведь ценность любого художника, любого деятеля искусства именно в том, какой творческий мир вокруг себя он создает. В орбиту этого мира включается очень многое — общение со зрителями, общение с читателями, общение с коллегами. И именно эти миры образуют национальную атмосферу культуры, насыщают ее интеллектуальным, нравственным, эстетическим и духовным содержанием. И потому каждый из этих миров ценен и необходим для всех нас, для

нашего общества, для нашей истории и культуры. То, что делает, создает художник — это принадлежит не только ему, но всему человечеству.

Я помню, как впервые по приглашению скульптора пришел к нему в мастерскую. Как шагнул с заснеженной улицы (а дверь мастерской выходила прямо во двор стандартных пятиэтажных домов) в новый, неведомый мне доселе мир. Именно так — без всяких прихожих, коридоров, подготовительных топтаний у заветной двери. Нет, именно сразу и с полным погружением в иную сущность бытия, в пространство и время, содержащие иную оценку. И первое, что меня в этом новом пространстве встретило — белоснежная скульптура Александра Сергеевича Пушкина в полный рост. Поэт стоял, прислонившись спиной к невскому парапету и спокойно, задумчиво взирал на незнакомца, вдруг оказавшегося перед ним. Я помню, что тогда сразу подумал — наверно, души героев произведений, созданных скульптором, тоже должны витать, жить где-то здесь. Или, во всяком случае, навеваться в это пространство, заглядывать за эти стены. Когда же я отвел взгляд от задумчивого лица поэта, то в дальнем углу мастерской увидел другую большую скульптуру — Господа нашего Иисуса Христа. Пурихов назвал ее «Христос благословляющий». И действительно, на ладони левой руки Спасителя покоится держава — символ земной власти. Пальцы левой руки, которая поднята на уровне груди, сложены для благословения. Взгляд сосредоточенно-проницательный. Вот между двумя этими скульптурами и находился воплощенный в металле, камне, дереве, гипсе, глине, граните художественный мир, созданный Пуриховым. И это воистину символично. Разве русский художник может пройти свой путь, не обратившись к этим образам — краеугольным и основополагающим в нашей культурной и духовной жизни. Конечно же, это немыслимо, если иметь ввиду под художником не подельщика, работающего только ради денег на сегодняшнюю, на сиюминутную потребу маловзыскательной публики, а творца — совестливого воплотителя в жизнь того таланта, которым наделил его Господь, тех образов, что Он открыл ему для явления миру в вещественном, природном материале.

Большая мастерская была просто забита работами, созданными скульптором. Они плотно стояли на стеллажах, протянувшихся вдоль высоких стен. Большие скульптуры, вырубленные из дерева, отлитые в гипсе и еще только находящиеся в работе, в глине (плотно укутанные сырым целофаном), загромождали почти полностью остальное пространство мастерской.

Повторюсь, для меня это был новый, доселе неведомый, не пережитый и под себя не адаптированный мир. Он волновал, тянул к себе, но и непонятно отчего настораживал.

Вообще-то, подобные чувства я испытываю почти всегда, когда попадаю в мастерские к настоящим, талантливым художникам. В них ощущаешь присутствие неких сил, существование которых невозможно объяснить разумом. Но душа ощущает их, откликается на них особым трепетом, волнением. В мастерских, где художники работают в современной технике изображения пространства, на выставках, где их полотна экспонируются, этого со мной не происходит. Видимо, только эстетических и интеллектуальных изысков для того, чтобы затронуть самые потаенные чувства зрителя, все-таки мало. Для того, чтобы на твое творение он, зритель, искренне и глубоко отклик-

нулся, видимо, в свою работу, в свой труд, в свое творчество необходимо вложить еще некую тайну, которая величается талантом и вдохновением.

Виктор Пурихов работал и работает в традициях русской классической школы, без всяких, так модных сейчас, авангардистских изысков и «штучек». Потому и добивается в своих скульптурах глубокой выразительности. Потому они так содержательны и проникновенны.

Уже потом, намного позже, мне довелось прочитать у одного из нижегородских искусствоведов такую оценку его работ: «Виктор Иванович Пурихов — достаточно редкое явление в нашей художественной жизни. И скульпторов у нас не так много, как живописцев и графиков... А между тем искусство скульптуры — одно из древнейших великих искусств... Но не простое воспроизведение натуры является целью скульптора. Пурихов ставит перед собой задачи высокого образного порядка: во внешнем раскрыть внутреннее». И верно — творчество истинного художника несет в себе нечто индивидуальное и сокровенное, что, собственно, и является не всегда объяснимым, но очень притягательным для нас, зрителей, эстетических потребителей его труда.

В то свое первое посещение мастерской я долго рассматривал работы Виктора. Ходил от скульптуры к скульптуре. К каким-то возвращался вновь. Но одна работа Пурихова уже тогда особенно взволновала, «зацепила» меня. И потом, когда доводилось попадать в его «святыя святых», я опять зачарованно останавливался около этой небольшой, выполненной в дереве скульптуры матери Виктора Ивановича — пожилой крестьянки. Всю ее нелегкую жизнь эта скульптурная работа вместила в себя. Все автор смог передать, выразить в ней. А ведь сколько выпало всего на долю этой русской женщины, сколько пришлось пережить, вынести. И каким чудом, каким непостижимым умением скульптору удалось, очень экономно используя внешние выразительные средства, донести до зрителя всю историю этой непростой жизни, всю тяжесть нелегкого крестьянского труда, что прошел непрерывно сквозь всю ее жизнь, но, одновременно, и безмерной любви, скопившейся в ее сердце за все эти тяжелые годы, для меня остается тайной неразгаданной, непостижимой. Только я понимал — передо мной образ насыщенный глубокой, не показной, а искренней человеческой любовью, человеческой добротой. Женщина стоит, одетая в грубую, поношенную рабочую деревенскую одежду, прижав к груди левую руку и всматриваясь с печалью вдаль. Сколько волнения и тревоги несет в себе этот образ.

По моей просьбе Виктор рассказал тогда, как появилась скульптура.

— Каждый раз, когда я приезжал в родной дом, в село, а затем опять уезжал на учебу или работу, мама выходила меня провожать далеко в поле. И пока я шел, то все оглядывался и видел, что мама не уходит, а стоит вот так же, как я ее вырубил в дереве, прижав руку к груди, и провожает меня взглядом, пока я не скроюсь из вида. Так ее образ и запечатлелся в моей памяти. Еще при жизни мамы я думал над этой работой. А затем, когда ее не стало, воплотил все задуманное в этой скульптуре.

Но в мастерской я разглядывал и много других интереснейших работ. Например, небольшую скульптуру Иисуса Христа, выполненную из белого камня. Спаситель утомленно идет по пустыне. На лице отражена глубокая задумчивость, отражено погружение в себя. На Христе одежды, спускаю-

щиеся с плеч до самой земли. И лишь чуть уловимые ее складки передают эффект движения, указывают расположение рук — на груди и вдоль тела. И опять удивительно экономными средствами, всего несколькими деталями скульптор точно и глубоко передает внутреннее состояние своего героя. Нет ничего лишнего. Только грубый белый камень, по которому, как на вершину горы, поднимается Спаситель. Эта скульптура не так эмоциональна, как портрет матери. Она более философична, но потрясает зрителя ничуть не меньше первой.

Вообще, тема православия близка и понятна Виктору Пурихову. Думаю, тут срабатывают вековые корни, коими врос он в нашу русскую землю, в крестьянскую жизнь. Об этом говорит и то, как много работ ей посвящено — портреты земляков, макеты неосуществленных скульптурных композиций.

А еще в мастерской есть большой скульптурный бюст императора Николая II, проект памятника князю Юрию Всеволодовичу. Изображен князь на коне, в кольчуге и воинских доспехах. В левой руке он держит святую хоругвь, высоко подняв ее над головой, а в правой — опущенный, но в любой момент готовый к бою за Святую Русь, вынутый из ножен меч. (Кстати, пройдет не так уж и много времени, когда памятник основателю Нижнего Новгорода будет установлен. Автором его, хотя скульптурная композиция будет совершенно иной, окажется Виктор Иванович. Видимо, святой уже тогда выбрал его себе в скульпторы.) Но центральное место в мастерской занимал большой, вылепленный в глине памятник святой равноапостольной Нине, просветительнице в христианстве грузинских земель. Памятник около двух метров высотой. Святая держит в руке, как она и изображается на иконах, крест, составленный из двух ветвей виноградной лозы, связанных между собой косой, которую для этого святая отстригла у себя. Очень сильное, «живое» остается впечатление от этой работы. Как бы такой памятник украсил любую соборную площадь в нашем городе! Да разве только он. Но это уже другая тема, которой я еще обязательно коснусь в очерке. Спустя год небольшой макет памятника святой Нины Виктор подарит мне. Теперь он стоит в моем рабочем кабинете. Даже эти строки я пишу под благословляющим крестом святой. А вообще, Виктором поставлено немало памятников у нас в Нижнем Новгороде и в области. Это бюст маршала Рокоссовского, бюст композитора Балакирева, памятник Герою Советского Союза Евгению Никонову. В Заволжье установлен памятник Юрию Гагарину его работы. А в старинном Городце — памятник святому благоверному князю Александру Невскому. Произведения Виктора Ивановича Пурихова хранятся во многих музеях России, в частных коллекциях за рубежом.

* * *

Но что-то я уж слишком далеко отвлекся от нашего нынешнего путешествия. Конечно, дорога не близкая. Сидящие на передних сидениях Пурихов и Заного болтают без умолку — да все о чем-то своем, мне не очень близком. Ну, действительно, какая мне разница, кто из скульпторов, в каком колхозе соорудил «шабашный» памятник Ленину или бюст знаменитому революционеру, а какой художник какой сельский клуб изукрасил. Помню,

с одним таким деятелем я случайно столкнулся в районной гостинице Большого Болдина. Представился он «работником культуры» и убежал по своим «коммерческим» делам — вышибать из председателей колхозов очередные «творческие» заказы, соблазняя и развращая их обещанием мзды. Все это скучно и не интересно.

За окном нашей машины небо посерело, потяжелело. Быстрей бы добраться до места назначения. Да и долго длящиеся разговоры о прокормном «сельском искусстве» в наших сердцах никаких особых чувств не вызвали. Потому тема эта в разговоре впереди сидящих сама собой поутихла, истощилась. И лишь когда дорога пролегла сквозь только что вспаханные поля, жирно поблескивающие отвалами чернозема, мы вновь принялись делиться впечатлениями от увиденного.

В районный центр Бутурлино въехали ближе к обеду. Оставив машину на обочине центральной площади, направились в местный краеведческий музей, где у Пурихова в эти дни проходила юбилейная персональная выставка. Но старинный купеческий дом, в залах которого и разместил свои экспозиции музей, по случаю выходного дня оказался закрытым. Подергав за ручки запертые двери, посокрушавшись и посожалев, что не увидим выставки друга, мы еще совершили пешую прогулку по центру поселка (церковь, памятник павшим в Великой войне, памятник Ленину), закупили недостающие продукты в местном магазинчике, и отправились дальше в путь — уже недолгий. К тому же нетерпение моих спутников, их желание побыстрее добраться до места назначения было явным. Хотя, признаюсь, я с некоторым удивлением спрашивал себя — куда так торопимся? Когда же Виктор вновь остановил машину на вершине одного из холмов и мы, выйдя из нее, ахнули от открывшегося перед нами простора, воли, раздолья, то Владимир Заного и до этого-то все увиденное во время поездки воспринимавший крайне восторженно и эмоционально, тут и вовсе не выдержал и заговорил, что называется, «высоким штилем». Пурихов несколько снисходительно, по хозяйски его восторги поддерживал. Я в это время определенно понял, почему торопятся мои спутники. Художнику не терпится поскорее начать писать этюды, скульптору — взять спринг и отправиться бродить по берегу Пьяны. Меня же, вольного созерцателя, никакая вдохновенная творческая забота или нетерпеливый добыческий азарт вперед не гнали. И предвкушал я только одно — доброе общение с моими друзьями да открытие для себя новых, до сей поры неведомых мест. Потому внутренне все больше замыкался, невольно сосредотачивался, приготовляясь впитывать в себя, заполнять неведомые внутренние кладовые новыми впечатлениями и переживаниями. И должны они были лечь, что называется, на чистый лист — не помятый и не почерканный необязательными, поверхностными впечатлениями.

Дом Пурихова оказался стоящим тоже на вершине взгорка. И был он один из немногих, пока еще уцелевших, не снесенных домов по старой сельской улице. Всю когда-то большую деревенскую улицу снесли не потому, что жить на ней стало некому. Нет. Виной оказался щебень, который нашли в недрах холма, на котором на свою погибель и стояла деревня. Щебень начали добывать для строительства дорог, а на людские заботы как всегда наплевали. Конечно, выплатили людям какую-то компенсацию за утерянное

жилые. Но что значит бросать вековечно обжитое место и вновь обустриваться на чужой, незнакомой, не согретой жизнями многих поколений земле. Виктор Иванович еще до поездки рассказывал нам, что пытался с этой вопиющей несправедливостью бороться, ходил по высоким инстанциям, стучался во властные кабинеты, доказывал, что нельзя запросто уничтожать поселение, века назад основанное нашими предками. Камень можно найти и в другом месте, а вот так просто создать новую деревню не получится. Нужны столетия, чтобы земля и люди, на ней поселившиеся, почувствовали свою кровную связь друг с другом, сроднились. Не одно поколение должно родиться, прожить на этой земле, потрудиться, пережить радости и печали, наконец, опять уйти в нее, матушку-землю, прежде чем она приобретет свое мистическое предназначение в жизни новых поколений, в истории страны в целом. Но все оказалось тщетно. Все усилия были напрасными. Жуткая психология временщиков вот уже сколько десятилетий терзает Россию, которая для них и не живая земля вовсе, не «матушка», а некая безликая производственная территория. Которая для «высоких умов» то вдруг становится неперспективной, то надумывают огромные ее пространства затапливать искусственными водохранилищами. Теперь вот и вовсе срыдают, как некий ненужный, лишний хлам, тем самым безжалостно уничтожая русское пространство, за счет которого только и существует великое государство.

Объясняли Виктору в разных чиновничьих кабинетах, что, мол, дороги нужны для сельской местности. При этом подразумевали — какой ты недалекий, не можешь мыслить масштабно, с перспективой. А на проверку временем оказалось, что именно Пурихов думал и о перспективе, и о масштабе. Ведь для людей они в первую очередь должны быть необходимы — эти вновь выстроенные дороги. А если именно людей так безжалостно, по-варварски сгоняют с веками обжитых мест, то кто же тогда будет ездить по этим новым дорогам. Куда они приведут — в бескрайнюю и мертвую, не обжитую или брошенную равнину. Ведь те, кто получили компенсацию за порушенные дома, почти все из деревни уехали, оставили землю своих предков.

Вообще, у меня складывается такое впечатление, что тело исконной России сознательно, без всяких войн и национальных конфликтов, без политического шума и социальных потрясений начинают разрывать на части и готовить для враждебного заселения. И здесь нет никакого преувеличения. В самых центральных областях, на Волге уже во многие места просто невозможно добраться. Перестали работать переправы, ходить по реке «Метеоры», осуществлявшие сообщение между небольшими поселками и городами, прекратилось строительство мостов. В этих условиях также многие были вынуждены бросить обжитые места. И теперь зарастают березняком поля, рушатся выстроенные когда-то фермы, распадаются в прах покинутые дома. Но брошенная земля не может долго быть ничейной. Ведь потому наши предки освоили великие пространства, образовали Империю, потому что строили на новых и вновь открытых землях поселения, начинали на этих землях жить, начинали их обрабатывать и, естественно, защищать. Только тогда обретенная и веками усвоенная между людьми и землей мистическая связь делала ее, землю, незыблемо принадлежащей какому-то народу.

Оскверненной же земля не может находиться долго. Она начинает отстаивать свои права. И потому на нее обязательно придут другие хозяева, которые землю вновь заселят, вернут ее к жизни. Таков извечный закон, существующий не по нашей воле. Этот закон дан свыше. Земля должна быть заселена, иначе ее не удержать. А мы теперь у себя в самом центре страны, буквально у ее сердца, все образуем и образуем страшные безжизненные пустоты, как раковые опухоли. И даже боимся подумать, предположить, к чему все это в итоге может привести.

Пока я и Заного, бродя вдоль порушенной деревенской улицы и по краю глубокого карьера, говорили обо всем этом, наш хозяин, не теряя времени даром, накрыл нехитрый обеденный стол, приготовил все необходимые снасти для рыбалки и нетерпеливо покликнул нас назад к дому. Мы не заставили себя долго ждать.

И вот опять дорога. На этот раз короткая. А на машине — и вовсе почти незаметная. Я и Виктор берем удочки, спиннинг, надувную лодку. Владимир закидывает на плечо широкий брезентовый ремень этюдника. Вместе дружно спускаемся к реке.

Прямо скажу — не велика река Пьяна. Но и не мала. Воды свои она несет с достоинством, напористо. И пусть они еще по-весеннему темны, мутны. Но и через них видно, как выются под напором воды у берега коричневые плети прошлогодней осоки.

Я ухожу один под высокий склон. Встаю со своими удочками между двух старых ветел. Здесь оказалось удобно стоять и забрасывать леску. Да и клевало, как потом оказалось, хорошо, размеренно. Правда, мелочь, но разве я приехал сюда ради добычи? Нет, конечно. Тогда ради чего?

* * *

Мой отец родом из соседнего Гагинского района, села Утка. Как-то, отвозя нас с сестрой на лето к бабушке, он показал рукой на переезжаемую нами по мосту реку и назвал ее странным, даже смешным, именем — Пьяна. С тех пор это название врезалось мне в память и вот живет в нем почти пятьдесят лет. Нет уже в живых отца. Да и в моей жизни много всего произошло, изменилось, открылось. Но непонятная, необъяснимая связь всегда существовала в моем сознании между отцом и этой рекой. Может быть, виной тому та далекая, незамутненная детская память. Или рассказы отца уже о своем детстве, о юности и молодости. Когда из далекой Сибири приезжал он в родные места и из районного центра, переходя по мосту Пьяну, шел к себе в село многие километры. Я стоял на берегу реки, которая знала, совсем юным, моего отца, и оттого сердце в груди то замирало, то сладостно начинало ныть. Я понимал, что и мое начало тоже где-то здесь, на этих берегах.

А свое игривое название река, видимо, получила из-за того, что русло свое с великим трудом пробил по степным и равнинным землям юга Нижегородской области, невероятно петляя, образуя всевозможные заводи, старицы, почти параллельно своему руслу возвращаясь на многие десятки километров назад. В топонимическом словаре о реке написано так: «название получила за чрезвычайно извилистое русло, по которому она направля-

ется то вперед, то вбок, то назад». Павел Иванович Мельников-Печерский в романе «На горах» так описывает реку Пьяну: «Штатается, ломается во все стороны, ровно хмельная баба, и, пройдя верст пятьсот закрутасами да изворотами, подбегает к своему истоку и чуть не возле него в Суру вливается». И действительно — верховье и низовье реки находятся друг от друга на расстоянии всего тридцати километров. Ну, не диво ли?

Впрочем, это все «историческая» наука, краеведения-изыскания да измышления. Мне же вспоминаются абсолютно реальные рассказы отца, как в военное детство всей большой семьей, глава которой, как и положено тогда быть русскому крестьянину, воевал на фронтах Великой Отечественной, выживали за счет того, что собирали в лесу да на лугах. Матушка-земля кормила, а не «сельскохозяйственное производство». Потому от этого производства, только чуть детишки подросли, разъехались они, разлетелись, будто птенцы из родительского гнезда, в разные стороны необъятной Империи. И можно ли их за это осуждать? Был ли у них, моих теток и дядек другой путь, другой способ выжить, выучиться, создать свои полнокровные семьи, нарожать детей, чтобы продолжился во времени, в истории коренной русский род? Нет у меня простого и однозначного ответа на эти, задаваемые самому себе вопросы. Потому и не в праве тут кого-то судить.

Окончив после войны семилетку, и мой отец выпорхнул из родительского гнезда, ушел «в люди». Вернее, уехал в Сибирь, на строительство железной дороги Абакан-Тайшет. Оттуда ушел служить в Советскую Армию. Оказался на Сахалине. Демобилизовавшись, опять остался работать в Сибири. Заочно закончил институт. Нет, удивительное это все-таки было поколение — настойчивое, целеустремленное, трудолюбивое, преданное своей стране. Конечно, несколько «задавленное» в идеологическом плане, но нравственно все-таки оставшееся чистым. Многовековые традиции православной морали в них оказались непоколебимыми. И тут нет преувеличения или моего желания подыграть сегодняшней моде на «патриотизм».

Я вспоминаю свои приезды с отцом к нему на родину. Дед мой еще с фронтовых лет был коммунистом. Отец вступил в партию во время службы в армии. Причем, к религии относился пренебрежительно — воспитан был в школе по этому идеологическому вопросу в самые воинствующие боготворческие годы. Но в уткинском доме, в красном углу стояли на божнице иконы, перед которыми всегда на ночь зажигалась лампадка. И никто — ни дедушка, ни отец и подумать не смели, чтобы ее загасить, а лики святых убрать. Это было свое, родное. Вот именно это разделение — поддержка общественной, отстраненной от личного, борьбы с «опиумом для народа» и оберегание подлинно своего, коренного — в поколении отца явно прослеживается, обнаруживается.

То же было, по рассказам Заного, и в семье Владимира. Ведь не выбросил же его отец собранные сыном иконы, а сохранил, приберег, хотя и убрал долой от посторонних глаз. Да, наверняка, то же самое было и у Виктора Пурихова. Да и еще у множества и множества крестьянских детей. Что-то очень важное сохранили они в нас, чтобы мы остались и преданными сыновьями своей Родины, и продолжили традиции русской православной культуры, и не поруганными духовно вернулись в вечное лоно Матери нашей Русской Православной Церкви.

Несколько часов простоял я с удочкой на берегу Пьяны, таская из воды поблескивающих серебром плотвичек. Клев то утихал, то возобновлялся. Но меня это не слишком заботило. Добытческого азарта во мне особенно-то никогда и не жило. На берегу я все больше думал о своем — далеком от переживаний истинного рыбака. Потому, видимо, и удочки скрутил как-то разом, без сожаления, что прерываю, в общем-то, неплохой клев.

Забравшись на кручу, я выглядел несколько в стороне, ближе к пойменным лугам почти неподвижную фигуру Заного и направился к нему. Наш художник, в отличие от меня, работал увлеченно, даже азартно. К крышке этюдника был прикреплен лист картона, который, пока я рыбачил под высоким берегом, превратился в сказочно красивый пейзаж с заходящим солнцем, лесными далями, высоким небом и, конечно же, с проносящей свои воды Пьяной.

Сколько же неизреченной, тонкой, одухотворенной красоты содержит в себе русская земля! Сколько в ней простора и воли. Ни на словах об этом не рассказать, ни передать в красках. Лишь самую ее малость улавливает писатель или художник. Еще меньшую малость им удастся перенести на бумагу или полотно. Но и это малое как дорого, как замечательно, как важно для нас. Какие вдруг неожиданные чувства, переживания рождает в наших душах.

Я остановился около Владимира. Понимал, что мешаю ему работать, но ничего поделаться с собой не мог — любопытство взяло верх.

Заного сделал несколько шагов назад, критически оглядывая свою работу и сравнивая ее с окружающим пейзажем. Затем потянулся и поморщился.

— Спина болит. Стоять приходится в напряжении. Да еще торопишься, пытаешься успеть за солнцем, боишься потерять освещение. Но главное, кажется, схватил. Сейчас, пока натура не ушла, нужно еще поработать.

Я понимающе киваю и, чтобы не мешать, ухожу вдоль берега искать Пурихова. Тот — не я. И пока дневной свет позволяет, он рыбалку ни за что не бросит. Вот такой он цельный, целеустремленный человек. Не мне чета. Более того — живой укор моей созерцательной праздности.

Но искать нашего скульптора долго не пришлось. Он сам выплыл ко мне на своей надувной лодке и не без некоторой гордости показал в поднятой руке пойманного на блесну щуренка. Размер рыбы не то что меня впечатлил, но все же по сравнению с моими неказистыми плотвичками этот пятнистый хищник выглядел чуть ли не великаном.

Я искренне похвалил улов.

Пока вытащили лодку на берег, пока ее свернули и разобрали снасти, пока поднялись на угор и уложили вещи в машину, солнце совсем село, скрылось за вершинами ближнего леса. На землю опустились по-весеннему знобкие, волглые сумерки.

Заного, как мне показалось, с некоторым сожалением завершил работу. Он без суеты собрал этюдник, отнес его в машину и вернулся к нам. Втроем мы стояли на высоком берегу Пьяны, смотрели на потемневшую воду реки, на густо зазеленевшие в сумерках пойменные луга, на уже слабо

различные дальние поля, над которыми еще пробивалась из последних сил неширокая полоска тающего, исчезающего закатного света и тихо, восхищенно делились друг с другом переживаниями от увиденного. Чудо, такое привычное и, одновременно, такое новое каждый раз, свершалось у нас на глазах. И мы ощущали себя не просто его созерцателями, но и как-то деятельно причастными к происходящему. Ведь мы из такого далека—далека приехали на эту, как нам казалось сейчас, таинственную и благодатную землю. Так чудилось нам в эти закатные минуты. Так искренне верилось, что та, другая, суетная да раздражительная городская жизнь осталась где-то далеко—далеко, за горами, за долами — как в доброй вековой русской сказке.

* * *

Следующим утром первым, кто встретил нас на бархатистой зеленой лужайке у дома — был маленький, обрадовавшийся людям пушистый серенький котенок. И откуда он только взялся у нашего, далеко отстраненного от другого обжитого жилья, дома? Неужто учуял запах пойманной нами вчера рыбы? Хоть улов, прямо скажем, был невелик. Но ведь все-таки был.

Котенок выполз из-под двери летней мастерской Пурихова и громко, требовательно замяукал.

— Вот что делает со всем живым искусство. Даже эта кроха в первую очередь пожелала посмотреть скульптуры Виктора, — съязвил Владимир Заного.

— Которых там давно нет, — без тени обиды откликнулся Пурихов и, подойдя к сарайчику, щелясто сколоченному из потемневших, отслуживших свой век досок, вынул из пробоев не закрывающийся замок и, раскрыв заскрипевшие ржавыми петлями двери, пригласил, — заходите, покажу место моих трудов праведных.

— Место высоких дум и отдохновения, — уже я отреагировал на приглашение хозяина, — то самое, где скульптора так часто посещала его муза.

— Да, было и такое. Не скрою.

Мы вошли. Тлена и запустения в мастерской не ощущалось. Даже рабочий круг стоял посередине, словно дожидаясь, когда вновь на него нагрузят глину и начнут из нее творить. Но по тому, как беспорядочно на полках были разбросаны инструменты, как фрагменты макетов скульптур оказались безжалостно брошенными у досчатой перегородки, чувствовалось, что хозяин давненько не посещал своего рабочего места.

— Раньше много здесь трудился. Бывало, что все лето напролет не выходил из мастерской. Но настали другие времена. Зимами непрошеные гости начали рушить все, что оставалось с лета в мастерской, что они не могли унести. Потому я и перестал здесь что-то делать. Уже душа не лежит.

Выйдя из осиротевшей мастерской, «остывшей» без накала хозяйских трудов, мы все-таки не забыли о непрошенном госте (да он и сам этого бы не допустил) и накормили котенка вволю. Накормили с запасом — вдруг он и вправду отбившийся от родного дома, а мы сейчас уедем и уже до самого вечера назад не возвратимся. Потому что маршрут движения на сегодня уже

намечен и согласован. И, в первую очередь, мы уедем смотреть памятник павшим воинам в Великой Отечественной войне, который выполнил для соседнего села Виктор Пурихов. Памятник установлен совсем недавно, и скульптор хотел нам его показать, услышать какие-то отзывы о своей работе.

Село встретило нас тишиной и безлюдьем. На центральной площади высилась композиция из нескольких фигур, отлитая в бетоне и покрашенная бронзовой краской. А у подножия памятника на мраморных плитах высечены фамилии павших. Имена, имена, имена — убитых на жестокой войне солдат.

Где и каких только памятников я ни повидал за свою жизнь, обращенных к этой страшной войне, невероятно опустошившей русскую землю. Но самое страшное впечатление, от чего сердце в груди начинает сжиматься и ныть дальней, потусторонней болью, болью тоски и бессилия, так это от чтения вот этих скорбных, на вечный помин уготованных списков. И ведь о многих и многих даже неизвестно, где преданы земле их тела. Просто ушел человек на войну, ушел защищать свою землю да и лег в нее на веки вечные.

В одном из своих стихотворений, ставшем затем песней, народный артист России Михаил Иванович Ножкин написал такие строчки: «Это надо же рассудок потерять, / Чтoб солдатским телом землю удобрять». Так вот — когда я вижу подобные списки, высеченные в мраморе, граните, отлитые в металле, в бетоне или вырезанные в дереве на дощатой пирамидке с жестяной поржавевшей звездой наверху в какой-нибудь дальней, Богом и властями забытой деревеньке, эти страшные поэтические строки невольно оживают в моей памяти. И тогда не по воле своей, будто это является из каких-то глубин, заключенных во мне самом, в моей душе, я начинаю осознавать весь ужас произошедшего. Я пропитываюсь этим ужасом и понимаю, что только человек, только по своей воле всего этого сам по себе сотворить не может. Присутствует во всем этом и иная сила. И самое страшное — эта иная сила имеет над нами большую, почти абсолютную власть, которую использует с определенной закономерностью, осознание которой людям неподвластно.

Следующая цель нашей поездки — село Борнуково и пещера, находящаяся в ее окрестностях. Не миновала наша дорога и родного дома Виктора Ивановича. Маленькая, как мне показалось, избушка стояла, может быть, в самом живописном уголке села — на берегу пруда. Проехали мы и мимо помещений, сейчас, конечно, заброшенных, с заколоченными окнами бывшей когда-то знаменитой Борнуковской камнерезной фабрики. Одних только белых слоников, что украшали, выставившись в ряд от мала до велика, этажерки и диванные полочки городских обывателей, было понаделано тут многие десятки тысяч. А еще всякие статуэтки, светильники, письменные приборы. Один из таких приборов — большой, выточенный из белого камня, на плоскости которого меж двух чернильниц возлегал в осознании своего величия, как царя зверей большой гривастый лев, и по сию пору хранится у меня в качестве сувенира.

Но вот съезжаем в пойму, останавливаемся на берегу Пьяны. По мосту на другой берег, к пещере проехать невозможно. Поток еще не совсем потерял весеннюю силу. Невысокий мосток он залил. И мы, чтобы в очередной

раз попусту не испытывать судьбу, решаем перейти реку по этому мостку, как вброд, оставив машину на этом берегу.

Правый берег, в отличие от левого, оказался лесистым. Потому, отыскивая дорогу к пещере, мы даже немного поплутали. В какой-то миг это наше блуждание по высокому склону напомнило мне мои хождения по Уральским горам — таким же лесистым, с высокими пологими склонами и редкими обрывистыми кручами. Даже растительность была такой же, и те же покинутые, заросшие травой дороги, и те же вершины, высота которых за деревьями не угадывалась, отчего казалось, что она где-то далеко-далеко, под самыми облаками. И еще — какой-то особенный волглый запах, вкус воздуха. Видимо этот вкус, в первую очередь, и напомнил мне Урал-батюшку, разбудил таившиеся глубоко в памяти испытанные когда-то чувства и ощущения, переживания.

К пещере, или, вернее, к склону, в глубине которого она когда-то была (а может, и сейчас хоронится) мы все-таки вышли. Теперь в этом месте зиял глубокий карьер, напоминающий о производимой когда-то в этом месте добыче поделочного камня. Своды пещеры по нерадивости были обрушены мощным взрывом. И теперь никто не может ответить на вопрос — сохранилась ли она вообще, как удивительный, нерукотворный памятник природы, или безвозвратно утрачена, погублена, уничтожена.

С большой высоты, опять же напоминающей горную, мы озирали окрестности. Пурихов рассказывал, вспоминая детские годы, как мальчишкой лазал по этим склонам, ловил рыбу в извивающейся в долине Пьяне, смело катался на санках с пологих угоров. Но, в первую очередь, конечно, о том, как, не осознавая всей опасности, а это только в детстве и происходит, он мальчишкой лазал глубоко в пещеру, в потаенные ее недра.

Заного свое восхищение от увиденного, открывшегося ему, уже привычно для нас выражал ахами и восклицаниями. Он, вообще, человек восторженный, душой откликающийся на все истинно прекрасное. А природное — это всегда и истинное, и прекрасное. Потому Владимир традиционно много пишет пейзажей, натюрмортов.

Я же от созерцания увиденного все больше погружался будто бы в иную реальность. Здесь, сейчас это было несколько противоестественно, но ничего поделать с собой я не мог. И потому завертелись в моем сознании образы виденного ранее во многих местах — и на территории бывшего Советского Союза, и в других странах. Но по всему выходило — этот природный пейзаж — один из самых дорогих и замечательных для сердца.

Наверное, мы с Виктором были бы не прочь еще постоять на этом крутояре, полюбоваться окрестностями. Но Владимира неудержимо потянуло к оставленному в машине этюднику. Сопротивляться чему-либо, если этого захотел Заного, практически невозможно. Чужих аргументов он не слышит, доводов не воспринимает. Потому мы сразу сдаемся и соглашаемся на спуск. Единственное, что еще позволяем себе — это выбрать, каждый по своему вкусу, в качестве сувенира по красному с белыми, слюдяно поблескивающими прожилками камешку. После этого отправляемся в обратный путь.

По дороге, когда уже подходили к реке, Пурихов показал рукой на склон другой горы.

— Помните скульптуру «Христос благословляющий» у меня в мастерской? Вот на этой горе я бы хотел ее поставить. Бесплатно, в виде дара землякам. Только не знаю — получится ли. И еще — не осквернили бы.

Скульптура, действительно, хороша. (О ней уже упоминалось в этих заметках.) И на этом месте, среди живого природного ландшафта она выглядела бы великолепно, производя потрясающий зрительный и духовный эффект. Но столь же достойно, я думаю, это произведение украсило бы и помещение нашего епархиального управления или зал Нижегородской семинарии. Можно было бы установить скульптуру и у любого из нижегородских храмов. Скульптор готов на общее благо пожертвовать свою работу, в которую вложил немало труда, сил, таланта, наконец, финансовых средств. Но готово ли наше сегодняшнее общество принять этот бескорыстный дар? Ой, не простая это тема. И хотелось бы мне ее избежать в этом очерке, да, видно, никак не получится. К тому же, пройдя к машине и удобно усевшись в нее, мы смогли проехать всего ничего, как вновь остановились, на этот раз прочно засев в одном из пойменных болотцев, предательски скрытом прошлогодней травой. Брошенные под колеса «Нивы» камни и палки ничуть не помогли. И тогда Виктор, а что еще оставалось, отправился в село за трактором. Наш художник достал этюдник и тут же, чтобы зря и минуты не терять, принялся за работу. Я же остался сам с собой, наедине со своими размышлениями и сомнениями.

* * *

Незадолго, прежде чем отправиться в эту поездку, прошелся я по церковным лавкам наших нижегородских храмов. Обошел несколько новых, удобных, вновь выстроенных епархиальных магазинов. И знаете, какое самое устойчивое впечатление у меня сложилось от их посещения? Что православные люди в историческом, культурном, эстетическом, философском, литературном, художественном планах самые необразованные и духовно не требовательные. А как еще можно объяснить ту крайнюю скудость книжного ассортимента, что выставлен сейчас на прилавках? Немного брошюр с акафистами, одна-две книги проповедей, несколько самых примитивных изданий житийной литературы. Отдельно за стеклом — несколько подарочных, богато изданных книг. И все... И после этого мне кто-то возьмется доказывать, что Православие имеет свою многовековую историю и культуру? Так где же все это? Куда-то скрыто, запрятано от нас?

Не буду лукавить. Я сознательно сгустил краски. Конечно, культура Православия — это великий континент в океане человеческой цивилизации. И любому сомневающемуся я первый это докажу. Но тогда почему у нас сейчас этой культуре так мало уделяется внимания? Насытились ею в первые, посткоммунистические годы? Да возможно ли это? Конечно — нет. Культура — это та духовная пища, что необходима каждому человеку на протяжении всей его жизни. Она поддерживает, укрепляет, возвышает его в постижении высшего смысла существования. И литература — одна из главных составляющих нашей православной культуры. Она имеет и богатейшие традиции, и великие достижения.

Я помню, какое литературное пиршество просто обрушилось на нас с начала 90-х годов прошлого века. Художественные и публицистические

книги, книги по философии и истории Церкви, общенациональная и свято-отеческая литература. А еще поэзия, произведения для детей, православная периодика. Книжные полки магазина Братства святого Александра Невского тогда просто ломились от новинок. И чего только читателям не предлагалось — собрания сочинений святителя Игнатия Брянчанинова, русского философа Ивана Александровича Ильина, жития многих Оптиных старцев, а также старцев Соловецких, Валаамских, Афонских... Тома поучительных писем старцев к монашествующим и мирянам — неисчерпаемый кладезь русского духовного опыта. Тут же были представлены и современные писатели — от книг А.И. Осипова до полемических брошюр дьякона Андрея Кураева. Да разве все великое многообразие православной литературы возможно перечислить?!

Тогда же была собрана великолепная братская библиотека, услугами которой я с великим удовольствием пользовался. И каждый раз, уезжая в командировку, я набирал в ней стопки совершенно необходимых для себя книг, которые все прочитывал. Именно тогда открылся для меня другой мир, во многом изменивший мою жизнь, мою судьбу.

Но вот я представляю себя того в сегодняшней ситуации. Прихожу в удобные, светлые магазины и вижу в них унылые полки с какими-то «литературными крохами». Про бывшую библиотеку Братства тоже ничего не слышно — как она работает? И скажите, пожалуйста, где мне набираться ума-разума?

Знаю, несогласные могут сказать: «Да сейчас по телевидению, радио столько православных передач!» Что ж, соглашусь. Только далеко не все меня в этих передачах устраивает. Безусловно, есть удачные проекты. Но когда на местном телеканале еще совсем молодые, безбородые священники, развалившись в кресле перед телекамерой, главным образом изображающие из себя некую новомодную телезвезду, начинают меня безапелляционно поучать, как мне стоит жить и верить, так уверяю, что кроме досады, а то и раздражения (думаю, что далеко не только у меня), эта, так называемая, проповедь ничего иного не вызывает.

Опять готов услышать упрек со стороны, что своими нелестными замечаниями я наношу вред своей Церкви. Да нет же. Я, наоборот, желаю ей добра. А раз так, то должен прямо сказать о том, что меня беспокоит в сегодняшнем положении дел с представлением православной культуры на общенижегородском, культурном пространстве. Потому что я с глубоким огорчением наблюдаю, как епархиальные власти все более и более отстраняются от вопросов культуры. Конечно, такие замечательные православные художники как Владимир Заного и Виктор Тырданов продолжают участвовать своими произведениями в художественных выставках всех уровней, много публикуют репродукции своих работ, тем самым утверждая свет Православия в живописи и иконописи. Но чувствуют ли они хоть какую-то поддержку в своих трудах от епархиальных структур? Или их труд — это только их личное дело? А яркое публицистическое слово писателя Владимира Цветкова? Оно тоже так и останется невостребованным на нижегородской земле? Примеры я еще мог бы продолжать и продолжать. В чем тут причина — мне трудно ответить. Может быть, в отсутствии инициативы, идей, делателей? Ведь вот что касается строительства и реставрации

храмов, так тут результаты просто поразительные, замечательные, в самом высоком смысле впечатляющие. Наверное, потому, что здесь задействованы знания и труд профессионалов. А почему многие думают, что вопросами культуры могут заниматься все, кому не лень? Разве здесь нужны меньшая подготовка, заинтересованность, профессионализм? Конечно, нет.

Когда-то нам, каждому в свое время, великий свет Православной веры был открыт. Этот свет многим озарил их дальнейший путь. С ним они живут, в него верят. Но если бы разрозненные усилия многих соединить воедино, уверен, результат не заставил бы себя долго ждать. Сколько лет я об этом мечтаю, сколько призываю к братскому объединению. Но результата почти никакого. Может быть, это и невозможно? И наша сегодняшняя совместная поездка — удивительная случайность, а не желание братского единения?

* * *

Приехавший трактор с задачей по освобождению нашей машины из бо-лотного плена справился до обидного легко и просто. И, тем не менее, от пережитых неудобств и волнений хозяин наш поскущел и погрустнел. К дому ехали молча, словно весь запас эмоций и впечатлений на сегодняшний день оказался израсходованным, иссякшим. Но за приготовлением обеда, пока неутомимый Заного, опять устроившись с этюдником на этот раз прямо на пуриховском огороде, был увлечен работой, мы с Виктором вновь в своих разговорах вернулись к впечатлениям и переживаниям последних дней. В итоге пришли к выводу, что ничего понапрасну в нашей жизни не происходит. Прямо скажем — не ахти какое открытие. Но и оно воодушевило. Да так, что мы и Заного попытались оттащить от работы. Но это оказалось делом невыполнимым. До заката оставалось еще несколько часов, и тратить их на разговоры с нами в представлении Владимира было крайне неразумным и расточительным.

Но все имеет свое логическое завершение. Подошло к концу и наше путешествие. И даже нашему художнику пришлось с этим смириться — сложить этюдник, собрать в рюкзак вещи.

Возвращаясь назад, в город, мы везли в своих сердцах искорки грусти. Я убежден — никто из нас не смог бы объяснить, отчего они вдруг появились, что послужило поводом для этого. Наверное, дело все в той же непонятной и неизживной в нас русской ностальгии, чувства родной и милой для нас Родины, каждый уголок которой, еще до появления нас на этом свете, уже был уготован для поселения в наши души.

Мы ехали все по той же дороге, но только в обратном направлении. Заного все так же восторженно и неустанно продолжал восхищаться открывающимися пейзажами, игрой света на холмах и зазеленевших рощах. И ведь действительно, закат на удивление изменил, преобразил уже виденное нами ранее. Свет и тени создали неповторимый колорит, игру цвета, которые позволяли вдруг увидеть облитую пурпурно—красным рощу, расположившуюся на взгорье, и одновременно таинственно размытые, темные очертания кустарника у подножия дальнего холма. Все это жило в одном времени, но существовало будто бы в разных мирах, в разных измерениях.

Владимир Заного расстраивался, что все это крайне сложно перенести на холст, написать красками. Удается освоить в этюде лишь самую малую часть увиденного и пережитого.

Виктор Пурихов был молчалив и сосредоточен. Мне показалось, что к охам и ахам Заного он относится по-крестьянски сдержанно и даже вроде бы снисходительно.

До того, как солнце совсем скрылось за горизонт, мы еще успели захватить в село Григорово, на родину огнепального Аввакума. Полюбовались замечательным памятником, который поставил протопопу скульптор Вячеслав Клыков.

Памятник, который сам по себе хорош, оказался воздвигнутым у края глубокого оврага и оттого словно парил над местностью, взирая на далекие поля и перелески, на безбрежные просторы православной Руси. Мы зачарованно обошли вокруг него несколько раз. И знать я тогда не знал, что очень скоро познакомлюсь с Вячеславом Михайловичем, подарю ему номера «Вертикали» и напущу об этом памятнике. А летом 2006 года скульптора не стало. Тогда я написал и опубликовал в нашем журнале прощальное слово о русском гении. Думаю, будет к месту привести его в этом очерке. Еще раз почтить память скульптора и патриота.

* * *

Не стало Вячеслава Михайловича Клыкова. Кажется, совсем ничего не предвещало беды. Мы привыкли его видеть высоким, подтянутым, энергичным, занятым множеством дел. Казалось, его идеям, замыслам, его подвижничеству в создании и установлении памятников великим деятелям русской культуры, русской истории, русской государственности — писателям, святым, полководцам, воинам, монархам, поэтам — не будет конца. И вот скорбная весть больно отозвалась в наших сердцах. Мы потеряли не одного из солдат патриотического фронта. Мы потеряли Маршала, которому в образовавшейся пустоте, в образовавшейся брешке далеко не сразу найдется равнозначная замена. Замена, достойная ему по уровню бесстрашия, бескомпромиссности, убежденности в правоте русского дела.

Мы познакомились с Вячеславом Михайловичем на Белгородской земле 23 июня 2004 года, во время проведения третьего Белгородского международного экономического форума, проходившего под эгидой Собора славянских народов. Днем раньше я видел его величественный памятник князю Владимиру в самом Белгороде. С моих впечатлений от увиденного и начался наш разговор во время знакомства. Я подарил Вячеславу Михайловичу номер журнала «Вертикаль» и немного рассказал о нашем издании. Затем небольшой компанией мы сидели за столиком под соснами, неторопливо пили холодное пиво, разговаривали. Я напомнил скульптору, что на Нижегородчине тоже есть памятники, им поставленные — Серафиму Саровскому и огнепальному протопопу Аввакуму.

— Да, памятник Аввакуму хорошо стоит, на высоком месте у склона холма, — довольно заулыбался Клыков.

Прежде, чем нам разойтись, Вячеслав Михайлович попросил бывшего с ним фотографа:

— Ты давай, сфотографируй меня с ребятами.

Тот сделал несколько снимков. Наверное, и теперь они где-то существуют.

На следующий же день я пережил истинное потрясение, побывав на Прохоровском поле, поле невиданного в истории человечества танкового сражения, и увидел там другое творение скульптора — стеллу-звонницу.

Как же надо любить свою землю, какое преклонение испытывать в своем сердце перед подвигом отцов и дедов, чтобы одновременно так его воспеть и такой реквием ему сотворить из камня и бетона, над которыми разносится скорбное звучание поминального колокола!

А последний раз я повидал Вячеслава Михайловича в городе Запорожье, во время открытия на берегу Днепра памятника Великому князю Киевскому Святославу Храброму. Это была новая, но не последняя работа скульптора. Тогда, во время торжественной церемонии, Клыков произнес яркую и эмоциональную речь:

— Братья и сестры! Я поздравляю вас с великим праздником, славным днем города казачьей славы. Сегодня исторический день в Запорожье. Впервые на запорожской земле, спустя тысячелетие, мы открываем памятник нашему Великому князю Киевскому Святославу Храброму. Этим самым мы отмечаем победу, одержанную им над Хазарским Каганатом, над этим паразитическим государством — центром мировой работорговли. Таким образом, Святослав сохранил для будущих наших поколений, по словам Василия Ключевского, физическое тело России. А ныне мы можем добавить — не только сохранил, но и дал ему свободное дыхание, освободил от этой нечисти все славянские племена и территории, тем самым подготовив Русь к принятию христианства, которое успешно завершил его сын Владимир. Вдумайтесь только, братья и сестры, в эту родовую преемственность — Великая Равноапостольная княгиня Ольга, ее сын Святослав и сын Святослава Владимир, который крестил Русь в образ и подобие Святой Троицы. Мы за тысячелетия выкристаллизовались в тот народ, который по своей природе воплощает триединство — Великороссы, Белороссы, Малороссы. Этот закон, эту выстраданную нами природу мы должны беречь и свято сохранять. Если мы отойдем от этого закона, мы будем поочередно рассеяны и стерты с лица земли. Доколе, братья и сестры, будет продолжаться наше размежевание?! Чего не хватает нам для того, чтобы соединить свои усилия, обратиться лицом к тем законам, которые заповедовали нам наши великие предки, к законам, которые выстрадал великий род наш славянский?! Сохраним же в сердцах наших образ и подобие Святой Троицы! Не дадим, следуя заветам старцев, разъять украинцев, белорусов, русских! Если мы отойдем друг от друга, мы долго не продержимся. Пусть же скульптурное изображение Великого князя Святослава дает нам пример мужества, пример воли, пример смелости и пример горячей любви для сохранения нашего Отечества с Богом в душе и сердце.

Теперь эти слова замечательного русского скульптора звучат для нас, как духовное завещание потомкам.

Затем в этот день на Хортице Клыкова всячески чествовали казаки. Подарили ему казачий костюм, поднимали в его честь тосты. И Вячеслав

Михайлович вроде бы был весел, приветлив. Мы сидели за столом рядом, и потому, когда спустя какое-то время мне передали фотографии с этого праздника, я удивился тому грустному и сосредоточенному выражению лица скульптора, которое было на всех снимках. Будто тяжелая дума давила его пылкое, страдающее за отчизну казачье сердце. Давила и давила. Кто-то теперь скажет, — как много он еще не успел сделать. На что мы ответим, — какое счастье, что у России был такой сын, у нас такой скульптор, оставивший для Родины, для потомков столько замечательных своих творений.

* * *

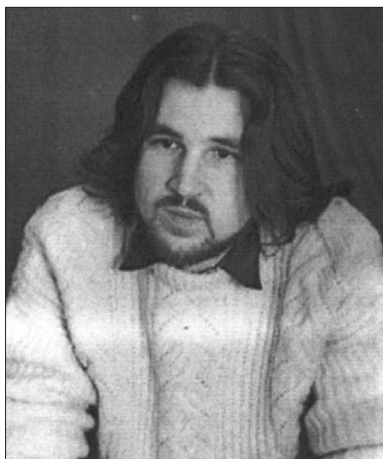
Совсем поздно мы въехали в Нижний Новгород. Город встретил нас шумом потока машин и цепочками фонарей вдоль трасс и тротуаров, которые своим желтковым светом отгородили от наших взоров чистое и звездно-нарядное весеннее небо.

Не доезжая площади Советской, мы расстались.

Еще, правда, в некоторой растерянности постояли около машины, негромко урчащей не выключенным мотором, попереминались с ноги на ногу. Всем троим, как-то не очень верилось, что это все — задуманное когда-то нами троими за «творческим» и не совсем трезвым столом, теперь выполнилось. Впереди ждало нас уже что-то совсем иное, новое, нами самими еще и не придуманное. Но ведь кто-то когда-то впервые произнес эту фразу — все имеет свое начало и свой конец. Вот и пришло время нам расставаться, а мы не очень понимаем, как это сделать. Что-то со всеми нами произошло за эти дни. Конечно, впереди нас ждало еще много встреч друг с другом. Они будут разными — «на бегу», на торжествах, в мастерских. Виктор Пурихов создаст интересный памятник основателю нашего города святому благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу, который установят в Нижегородском кремле. Владимир Занюга проведет множество персональных выставок, напишет новые картины, в которых все больше и больше будет преобладать любовь к жизни, мягкость и лиричность в ее восприятии. Я тоже что-то напишу, издам новые книги, за которые даже получу литературные премии. Ничего этого, прощаясь в тот поздний час, мы, конечно, не знали. Только когда пожимали друг другу руки, кто-то из нас троих сказал — что ж, теперь будем просто жить. Вот и живем. И помня прошлое, и мечтая о будущем, и согреваясь памятью в ненастные житейские дни.

ПОЭЗИЯ

Алексей ШОРОХОВ

К РОДИНЕ

Алексей Алексеевич Шорохов — родился в 1973 году в городе Орле. Закончив школу, поступил на филологическое отделение Орловского Государственного университета. В 1993 году поступил в Литературный институт имени Горького. По окончании Литературного института, в 1998 году, жил и работал в родном Орле. Сначала главным режиссером на православном телеканале, позже — в центральной областной газете. В декабре 2001 года поступил в аспирантуру Литературного института. Секретарь СП России. **Живет в Москве.**

* * *

светлой памяти В.И. Славецкого

Когда о Родине приходится молчать,
Чтоб не подставить и не сдать невольно,
И на устах не тронута печать
Любви великой и почти подпольной, —

Смири гордыню, странствуй по Руси!
Тебе откроются ее леса и люди.
Пока рубаху ветер парусит —
Никто твое молчанье не осудит.

Но в самый час оттаивать уста,
Когда наступит благостная осень, —
От твоего нательного креста
Пахнёт жильём и светлым шумом сосен!

ВИДЕНИЕ ЭДЕМА

посв. о. Владимиру (Герченову)

Тихой святостью веет с реки,
Милой вечностью тянет оттуда.
Как люблю я Твои сквозняки
Вдалеке от людских пересудов!

Будто что-то открылось в душе,
Будто — «веянье тонкого гласа»,
Будто впрямь распахнулась уже
Ширь последняя смертного часа.

И, восставший на миг человек —
Я гляжусь потрясенной душою
В то единственное и большое,
Что когда-то в безумстве отверг!

* * *

посв. Э...

Твоим долгим молчаньем
осенняя роща полна.
В твоих серых глазах
растворяются русские дали,
И балтийская в них набирается
силы волна,
Словно Китеж встает,
но уже — из молитвы и стали.

У иных берегов,
среди южных созвездий и трав
Я искал эту песню,
вникая в напевы чужие.

Столько жизнью прожил!
И в итоге, смертельно устав,
Воротился домой,
чтоб отныне уже не фальшивить.
Только время право,
только Тот, Кто превыше веков.

Что нам делать с тобой
среди вселенской бестрепетной ночи?
У чужого костра
не набрать для себя угольков.
Здравствуй, серая даль
и молчания полные рощи!

К РОДИНЕ

посв. Н. Дорошенко

Время полулюдей, годы полураспада,
Череда беззаконий поросла лебедой.
Что же случилось с тобой, и кому это надо —
Километры беды мерить общей бедой?

Что нам «Запад», «Восток», если вышло иное,
Если русские тропы сюда привели?
Ты стоишь на краю, чуешь вечность спиною,
А вокруг только небо и немного земли.

Только ты, моя рань, моя вольная воля,
Позабыв про усталость, вся в небесной пыли,
Только ты и осталась, как лучшая доля,
Только ты и стоишь — остальное болит.

* * *

Все грустнее моя деревня.
Скоро выпадет первый снег —
Будто сон о прекрасной царевне
Присмиривших полей и рек.

А когда над притихшим руслом
Незамерзшей в снегах реки,
Над густым слюдянистым суслом
Пронесется лебяжий крик —

Скоро будет тепло и сухо,
Буду печку весь день топить,
Буду ветер слушать вполуха
И, наверное, брошу пить.

Только голову спрячу в плечи,
Прошептав: «во веки веков...»
Это значит, что в этот вечер
Умер кто-то из стариков.

* * *

Осенние звезды! В далеких и сладостных сотах
Уже набухает искристый, рассыпчатый мед.
Вот-вот час наступит, когда не в десятый, не в сотый —
В стотысячный раз его небо на землю прольет!

И мир задохнется, хватая губами снежинки...
Соломой и тесом закрыты от воли небес,
Мы встанем в обед, будем печку топить по старинке,
Да в окна глядеть на покрытый сединой лес.

А жизнь, заупрямась, и денно и ночью, как в сказках,
Начнет убывать и, мелькнув за ближайшим углом,

С горы понесется на кем-то забытых салазках
Туда, где осталась нам целая вечность в былом...

Мы выйдем из дому с моим повзрослевшим мальчишкой,
Я снега коснусь огрубевшей за годы рукой
И вдруг, задохнувшись внезапной какой-то одышкой,
Я вспомню о жизни, о той, позабытой, другой!

Мой сын все поймет — он давно уже все понимает.
Ему «повезло» с непутевым и странным отцом:
Вот батя присел, вот глаза рукавом вытирает,
Темнея сквозь снег всепогодным своим пальтецом.

* * *

В.М. Клыкову

Как надоело в осень уходить!	Все дальше берег — этот и другой,
Судьба печальна или одинока.	Все больше света, все темнее воды.
И все смертельнее ее придется нить!	И ни за что не схватишься рукой,
Река раскинулась широко...	Рукою полной силы и свободы.

* * *

Осень проходит, и дни мои стали прозрачны.
Что-то роднит нас еще с красотой неземною.
Вряд ли дела, что казались нужны и удачны.
Может быть, небо, пропахшее близкой зимою.

Может быть, родина... Радость ее неотмирна!
Что-то последнее есть, несравненное в этой равнине.
Что-то такое, что хочешь ответственность мирно
Всякому: Здравствуй, во веки веков и отныне!

* * *

Адские бездны
Души бесполезной,
Века железного сыпь.
Катятся души
По тверди беззвездной,
Ветры гуляют, как псы.

Что же там светит,
Играя на лицах —
Зарево или восход?
Катятся души,
Забыв помолиться —
В вечность, на стужу, в расход!

Катятся души,
Тяжелые, наши,
Глупые — им по пути.
Близок огонь, беспощаден и страшен.
Боже, не дай нам уйти!

Близок огонь.
Закрываясь от света,
Шепчем, сползая во тьму:
Боже, великое солнце Завета
Не отвратить никому!

ПОЭЗИЯ

Михаил НЕКВАС

РУССКОЕ ЗНАМЯ

Михаил Ксаверьевич Неквас — родился в 1957 году. Закончил ВОЕНМЕХ. Работает на заводе «Двигатель» начальником отдела. Автор четырех книг стихотворений. Занимается в ЛИТО «Синтез». Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Расправляйте, ребята, плечики.
Уверяю, вы будете рады:
Как сердечно щебечут кузнечики,
Как шикарно поют цикады!

Разметались поля размашисто:
Лопухово, иван-да-марьево,
Зверобоево и ромашково,
Клеверово да иван-чаево.

Рассиялось веселой мозаикой
Поле летнее, поле ладное.
По нему я иду Незнайкою:
Мне познать его нынче надо бы.

Но умом не постигнуть истину,
Только сердцу вместить по силе
Беспричинную,

бескорыстную,
Болевую любовь к России...

О СЛОВАХ-ПАРАЗИТАХ

Паразитируют, гнилые,
В невероятнейших масштабах,
На слух как будто и не злые
Слова: «короче»,
«блин»
и «как бы».

Кто их внедрил
меж каждым словом —
Речь засорять? Кому в угоду
В язык наш чистый,
полнокровный
Они вставляются народом?

Быть русскому народу слабым —
Кто только нынче не пророчит!
Но не захочет жить он как бы,
Ну, и, конечно,
блин,
к о р о ч е...

* * *

Минуя полосатые границы,
Деревни,
города,
пустыни,
речки,

Летят слова,
и на слова ложится
Живой оттенок местного наречия.

Летят они от храма и до храма,
Меняют буквы, будто оперение.
Но ближе всех мне с детства
слово «мама»,
Понятно при любом произношении.

ВЕС

В предрожденье, где было мне
Не до жизни, не до любви,
В нестареющей тишине
Голос свыше сказал: «Живи!»

Годы шли. Я теперь набрал
Массу тела и груз проблем, —
И от этого подустал.
Как-то отяжелел совсем.

И послушно я задышал,
Прокричал о себе весть!
В граммы плоти вошла душа,
И обрел я начальный вес.

Жить становится всё трудней.
И не в тягость один лишь вес:
Прикрывающий душу мне,
Воплощенный и нательный крест...

* * *

Обжигаемые мухами
И, глазами зло блестя,
Рядом с нищими старухами
Птицы нищие сидят.

Песня импортная ухаёт,
Да слепит рекламный вздор!
А над нищими старухами
Ангел крылья распростёр...

* * *

Стон колокольный —
над старинным Волховом,
Над Ярославлем,
над Москвой, над Суздалем:
С церковной колокольни
павший колокол
Колол мужик
с веселием разнузданным!

Но вдоль дороги
к храму от околицы,
То в непролазной хляби,
то в пыли,
Росли, как звонный образ,
колокольчики —
Тоска по небу
матушки-земли...

* * *

Мы от войн смертельно устали.
По земле всё кресты да плиты...
Как же много свинца и стали
В неубитых бойцах и убитых!

Весь металл тот извлечь сегодня,
Сделать колокол бы набатный.

Ни на небе, ни в преисподней
Нет магнита, которым надо

Чтоб гремел над землёй могучей,
Над историей человечей!
Чем темнее тяжёлые тучи,
Тем светлей церковные свечи...

* * *

Опять на зеркало России
Спешат накинуть полотенце
Разноязыкие мессии,
Телегеничные пришельцы.

Но тьме Россия неподвластна,
И потому так непреклонно
В грядущее сквозь мир ненастный
Сияет лик её иконный!

РУССКОЕ ЗНАМЯ

Вновь перекрашено знамя,
Стала душа уязвимей;
Зорче становится память,
Время становится зримей.

Зримей настолько, что можно,
Чудится, тронуть минутки:

Пальцев мозолистой кожей
Чуять мгновения чутко...

Русское знамя не с нами.
Пало, пробито навывлет.
Но удержало корнями
Земли свои корневые!

* * *

*Меч в руке Родины-Матери
на Мамаевом кургане постоянно
раскачивается...*

Из газет

Снова на кургане на Мамаевом
Дышит ночь тревогой и надеждою
И стучит, страданиями измаяно,
Сердце под гранитную одеждою.

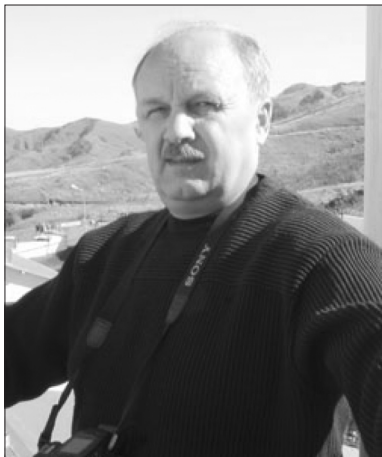
Знайте, что Россия не кончается,
Нашей жизни горе-устроители, —
В крепкой длани Родины качается
Меч былых и новых победителей...

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

Рисунки Добужинского

ПРОЗА

Николай ИВАНОВ

ЗОЛОТИСТЫЙ— ЗОЛОТОЙ

Рассказ

Николай Федорович Иванов — родился в 1956 году в Брянске. Учился в Московском суворовском училище, служил в Воздушно-десантном училище. Кадровый офицер ВДВ. Воевал в Афганистане, награжден орденом «За службу Родине» и медалью «За отвагу». Прошел чеченский плен. Полковник нацлоговой полиции. Лауреат многих литературных премий в т.ч. «Сталинград». Член СП России. Живет в Москве.

...И сказал ей бородатый главарь, увитый по лбу зеленой лентой — тебе туда. И показал стволом автомата на горный склон — за ним ты найдешь своего сына.

Или то, что от него осталось.

Если дойдешь, конечно.

И замерли от этого жеста боевики, а в первую очередь те, кто устанавливал на этом склоне минное поле. Надежно устанавливал — для собственной же безопасности, туда-сюда, движение.

Разведка федеральных сил не прошла — откатилась, вынося раненых.

Попавшие под артобстрел шакалы, спасаясь от снарядов в ущелье, вырывались сюда на простор и устраивали фейерверк на растяхках.

Пленные, что вздумали бежать, взлетели здесь же на небеса.

Сын? Нет, сын ее здесь не был, но они слышали о пленном русском солдате, который отказался снять православный крестик. Зря отказался — через голову и не стали снимать, делов-то — отрубили голову мечом, и тот сам упал на траву. Маленький такой нателный крестик на шелковой нитке, мгновенно пропитавшейся кровью. Гордого из себя строил, туда-сюда, движение. А то бы жил. Подумаешь, без креста... Дурак. А похоронили его как раз там, за склоном. Иди, мать, а то ночь скоро — в горах быстро темнеет. Жаль только, что не дойдешь. Никто не доходил.

Пошла.

Пошла по траве, выросшей на минах и среди тоненьких про-

водков, соединявших гранаты-ловушки. Вдоль израненных осколками кустарников. Вдоль желтеющих косточек чьих-то сынков, не вывезенных с минного поля ни своими, ни чужими. Собрать бы их, по ходу, раз она здесь, похоронить по-людски, с молитовкой, но она шла-торопилась к своему дитяти, к своей кровинушке, к своему дурачку, не послушавшемуся бандита. О, Господи, за что? Ведь она сама, прилюдно, надевала своему первенцу крестик на призывном пункте, и видела ведь, видела, что стесняется друзей ее Женька, прячась подарок глубоко под рубашку. Думала грешным делом, что не станет носить, снимет втихаря.

Не снял...

А ей все смотрели и смотрели вслед те, кто захотел иметь собственное солнце, собственную личную власть, собственных рабов. Ухоженные, упитанные, насмешливые бородачи.

Три месяца она, еще молодая женщина, ощущала на себе эти взгляды, терпела унижения, оскорбления, издевательства.

Ее секли холодные дожди, от которых в иные времена могла укрыться лишь собственными руками.

По ней стреляли свои и чужие — по одинокой незнакомой фигуре на войне стреляют всегда — на всякий случай или просто ради потехи.

Она пила росу с листьев и ела корешки трав.

Она давно потеряла в болоте туфли и теперь шла по горным тропам, по лесным чащам, по невспаханым полям босиком. Искала сына, пропавшего в чужом плену на чужой войне. Босой переходила от банды к банде, голодной от аула к аулу, закоченевшей от ущелья к ущелью. Но знала: пока не найдет живого или мертвого, не покинет этой земли, этих гор и склонов. «Господи, помоги. Дай мне силы дойти, дай сыночку силы дожидаться меня. Да святится Имя Твое. На коленях бы стояла — да идти надо. Помоги, Господи. Потом заberi все, что пожелаешь: жизнь мою заberi, душу, разум — но сейчас помоги...»

— Сейчас, сейчас взлетит, туда-сюда, движение.

— Живучая. Но здесь еще никто не проходил, — ждали боевики, не спуская глаз с русской женщины и боясь пропустить момент, когда вздыбится под ее ногами земля, когда закончатся ее земные муки.

Не заканчивались. То ли небеса, оправдываясь за страшную кару, выбранную для ее сына, отводили гранатные растяжки, то ли ангелы прилетели от него, от Женьки, и подстилали свои крыла под расстрескавшиеся, с запеченной кровью ноги, не давая им надавить сильнее обычного на минные взрыватели. Но она шла и шла туда, где мог быть ее сын, уходила прочь от главаря с зеленой лентой, испанской арабской вязью. И когда уже скрывалась с глаз, исчезала среди травы, один из боевиков поднял снайперскую винтовку, пой-

мал в прицел сгобленную спину: прошла она — проведет других. Не взлетела — так упадет...

Но что-то дрогнуло в бородаче, грубо отбил он в сторону оружие и зашагал прочь, в ущелье, в норы, в темень. Он не угадал. А тот, кто не угадывает, проигрывает...

...А еще через два дня к боевому охранению пехотного полка вышла с зажатым в руке крестиком на шелковой нити седая старушка. И не понять было с первого взгляда, русская ли, чеченка?

— Стой, кто идет? — спросил, соблюдая устав, часовой.

— Мать.

— Здесь война, мать. Уходи.

— Мне некуда уходить. Сынок мой здесь.

Подняла руки — без ногтей, скрюченные от застывшей боли. Показала ими в сторону далекого горного склона — там он. В каменной яме, которую вырыла собственными руками, ногтями, оставленными там же, среди каменной крошки. Сколько перед этим пролежала без памяти, когда отыскала в волчьей яме родную рыжую головушку, из-за которой дразнили ее Женьку ласково во дворе и в школе «Золотистый-золотой» — не знает. Сколько потом еще пролежала рядом с найденным обезглавленным телом ее мальчика — не ведает тоже. Но очнувшись, поглядев в чужое безжизненное небо, оглядев стоявших вокруг нее в замешательстве боевиков, усмехнулась им и порадовалась вдруг страшному: не дала лежать сыночку разбросанному по разным уголкам ущелья...

...И выслушав ее рассказ-стон, тоже седой, задерганный противоречивыми приказами, обвиненный во всех смертных грехах политиками и правозащитниками, ни разу за войну не выпавшийся подполковник дал команду выстроить под палящим солнцем полк. Весь, до последнего солдата. С Боевым знаменем. И лишь замерли взводные и ротные коробки, образовав закованное в бронежилеты и каски каре, он вывел неожиданную гостью на середину горного плато. И протяжно, хриплым, сорванным в боях голосом прокричал над горами, над ущельем с остатками банд, над минными полями, покрывшими склоны, — крикнул так, словно хотел, чтобы услышали все политики и генералы, аксакалы и солдатские матери, вся Чечня и вся Россия:

— По-о-олк! На коле-ено-о-о!

И первым, склонив седую голову, опустился перед маленькой, босой, со сбитыми в кровь ногами, женщиной.

И вслед за командиром пал на гранитную пыльную крошку его поредевший до батальона, потрепанный в боях полк.

Рядовые пали, еще мало что понимая в случившемся.

Сержанты, беспрекословно доверяющие своему «бате».

Три оставшихся в живых прапорщика — Петров и два Ивановых, опустились на колени.

Лейтенантов не было — выбило лейтенантов в атаках, рвались вперед, как мальчишки — и следом за прапорщиками склонились повинно майоры и капитаны, хотя с курсантских погон их учили, что советский, русский офицер только в трех случаях имеет право становиться на колени: испить воды из родника, поцеловать женщину и попрощаться с Боевым знаменем.

Сейчас зная по команде молодого седого командира само склонялось перед щупленькой, простоволосой женщиной. И оказалась вдруг она вольно или невольно, по судьбе или случаю, но выше красного шелка, увитого орденскими лентами еще за ту, прошлую, Великую Отечественную войну.

Выше подполковника и майоров, капитанов и трех прапорщиков — Петрова и Ивановых.

Выше сержантов.

Выше рядовых, каким был и ее Женька, геройских дел не совершивший, всего один день побывший на войне и половину следующего дня — в плену.

Выше гор вдруг оказалась, тревожно замерших за ее спиной и слева.

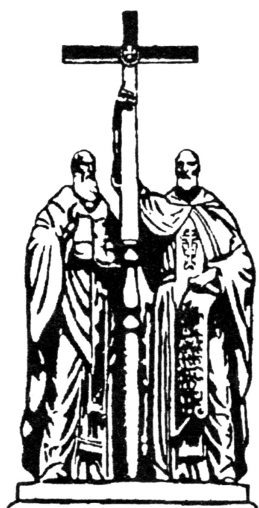
Выше деревьев, оставшихся внизу, в ущелье.

И лишь голубое небо неотрывно смотрело в ее некогда васьковые глаза, словно пыталось насытиться из их бездонных глубин силой и стойкостью. Лишь ветер касался ее впалых, обветренных щек, готовый высушить слезы, если вдруг прольются. Лишь солнце пыталось согреть ее маленькие, хрупкие плечики, укрытые выцветшей кофточкой с чужого плеча.

И продолжал стоять на коленях полк, словно отмаливал за всю Россию, за политиков, не сумевших остановить войну, муки и страдания всего лишь одной солдатской матери. Стоял за ее Женьку, рядового золотистого воина. За православный крестик, тайно надетый и прилюдно не снятый великим русским солдатом в этой страшной и непонятной бойне...

Славянское БРАТСТВО

Галина
**ВОВЧЕНКО-
КЕРУЦКЕНЕ**

РУССКИЙ ЯЗЫК НА УКРАИНЕ

Галина Зеноновна Вовченко-Керуцкене — поэт, публицист. Председатель отделения Союза писателей России на Украине. Общественный деятель. **Живет в Кировограде.**

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» Эти гениальные строки Тургенева сегодня звучат как никогда актуально для тех, кто оказался насильно вытеснен за обнесенную колючей проволокой стену лжи, враждебности, сложенную из кирпичей чужой нам идеологии Америки и Европы. Эти «доброхоты» помнят мудрые слова Бисмарка о том, что Россию можно победить лишь при одном условии: если внушить белорусам и малороссам мысль о том, что они не русские! И вот уже стоит у нашего порога новый-старый враг, жадно потирая руки, неустанно помогая тем, кто уселся на шею народа в 1991 году и основательно закрепил позиции в конце 2004-го. Этот богатый «родственник» исподтишка, кропотливо внедряет свои планы: купить нашу совесть, вытравить из нас русскую веру, изменить духовный мир той земли, откуда есть и пошла великая культура, давшая миру Пушкина, Гоголя, Достоевского. Он пришёл по нашу душу!

Тяжелые, смутные, времена обрушились на Украину грозой тучей! Как живет сегодня русским на украинской земле? Сказать: «Сложно» — не сказать ничего! Вспоминаются слова из любимого всеми фильма «Место

встречи изменить нельзя»: «Если и есть на свете дьявол, то он не козлоногий рогач, а дракон о трех головах — и головы эти: хитрость, жадность, предательство — и если одна прикусит человека, то две другие доедят его дотла»...

Иуды были везде и всегда, но не о них речь! Главное, что мы не Иуды, никогда не отречемся от нашего основного стержня славянской цивилизации — от русского языка, который как никогда стал и поддержкой, и опорой «в дни тягостных раздумий о судьбах нашей Родины». В эти варварские времена мы столкнулись с феноменом непобедимости, живучести русского языка. По политическим соображениям украинский язык, возведенный в ранг единственного государственного, пытается вытеснить и уничтожить «великий и могучий», но только обостряет политические процессы в стране, приводящие к ее расколу. Более 70 % жителей Украины говорит на русском языке, который используют, как самый сильный аргумент политики, понимая его великую силу, необходимую для привлечения на свою сторону электората, разуверившегося во всех остальных предвыборных обещаниях. А их оппоненты, которых подкупают и зомбируют американские политехнологии, создают миф «Украина — не Россия». Именно эти политики разработали якобы демократические методики безжалостного уничтожения русского языка на Украине.

В Кировоградском регионе (исконно русском Елисаветграде, основанном 250 лет назад, после возведения крепости Святой Елисаветы) сегодня проживает около миллиона жителей, а в областном центре — более 280 тысяч. Здесь в настоящее время идет смертельный бой с русским языком. В Кировограде запрещена последняя русская школа. В городе нет ни одного русского дошкольного учреждения, ни одного русскоязычного вуза. В районном центре Светловодске (в Фетовских местах) было четыре русских школы, которые ныне в эпицентре скандалов и судебных тяжб находятся на грани полного уничтожения. В Александрии (известной своим Александрийским лейб-гусарским полком) такая же плачевная участь у единственной русской школы. В трех школах Кировограда факультативно изучают русский язык час в неделю, наравне с польским. Но удивителен факт, что молодежь, покидая стены своих сугубо украинских «Альма-матер» сразу переходят в общении на «Великий и могучий» русский! Конечно, заметно теряется нормативность русского языка — учащиеся лишены возможности изучать русскую литературу в оригинале — она объявлена чужой, зарубежной и переводится на местечковую «державну мову». Отсюда и грамотность у детей нулевая, на уровне фонетического письма. Но это ограбленное поколение не забыло русского языка, хотя разрушительные процессы уже ощутимы — дают украинизмы, утрачена литературная нормативность. Все сильнее ощущается усиление борьбы со всем русским: языком, историей, культурой. Оголтелой государственной пропагандой фальсифицируются исторические факты, раздувается враждебное отно-

шение к России, приветствуется межнациональная ненависть. Все эти негативные действия, направленные против русского языка, истории, культуры, можно назвать настоящим духовным геноцидом.

Но, вопреки всем вражеским усилиям, активизируется деятельность русских общественных организаций, которые встают на защиту Православной Церкви, русского языка, русской культуры, истинной истории. В Кировограде активно работает Русская община им. А. С. Пушкина. За шесть лет существования по программам Посольства РФ на учебу в аспирантурах и вузах России посланы десятки молодых людей, а на летний отдых — сотни детей, сотни старших школьников проехали по туристическим маршрутам России: Золотое Кольцо, Москва — Валаам — Петербург и т.д. Многие верующие совершили паломнические поездки по святым местам России. Была восстановлена церковь-усыпальница семьи героя 1812 г. Н.Н. Раевского. Начато возведение исторического мемориала, посвященного М.И. Кутузову, организован благотворительный фонд Кутузова. При общине активно действует творческое объединение «Парус», которое сохраняет и преумножает наследие великой русской культуры. Такая же почётная миссия и у отделения Союза писателей России, и у находящегося ныне в процессе становления Отделения Всемирного Русского Народного Собора, и у других русских организаций, противостоящих духовному геноциду. И все мы очень нуждаемся в горячей поддержке России, русского народа, мы рады любой помощи, которая докажет, что мы не брошены на произвол судьбы, что мы не вопиющие в пустыне одинокие путники. Просим помнить об этом всегда, дорогие наши братья россияне! А закончить я хочу, как поэт и гражданин, своим стихотворением:

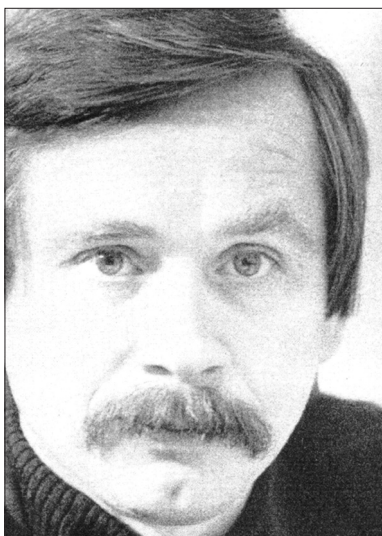
Есть памяти загадки и секреты
И есть хранитель вечности — народ!
Пусть в крепости Святой Елисаветы
Кутузов в камне вечном оживет!

И пусть своею славой исполина
Хранит величье матушки Руси!
Безмолвье камня древности былинной
Своим искусством Клыков воскресит!

Живой Кутузов гордым генералом
Пусть егерей на приступ поведет
Под знаменем рассвета — ярко-алым,
Веков остановив беззвучный лет...

Мы в этот мир совсем не зря пришли —
Следы оставить в памяти земли!

ПОЭЗИЯ

Владимир МОЛЧАНОВ

БЕСКОНЕЧНОСТЬ НИВ РОДНЫХ

Владимир Ефимович Молчанов — родился 1947 г. в станице Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли на Белгородчине в селе Новая Таволжанка Шебекинского района. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор семи книг стихотворений. Член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, председатель Белгородской писательской организации. Почетный гражданин г. Шебекина. **Живет в Белгороде.**

СИРЕНЬ

Со школой спеша на свиданье,
Я вспомнил, как в центре села
У этого старого зданья
Сирень молодая цвела.

Себе, да и людям на радость
Томила, как майский рассвет,
Ломила за прутья ограды,
Как будто просилась в букет.

И люди недолго давали
Бушующим гроздьям висеть,
И так ее всю обломали,
Что не на что было смотреть.

Букеты несли на погосты,
На свадьбы спешили нести.
Казалось — сирени той просто
Теперь ни за что не цвести.

Потом я был в город отпущен,
Уехал... Вернулся в село...
И вижу, что гуще и пуще
Сиренью весь двор замело.

И я не совсем понимаю,
Какой она мощью полна?! —
Чем больше ломают, тем в мае
Сильней расцветает она!..

* * *

Есть предрассветные часы,
Когда природа чутко дремлет,
И с листьев капельки росы
Скользят и падают на землю.

Есть предвечерняя пора,
Когда смолкает пенье птичье,
Потом до самого утра
Царят молчанье и величье.

Но есть такой короткий миг,
Когда в зените солнце тает
И бесконечность нив родных
За горизонт отодвигает.

* * *

Тепла не прошу у природы,
Когда за прибрежным холмом
Речушки приветливой воды
Прозрачным подернутся льдом.

Пойду по ершистым покосам,
Где светят над ширью равнин
Лишь пламя зеленое сосен
Да сполохи зрелых рябин.

Заря с каждым днем холоднее,
Прохладные ночи грустны.

Наверно, уже не сумею
Согреться до самой весны.

Наверно, зимой будут сниться,
Все долгие ночи подряд.
Крылатые вольные птицы,
Что в небе высоком парят...

* * *

И траве, и солнышку
Многим я обязан.
Я — теленком к колышку —
К родине привязан.

Где белеет радостно
Синей речки пена.
Мне ничуть не тягостно
От такого плена.

Зеленеет полюшко —
Не охватишь взглядом!
И другой мне волюшки
Никакой не надо.

Светится до донышка
Родничок под вязом.
Я — теленком к колышку —
К родине привязан...

* * *

Помню: я — в четвертом классе,
Ледоходные деньки.
И плывем мы на баркасе
На ту сторону реки.

Нет, не праздновал я труса,
Был, напротив, смел и горд.
А вода от перегруза
Чуть не хлещет через борт.

Бабы охают, стенают,
Половодие кляня,
И от борта отстраняют
Непослушного меня.

Помню я: две льдины бьются
За кормой, как два врага.
Помню я, как достаются
Нам другие берега...

* * *

Н.И. Тряпкину

На минувшей неделе
Были дни неплохи.
Мы с поэтом сидели
И читали стихи.

Замирала округа,
Оживала строка.
Мы втекали друг в друга,
Будто в реку река.

В небе звезды мигали,
Осыпались в луга,
Чтобы мы раздвигали
Наших душ берега.

Чтоб в расцвете и силе,
Отметая вранье,
Увидали Россию,
Услыхали ее...

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Мать-Россия. Свобода и воля.
Лес со степью — навеки родня.
Шесть веков Куликовское поле
Помнит топот победный коня.

Шесть веков черных ворогов стая
Красно солнце хотела затмить,
Только нету такого Мамаю,
Чтоб Россию мою покорить.

Шесть веков на нее посягали
Под безумный воинственный клич.
Шесть веков русский дух постигали,
Но и все ж не сумели постичь.

Кровь столетий сочилась подтало,
Окропляя поля и дуга,

А на ней выростала Полтава,
Да и Курская наша дуга.

Правоты не добьется неправый.
Сколько зим ни пройдет, сколько лет,
Будет вечно вставать над Непрядвой
Незакатной победы рассвет.

* * *

Потерпевший под Москвой
И на Волге поражение,
В этом танковом сражении
Враг особенно был злой.

Тыща двести танков!.. Пыль
С кровью смешана, с угаром.
С каждым грохотом-ударом
В небеса взлетал ковыль.

Воздух бешено порол
Вой «катюш» мотивом смертным,
В боевом порядке первым
Старшина машину вел.

Ни на пядь нельзя назад.
Вдруг — удар! На силу — сила...

И танкиста ослепила
Тьма внезапная в глазах.

А за тьмой — враги, враги...
Осознать не все успевший,
Вел свой танк танкист ослепший,
С болью стиснув рычаги.

Месть священна и крута,
Хоть глазницы кровью плачут.
И казалась самой зрячей
Для врага машина та.

Мчался танк сквозь рев и свист
С грозным, яростным размахом,
Словно видел над рейхстагом
Красный флаг слепой танкист.

* * *

И солнце в тучах не померкло,
И гром не грянул в небесах,
Когда в селе ломали церковь
У всей округи на глазах.

На битых стеклах гасли блики,
Старухи плакали, шепча.

Глядели свергнутые лики
Из-под обломков кирпича.

В глухом бору кричали птицы,
Как будто знали наперед,
Что с нами в будущем случится
И после нас произойдет...

* * *

...И вновь венчают купола кресты —
Как просто это, Боже мой, как сложно!
Россию можно видеть с высоты,
Но свысока увидеть — невозможно...

* * *

По метрикам я — сын земли кубанской,
А по корням отцовским, по нутру:
Я — веточка березки таволжанской,
Сосновая хвоиночка в бору.
Мне не ходить дорогою чужою,
Своя тропинка все-таки милей.
Где б ни был я — всегда живу душою
На родине, на отчине моей.

Пушай другим ни холодно, ни жарко,
Чья жизнь летит, как по ветру листва.
Ты не суди их строго, Таволжанка,
Иванов тех, не помнящих родства.

Не слушай ты насмешки их и хохот,
Чтоб чистоты своей не замарать.
Хоть без тебя прожить они и смогут,
Но без тебя не смогут умирать...

* * *

Виктору Белову

То не роща наряд свой роняет —
Это детство меня догоняет.
Говорит: «Наплевать на усталость,
Посмотри, сколько листьев осталось...»

То не дождь над землею осенний —
Это юность пришла, как спасенье.
Говорит: «Набирайся отваги,
Как земля набирается влаги...»

То не иней упал на дорогу —
Это зрелость спешит на подмогу.
Говорит, как всегда, о насущном:
«Ты не прошлым живи, а грядущим...»

То не землю укрыли сугробы —
Это старость, подруга до гроба,
Говорит, будто листья роняет:
«Это детство тебя догоняет...»

ПОЭЗИЯ

Валерия САЛТАНОВА

ОДНА ТОЛЬКО ВОЛЯ ИДТИ

Валерия Анатольевна Салтанова — родилась в Пятигорске. Долгое время жила на Крайнем Севере. Профессиональный музыкант, окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор книг «Нешкольное сочинение», «Сквозь жернова времен», «Вьюжный крест» и других. **Живет в Ростове-на-Дону.**

* * *

Россия жива, не иначе,
Столетия, столетия подряд,
Пока ее женщины плачут,
Пока ее девочки спят.

А после, в неистовой битве,
Когда сапожищи идут, —
Пока ее мальчики — биты,
Пока еще девочки — ждут...

А после, о боже, а после,
Пока ничего не понять,
Стремится заморский апокриф
Бесшумно все карты смешать.

И снова: мы биты? мы квиты? —
Да что там поймешь, в кутерьме!
А мальчики наши — убиты,
А мальчики наши — в тюрьме...

Как страшно, причин не касаясь,
Отлить эту пулю в словах:
Здесь тысячи спящих красавиц —
И некому их целовать!

Остались ли слезы, Россия,
Иль вышли, как мартовский снег?..
...Вон женщина — заголосила!
Живая.
И плачет — за всех.

* * *

Я понимаю: истина проста.
Как просто жить, во всем ей доверяя!
И в сотый раз во тьме тропу теряя,
Я понимаю: истина проста.

Я понимаю: истина скромна.
Ни славы у нее, ни очевидцев.
Наслушавшись речей иных провидцев,
Я понимаю: истина скромна.

Я понимаю: истина легка.
Но все-таки она не детский лепет.
Когда меня бессонница истреплет,
Я понимаю: истина легка.

Я понимаю: истина чиста.
И исцеляет, как вода живая.
Вновь черноту души одолевая,
Я понимаю: истина чиста.

* * *

Все стремится к большему, требует участия.
Глупый хочет мудрости, падший — высоты.
Бедный ищет золота, а богатый — счастья.
И у всех серьезные, важные мечты.

Глупый хочет мудрости — голову теряет.
Бедный ищет золото, а находит крюк.
Высота брыкается, счастье ускользает:
Бьется, вырывается, падает из рук!

Ну, а кто любит травушкой да небом,
Всяку тварь земную силится понять,
Не скудея, делится опытом и хлебом —
У того, пожалуй что, нечего отнять.

* * *

В городе — светлынь,
В городе — теплынь,
Даже запах дынь
Вроде.
Гомон птичьих стай.
Оживает край.
В переулках май
Бродит.

И теперь нельзя
Слово бросить зря.
Нынче снег, друзья,
Сходит.
Обронил едва
Горькие слова —
Сорная трава
Всходит.

* * *

Куда как просто — плыть
На гребне, на волне.
Куда как сложно — слыть.
А быть — трудней вдвойне.
Вот так проходит жизнь,
Вся сплошь из правд и кривд.
Прет через этажи
Неугомонный лифт.
Все выше, а затем
И лифт, и дом — под слом...

Все больше теорем,
Все меньше аксиом.
И этот страшный век,
И этот странный долг:
Бродяг, нуд, калек
Понять, постичь, взять в толк;
И жертвы возлюбя,
Их палачей простить;
И все и вся в себя —
Бог весть зачем! — вместить.

* * *

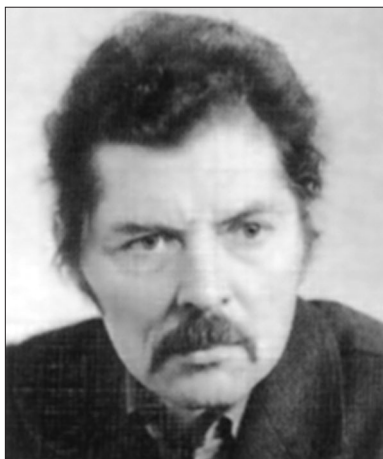
Есть время. Рассудит оно,
Что было с тобой нам дано,
Как мы обходили «нельзя»,
Что мы обронули, неся.

Но каждого время в свой срок
Отмоет, как будто песок —
Морской, площадной, золотой...
Кого-то накроет плитой,

Есть время. Нацелен в упор
На каждого пристальный взгляд.
Кому-то оно — прокурор.
Кому-то оно — адвокат.

Кому-то воздаст по уму,
Кому-то — забвенья тюрьму...
У нас же, незрячих, в пути
Одна только воля — идти.

ПОЭЗИЯ

Анатолий БЕЛОВ

А РУСЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЖИВА

Анатолий Григорьевич Белов — родился в 1940 году в деревне Острица Осташковского района Калининской обл. Несколько десятилетий проработал на обувной фабрике. В литературном журнале начал публиковаться с середины 1970-х годов. Автор восьми книг стихотворений и поэм. Член СП России с 1990 года. Лауреат премии им. Александра Невского. **Живет в Санкт-Петербурге.**

СЕЛИГЕРУ

Я родился весенним утром
в селигерском краю рыбаčem.
Не поверив старухам мудрым,
я поверил мечтам ребячьим.

И, привыкший к просторам синим,
птичьим крикам
и рыбьим всплескам,
круглолицым крестьянским сыном
Я живу на проспекте Невском.

Изменились мои привычки,
Повзрослели мои заботы,
В переполненной электричке
пропадают мои субботы.

Но истоки спокойной силы
и в неспешное счастье вера,
пополняясь со всей России,
начинаются с Селигера.

В мою память врезались остро
дорогих берегов излуки.
Селигер, я — твой маленький остров —
не бываю с тобой в разлуке.

* * *

Три «мессершмитта» над
деревней вились —
к березам прижимали «ястребок».
А в огородах женщины крестились,
желая, чтобы «Бог сынку помог»,

И он вгонял стервятников в могилу.
И верилось, что Родину спасет
и горестное «Господи, помилуй!»,
и яростное «Соколы, вперед!».

ВЫСОТА

Григорию Калужному

Кто-то так проложить постарался
курс на юг, что немного правей, —
и твоя каждодневная трасса
вдруг пройдет над деревней моей.

Это твой самолет залупился,
выпрядая дрожащую нить.
Ты сначала летать научился,
а потом научился ходить.

Возвращайся из южного рейса.
Откликаясь на вызов иль зов,
приезжай и душою согрейся
у певучих моих родников.

До рассвета продлится беседа,
заведенная с давешних пор, —
схоронили последнего деда...
Сохранить бы последний собор.

Станешь ты ненадолго ведомым —
сам просился со мной по грибы.
(До бетонного аэродрома —
триста верст и неделя ходьбы).

Спозаранку собак переберем.
И, луща колоски на ходу,
на глазах у всего поднебесья
я проселком тебя проведу.

Ты разлочишь лесную дремоту
и заметишь;
— Куда ни шагни —
всюду жизнь равноценна полету,
прозябанье — паденью сродни.

Вышло время волшебных воскрылий
Ненадолго поднимут винты.
В растревоженном небе России
только мощью душевных усилий
удается достичь высоты.

ГОЛОС

Дедушка, глянь через кусты —
к ночи шатать стало кресты.
Ты говорил: вечный покой!..
Слышишь? — звучит голос глухой:

«Эй, старина, что за народ
спорит захлеб, ходит вразброд».
Лежа в земле, не разберешь —
ставят ли сруб, сеют ли рожь?

Эй, отвечай, старый, не трусь —
помнит ли кто славную Русь?

Бог ли забыт, князь ли не мил? —
много вокруг свежих могил.

Дым вестовой виден ли с гор,
крепко ль стоит конный дозор,
если идет чуждая рать?..»

Невозмогу мертвым лежать.
Из глубока чуют они:
вновь на Руси смутные дни.

ВЕЧЕРНИЙ ВОЗ

Душиста, переменчива, пестра
вечерняя закатная пора.
По скошенному лугу потекло
лесное и болотное тепло.

Тележная поскрипывает ось.
В деревне мне родиться привелось.
В четырнадцать невыдуманных лет
во мне уже и лад ее, и свет.

Свивая травяной шумливый воз,
я вместе с ним нечаянно возрос.
Воздушными ольховые кусты
мне кажутся с подвижной высоты.

То левою, то правую вожжей
я повожу, округе не чужой.
На раннюю блескучую звезду
я правлю, у судьбы на поводу.

Рукою я притронуться хочу
к последнему закатному лучу,
что гаснет, позолотой одаря
крутые купола монастыря

Дорога полевая привела
к прогону на окраине села.
Из полумрака вышедшая мать
торопится заборы разобрать.

ВЕЧЕРНЕЕ

В четыре руки — на рояле
в старинной квартире одной,
где раньше и люстры сияли,
и таял огарок свечной.

Взвивались совместные звуки,
любых достигая высот.
На миг перепутавшись, руки
легко устремлялись вразлет.

От вальса и до колыбельной —
в согласье как будто простом.
Сперва небеса голубели
и зарозовели потом.

Старели за стеклами луны,
и звезды устали мерцать.

Он снова был — стройный и юный
она — молодая опять.

Откуда единство берется,
когда различимо едва
его вдохновляли березы,
ее наставляла Нева?

Одно захлестнуло волнение.
Тепло накопилось одно...
И пусть подгорело варенье!
И пусть не домыто окно!

Какие подъемы и спуски
на не бесконечном пути!
И все это — как-то по-русски,
и все — неземное почти.

* * *

— Кто больше Родиной любим, —
у рощи спрашивает ветер, —
воспевший зарево рябин
или вспахавший зяби эти?

И что нужней среди дорог
за той туманной заволокой —
горящий в поле костерок
иль зыбкий свет звезды далекой?

Что роща прошумит в ответ —
я, видно, так и не узнаю.
Спросить бы — долго или нет
продлится жизнь моя земная?

Ты, ветер северный, лети
к большим дубам на косогоре...
А мне — с дорогой по пути,
а я — с раздумьями в раздоре.

Мне дорог запад и восток.
Я чутко внемлю звездной дрожи.
Но почву вздыбивший росток
поныне мне всего дороже.

Мне, говорят, уже нельзя
любить бывшие пасторали,
когда короткая стезя
пришла к Великой Магистрали.

Какая смена скоростей!
Напластовались под рябиной
рубцы изношенных лаптей
и новых шин автомобильных.

Вселенских мельниц жернова
тысячелетье размололи.
А Русь по-прежнему жива
ростками памяти и боли.

РОДНАЯ ГРЯЗЬ

Не видно гения
в краю невзгод.
Все дерзновеннее
молчит народ.

В страну бессонную
обращено

зарей злаченное
мое окно.

В небесной роздыми —
вороний гам.
Путями звездными
летать не нам.

Глазами детскими
лесных озер
ты смотришь, Родина,
на свой позор.

Спасут не идолы
ржаную выть.
Довольно издали
ее хулить!

Былье треклятое,
махнув грачам,

мужик на тракторе
запашет сам.

На избы крайние
перекрестясь,
целуем отчую
родную грязь.

Забудем Родину
всего на час —
и тьма क्रомешная
обступит нас.

ВСТРЕЧА С МИТРОПОЛИТОМ ИОАННОМ

Стыли скромные яства
на монастырском столе.
Думалось: пастырь и паства —
уголь, горящий в золе.

Молвилось слово благое,
сеялось Божье зерно.
Горько, что раньше в другое
мы открывали окно.

Сонм городов и селений
полон отчаянных дум.
(Сколько нелестных сравнений
сразу приходит на ум!)

Рядом с безверьем — бессилье.
Совесть на нет сведена.
Хлебом делилась Россия —
беды хлебают одна.

Взникнет ли Промысел Божий
поле духовных пустот?
Долго на месте остожий
даже полынь не растет.

Сквозь небывалые бреши
мутный течет океан...

...И опочил воскорбевший
митрополит Иоанн.

С КЕМ Я ЗНАКОМ И НЕ ЗНАКОМ

А был и я когда-то гордым,
лелеял честь.
И у меня рабочий орден
в кубышке есть.

Теперь пружина волевая
— увы! — сдает.
Бывает, даже выпиваю
за чей-то счет.

Брось барахлить, сердечный клапан!
Среди невзгод
мною гнусной грязью не заляпан
простой народ.

Мы на «большой дороге» ищем
прибыток наш.
Но у меня за голенищем —
лишь карандаш.

Не зря ль я ворохи бумаги
перемарал?
Теперь вокруг — другие флаги,
своя мораль.

Стараюсь выглядеть снаружи
здоровяком.
Но с теми, кто скупает души,
я не знаком.

ТОЛЬКО НЕБО СВОБОДНО ДЛЯ НАС

Я за русский народ говорить не берусь,
я свою исповедую боль...
...Перелетные птицы прошли Беларусь,
заполняя полнеба собой.

Их весенняя вдаль поманила пора.
Им вожак — и закон и пример.
Вот уже отсверкали излучины Днепра,
вот уже заблестел Селигер.

Им лететь и лететь до студёных морей,
до родимых озёр и болот.
А сегодня они над деревней моей
совершили ночной разворот.

Я причалил уже свой рыбацкий ковчег
и развел невысокий костёр.
Громко гуси гогочут, садясь на ночлег,
и казарки ведут разговор.

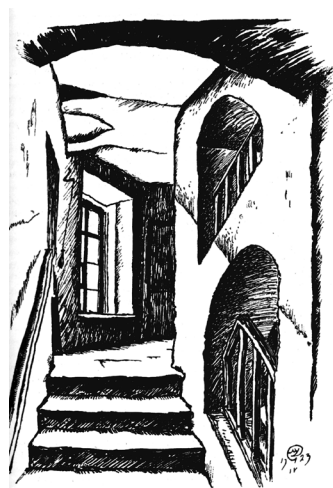
Птичьи речи за кромкой густых камышей
до утра наполняют мой стих.
Две сестры в Беларуси и пять племяшей
тоже, может быть, слышали их.

Я поехать к родным на свиданье готов,
но меж нами на нынешний час —
ни шоссейных дорог, ни прямых поездов —
только небо свободно для нас.

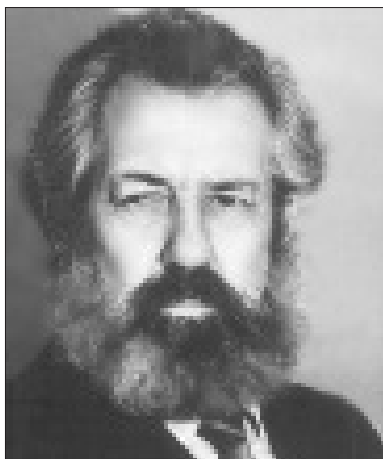
ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

*Рисунки
Добужинского*

ПРОЗА

Борис СПОРОВ

ЗА ПЬЯНОЙ РЕКОЙ

повесть

Борис Федорович Споров — родился в 1934 году в Актюбинске. Работал на заводе, на строительстве Горьковской ГЭС слесарем, электросварщиком, сборщиком и монтажником. Заочно получил среднее и высшее образование. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

— Представьте только — и вы удивитесь, как нелепо громоздились события! — восклицал Николай Александрович. — И не забывайте при этом, как естественно протекала жизнь! И вера тысячелетняя, и даже идея жизненная! Достаток без излишеств; богатство в развитии, в любую сторону кланяйся, в любую сторону иди — без ограничений! Только живи по заповедям: и солнца святого над головой в достатке, и воды неистечные всюду, и зелени рост неостановимый — все имелось, все рядом. Единственное, чего не хватало — так это любви друг к другу да страха Божия. Не то, чтобы так уж и вовсе не было — было и на словах, и на деле, да только не в той мере, чтобы по заповедям. Казалось бы, и возраст — только процветать! Так нет же — на самом взлете и сотрясло. И теперь уж суди не суди, а высудок один: и это предстояло пережить. А началось-то — с мелких искушений, со лжи: какие там перестройки, какая перестройка — шапками закидаем!..

И ведь отпали от веры, попрали пророков своих.

1. БЕЛАРУСЯ

Она ожидала, когда двери сами собой и откроются: определится срок и тогда можно будет навести необходимые справки — большего и не ждала. А пока поеживалась от холодной сырости да изучала настенную информацию.

Район Кузнецкого моста она хорошо знала. Большую часть жизни прожила у бабушки Веры на Плющихе. Доехать — труда не составляет. Но вот уже третий раз на Кузнецком, а проникнуть в Архив не может. По телефону — пожалуйста, а на месте — никак.

Выглядела она естественно и складно — ни вульгарной краски,

ни уродующего платья, не говоря уж о мужских брюках — такого никогда не бывало. И хотя вряд ли можно было назвать ее красавицей, но изящной и милой — вполне.

Робея и улыбаясь, она вновь нажала пальцем на кнопку звонка и сморщилась в ожидании, впрочем, уже решив: если и теперь безответно, тотчас и уйдет.

— Что, сударынька, не пушают?! — посмеиваясь и вздергивая голову, обратился молодой мужчина, побрякивая в руке брелком в какой-то сцепке. Тоже не красавец, но с достоинством в лице и с серьгой в ухе; и одет круто: весь в коже и в замках-молниях. Даже на легкой шапке — застежка. Правда, и то верно: вот уже месяц после Рождества температура в столице плавала на нуле — не придумаешь, во что и одеться. — Здесь, барынька, публика с Лубянки — скромность не признают! — и засмеялся самодовольно. — Я, знаете ли, поэтому и зашнуровался вот в такие ботинки, — и ногу поднял: с толстой подошвой, как будто из камня, — чтобы легче на звонок нажимать! — И он с размаха влупил по двери ногой, затем еще и еще. И дверь изнутри щелкнула и отворилась.

— Ну чего? — вяло спросил мясистый дверник в форме.

— Чево — чаво?.. Родителей ищем! Сударынька полчаса давит на кнопку, а вы, товарищ в красной фуражке, за дверью сопите — совесть надо иметь.

Дверник прищурился и капризно сложил губы:

— Те, те, полегче молоти, а то ведь и сам в архив свалишься. — И в момент весь преобразился, очнулся, посуровел и металлически мертво сказал: — Архив для посетителей откроется через сорок минут. — И демонстративно стукнул дверью.

— Во — и так мы можем! — сопроводил незнакомец в коже. — Вы что-нибудь поняли? — обратился он.

— Нет, — она покачала голо вой. — А что я должна понять?

— Чай пьют или отмечают день рождения. В этой стране все можно... А вы как, из пострадавших? — При разговоре он манерно вздергивал брови и губами как будто что-то изображал — и в сочетании это у него получалось выразительно.

— Я да, то есть нет, не из пострадавших. Дедушку в тридцать седьмом... — И на лице отразилось такое недоумение, что собеседник и руки невольно развел.

— Вот ведь как! И моего — в тридцать восьмом!.. О, мы не случайно здесь сошлись! Пора знакомиться. Как вас родители называли? — Он покачивался всем туловищем, и серьга в ухе покачивалась, и губы что-то загадочное изображали — и точно уплывал неведомо куда, так что в напутствие ему хотелось сказать все, о чем он только ни спросит — удивительный шарм!

— Меня нарекли Марией, — она добродушно хихикнула, щеки ее порозовели, — а вот бабушка всю жизнь зовет Русей, сокращенно — Ма-Руса.

— Бесподобно! Восхитительно! В этом, конечно же, что-то есть! Не просто так! — говорил Заратустра. Меня родители Феликсом обрекли, но, представьте, Руся, дедушка, другой, называл меня непременно — Бела! Каково?! Бела-Руся: мы — Беларусь! Почти Лукашенко!

И оба доверительно засмеялись.

«Надо же, — думала Руся, — на вид попсовый, а человек, кажется, неплохой. Встречают по одежке... Интересно, а Феликс в святцах имеется?» — И, не задумываясь, тотчас и спросила: — А святой Феликс в святцах есть?

— А как же, сударынька! Грех не знать. — Феликс и голову на плечо склонил. — Все мы христиане — я имею в виду по роду и племени, а не по убеждениям. Убеждения — у каждого свои.

— Да уж, убеждения у нас по обстоятельствам, — согласилась Руся. — Злонравия достойные плоды. Ваш Заратустра не говорил об этом?

— Заратустра обо всем говорил... «А что, клевая Чунька. Годится. Правда, старуха. Но это даже интересно — на прочность...»

Были они оба среднего роста, примерно одного возраста — до двадцати пяти. И мир для них открывался в последние десять лет. «Странно, а ведь он смущает меня, — рассеянно думала Руся, — этого еще не хватало... Хотя что же, — тотчас и одернула себя, — не ты ли соглашалась: если никто не смутит до двадцати пяти — в монастырь, и никаких... Вот он и смущает».

— Феликс, а вы с какой целью сюда? — и легонько кивнула на дверь Архива.

— С целью узнать кое-что о предке... А что мы, собственно, торчим здесь, даже не у парадного подъезда! Рядом выставочный зал — вот и переждем в абстракт-цинизме. Не подумайте дурного, такая уж экспозиция.

— Нет, только не туда. Не хочу... Да и времени нет, и здесь не прозевать бы... Бабушка давно просит узнать, где дедушка похоронен... Как — зачем? Чтобы отслужить на захоронении панихиду, просто побыть рядом, на той земле.

— Ну, это крутой поскок! — как сказал бы все он же. — А мне до этого так и дела нет: где шлепнули, где закопали — какая разница?!. Что такое «шлепнули»? А вот так, — Феликс выставил указательный палец «наганом», — пах — и шлепнули в яму. И без разницы, в какую там яму шлепнули, где!.. Давайте все-таки на «ты», иначе официально и с отчеством... Нет, Руся, я не за этим. Мне надо узнать, кто вел следствие, кто допрашивал или пытал, кто доносил или стучал, ну, а в итоге — кто выносил приговор и кто приводил в исполнение! — и нос у Феликса собрался и вздернулся, как у собаки нюх при рычании.

Руся пристально смотрела на него, как будто пытаясь заглянуть за пределы сказанного. Она понимала, что возражать нелепо, однако и согласиться не могла. И не заметила, что нахмурилась и губы капризно изогнула.

— Тех людей уже никого нет — зачем же?... Дети и внуки? Но ведь все они жили и живут под законом. А просто знать, что судил и расстреливал Иванов или Блюмкин — всего лишь дополнительная ненависть. Только ведь ненавистью зла не изживешь, — Руся говорила и видела, как заострились его скулы, глаза щурились, а крылья ноздрей напряженно застыли. — «Ого, сколько в нем гнева... или накипь родительская... впрочем, реакция естественная. Люди в гневе, и выхода для гнева нет», — как-то уж слишком бойко заключила она, не сознавая того, что это уже для оправдания не реакции, а смутившего ее человека.

А он заговорил торопливо, с пришепетыванием, как будто боялся не успеть высказаться, доказать, убедить; голос его даже срывался — и тогда он по-стариковски заглатывал слова.

— Только слабые или больные могут так рассуждать. Да, конечно, для женского сердца такое, наверно, и свойственно, и простительно, но ведь мужчины и по природе своей дуэлянты — к барьеру, сударь! — Феликс и руку манерно вскинул, однако лицо его обмякло, и даже улыбка скользнула по лицу: — Нет, Руся, уж позвольте иметь собственное мнение. Зло тогда и опасно, когда оно скрыто или когда покрывается. Свобода и права человека — прежде всего!

— Права нации... — тщетно попыталась вклиниться Руся.

— Надо знать, раскрывать, и даже мертвых за уши вытаскивать, чтобы все видели и знали — вот он! — и лились слова так легко, так складно, как будто заученная речь. И можно было подумать, что он играет. — Только так избавишься от золотухи. Преступление должно быть раскрыто и наказано. Ненаказанное преступление против человечности рано или поздно начнет плодиться и расплзаться, так что повторится в худших вариантах. Без гласности и открытости злодейства не искоренить. А потом — поруганное достоинство!.. Впрочем, что я — с тенями воюю! Никто и не возражает, а я воюю. — Он достал из кармана сигареты. — Ты не будешь против?.. Прошу, если желаешь... О, это ведь не какая-то вонючая «Ява» — это международная классика!.. Все равно нет... Честно, я и не люблю курящих женщин — они неуправляемые, врачи без границ, чадят до тошноты, так что за год, за два насквозь прокуриваются. Хотя элегантно закурить — это даже стиль... Разок я уже был здесь, в Архиве. Где «шлепнули» — я уже знаю. Только я потребовал целиком дело. Хотя вряд ли...

— И все-таки нельзя согласиться, что зло искореняется злом...

— Позвольте, Руся, извините, об этом я вовсе не говорил. Я о раскрытии преступлений. А зла как такового нет, есть поступки. Ведь человек обладает своей волей... И если разоблачать, то, понятно же, не с палача и даже не с судьи, если таковые имелись.

— Пожалуй — не с палача, — согласилась Руся, теряясь в сети его округлых слов...

Вот так и познакомились. Но познакомились поверхностно — даже телефонными номерами не обменялись, даже не прояснили, кто чем занимается и что собою представляет. Ну, Руся, ну, Феликс, но даже без фамилии.

И тем не менее, у обоих сложилось мнение друг о друге, хотя и поверхностное.

А Руся смутилась, так что не могла думать и рассуждать. Уже тогда, возле Архива, и после, вспоминая Феликса, она посмеивалась и над его кожей в замках, и над серьгой в ухе. Но стоило мысленно представить его в более достойном виде — Феликс преображался. И тогда Руся в сердце своем тихо восклицала: «Господи, неужели он?!» И однажды ночью, объятая трепетным волнением, она тихо опустилась на колени перед иконами и до утра молилась со слезами — о нем... А утром бабушка встретила ее в жестком креслице, облаченная во все монашеское — это была уже и не бабушка Вера, а инокиня Серафима.

2

В свои девяносто лет бабушка еще была в состоянии позаботиться о себе — одеться, застелить постель, принять душ, приготовить обед; правда,

последние три года в храм на исповедь она уже и не охотилась — дойти и выстоять службу не было сил. Но связь с храмом оставалась прочная: не проходило двенадцатого праздника, чтобы мать Серафима не причащалась, а в Рождественский и Великий посты не соборовалась. Она и до пострига была немногословной и замкнутой, и до сих пор оставалась неподкупной и неуступчивой в своей правде. А то, что она с утра облачилась в монашеское — что-то значило... О, это черное облачение, оно так возвеличивает! И у внучки обмирало сердце при виде инокини Серафимы! И эта седая прядочка волос, выбившаяся из-под апостольника, трепетная и вечная!

Бабушка давно уже отцвела: глаза ее посветлели, полиняли, лицо обрело пергаментную хрупкость и глянцевитость чуточку голубоватого оттенка, вокруг глаз проступили розовые выюнки кровеносных сосудиков; края рта обвисли и губы полиловели; видела она хорошо, с очками легко читала, и в старческий маразм никогда не входила. Худенькая и как будто воздушная, в облачении она предоставлялась уже не земной.

Вот и сошлись старость и молодость — бабушка и внучка — последние пятнадцать лет они и не представляли, как смогли бы прожить друг без друга.

— Руся, — негромко напомнила о себе бабушка. Внучка подошла под благословение, поцеловала бабушку в щеку и сказала:

— Ты наверно уже молилась?.. Тогда отдохни, а потом и решим, как быть... Я скоро.

И Руся затворилась в своей комнате.

Комнаты их в одно окно каждая были узкие и высокие. И бабушка с внучкой не без основания называли их келиями. Только разгородка между ними была такая, что даже тихий голос молитвы достигал слуха.

Чем дольше жила мать Серафима, тем чаще она вспоминала свою теперь уже прожитую жизнь, тем реже возмущалась на что-либо или негодовала. Заслужили. По грехам. На все воля Божия... Она всегда любила и высоко ценила своего господина, отца Бориса, которого так нагло арестовали и расстреляли. Но даже и тогда она не возмущалась.

— За грехи, за отступничество, — повторяла не раз на расспросы детей и внуков. — Отец Борис и сам понимал это лучше других. Он и священником стал, чтобы за церковь, за правду постоять. Вот и пострадал...

Наверно так. Родитель отца Бориса, протоиерей Петр, уже до революции сбивался в обновленчество, выступал за свободу совести и за церковные реформы. Он и февральский переворот приветствовал, а когда спохватился — было уже поздно: началась массовая стрижка голов — красный террор. Примирился в конце концов отец Петр с новоизбранным патриархом, но так до конца и мотало его из крайности в крайность.

Тогда-то и восстал против поругания церкви и совести сын, Борис. Юрист по образованию был он рукоположен во иерея и всего себя отдал борьбе с обновленчеством. И молодая жена его, бабушка Вера, с детьми на руках никогда не укорила мужа за воинственное подвижничество. Они знали, что конец их близок, и еженощно ждали этого конца и молили Господа, чтобы устоять. И они устояли. Но это была и плата за грехи.

И осталась двадцатисемилетняя вдова с четверыми, и об одном она Бога молила, чтобы не выгнали из комнаты на улицу.

Бог милостив — не выгнали. А вот из четверых детей двоих раньше времени схоронила.

После войны вскоре приняла тайный постриг.

Дети так и возвращались с ярлыками «враги»: образования не получили и от веры, наверно из страха, отошли. И только под старость лет сын образумился, обратился к вере. И преставился, пособоровавшись и причастившись. Остались внук, старший, и внучка — Руся. Внук давно уже самостоятельный семейный человек, а вот внучка прижилась возле. И так-то скоро поднялась и повзрослела — просто жаль, досадно, что так скоро: окончила исторический курс в университете — занята своим делом, но и церковь любит... «Все остальное приложится, — спокойно думала бабушка Вера. — Христиан прямо не гонят за Можай, не убивают. А чего еще-то! На земле прожить — с горки на саночках скатиться. Девяносто прожито — как один день».

3

Обычно отец Николай, по занятости и старости, не приходил к назначенному времени, задерживался на час-полтора. Но на этот раз не прошло и четверти часа после оговоренных двенадцати, как в прихожей зазвенел звонок — и матушка Серафима встrepенулась:

— Это батюшка... Руся, Руся, поторопись, открой дверь... И как же это — не встретили, ведь с ношей.

— Ой, отец Николай, Бога ради, простите — не встретила, думала — задержитесь! — приветливо расплескалась Руся.

— А я вот он какой — и не замедлил, — невнятно пророкотал отец Николай. Матушка Серафима перекрестилась и, придерживаясь за подлокотник креслица, поднялась навстречу.

И у батюшки глаза выцвели, но был он еще на ногах: служил в храме, ходил и ездил на требы и был счастлив тем, что уже полвека окормляет свою неприхотливую паству. И конечно же на удивление — все свои годы оставался клириком одного прихода.

В теплой куртке поверх подрясника, в меховой шапке, батюшка степенно переступил порог, седой и доброжелательный, и жилье в одно мгновение обернулось храмом... Сейчас он благословит матушку Серафиму и ее внучку, облачится, отслужит соборование, исповедует и причастит матушку Серафиму, поздравит с принятием Таинств; все вместе они помолются перед святыми иконами — и старики уединятся побеседовать о таинстве смерти, а Руся накроет на стол — полуденный завтрак. И сядут за неторопливую трапезу — и тут уж о чем только не пойдет речь!

Все так и протекало. Только на этот раз и Руся исповедалась. Уж в чем она каялась перед Господом, только отцу Николаю известно. Когда же исповедь кончилась, батюшка благословил ее, поцеловал в голову и сказал:

— Погоди об этом, рано еще...

А уж о чем — «об этом»? — не ведомо.

За столом повела разговор матушка Серафима:

— Вот и мы теперь знаем, где покоится отец Борис — в Бутове, батюшка, в Бутове... И места ведь все знакомые, я там и сестру похоронила, справа по железной дороге... Руся в архиве и узнала.

— В Бутове, говорят, духовенства зело много. И митрополит Чичагов там — земля новомучеников. — Отец Николай поднял отяжелевший взгляд и горестно покачал головой, — Надо бы, пока силы есть, побывать...

— Вот и я хотела... Не побывать ли нам вместе — отслужить бы панихидку по отцу Борису? И землицы горсточку взять... Вот ведь где место нашли убийцы... прости их, Господи.

— Можно бы и панихидку... Да только там как-то иначе бы... Там ведь и крест воздвигнут и освящен храм во имя новомучеников, и поминаются все убиенные на бутовской Голгофе...

— Господи, слава Тебе, — матушка Серафима коротко перекрестилась, слезы выкатились из ее глаз. — И все-таки надо бы панихидку.

— Будешь в силе, матушка, так и посетим... Там ведь и патриаршая служба теперь ежегодно — в четвертое воскресение по Пятидесятнице. Литургия с молебном и водосвятием... Господи, а я и сам не бывал там. Едут кто помоложе...

— Батюшка, а вот с соусом грибным, — предложила Руся.

— Изрядно к посту... Вот и собратъся бы.

— Нет, отец Николай, не по моим силам такое паломничество. Мне бы панихидку скоренько — и домой...

Руся наблюдала за ними с улыбкой: старые люди, они жили особой жизнью — в значительной мере внутренней. Оба высказывали только часть задуманного, все же остальное проговаривалось внутри себя — и даже губы их продолжали беззвучно двигаться. И казалось, старики говорят условной речью и понимают друг друга до конца... Человек, видимо, устает не только жить, но и говорить устает, поэтому и уходит в мысли свои — так легче, так естественнее... У бабушки время от времени тряслась правая рука, и бабушка тотчас откладывала ложку или вилку и левой рукой сдерживала трясущуюся ладонь, прикрывала блеклые глаза и беззвучно усмехалась. Причем всякий раз после своих «потрясений» она меняла тему разговора.

А отец Николай любил говорить длинными фразами, задумывал долго, но уже на пятом-десятом слове глаза его заплывали веками: он еще продолжал сбивчиво говорить, но его уже охватывала мгновенная дремота, голова клонилась и вздрагивала — фраза обрывалась. И только губы еще что-то говорили... Устал. И можно понять! Этот старик, трудно проживший свои семьдесят восемь лет, поднялся к ранней службе до шести, и теперь вот до полудня не отдыхал и кроме причастия ничего не вкушал, если уж только просфору. И вот, вкусив горячего, его и клонило на отдых. Он живет, говорит, ведет беседу вполне разумно, но и дремлет — отходит, отдыхает. И когда через час он поднимется из-за стола, то уже отдохнувшим — и даже будет выглядеть бодрым... Если же ему предлагали прилечь на диван, он тотчас открывал глаза и, повторяя: «Ждут, ждут меня», — поднимался из-за стола и начинал собираться в дорогу.

Добрые старики. И Русе бывало радостно ухаживать за ними, угождать им. Ели они мало и неразборчиво: что подставишь, то и едят. Зато во время постов оба любили мятую картошку с грибным соусом. И так это запросто кусочками хлеба и в тарелках соус соберут.

Но о чем бы они ни говорили, а к смерти человеческой непременно обращались. Не то чтобы обязательно к личной смерти, а к явлению земной смерти вообще. И трудно было молодой душе понять рассуждения уходящих, бесстрастные рассуждения о смерти.

— А сколько, отец Николай, лет нашему Патриарху?

— За семьдесят, а сколько за семьдесят — уж и не помню.

— Молодой еще — поживет...

— Поживет, куда денется... Вон у нас отец диакон — и сорока пяти не исполнилось...

— Да, на все воля Божия. Каждый ведь для чего-то... Вот и я: определю Русю — и меня Господь призовет.

Отец Николай добродушно усмехнулся:

— Мать Серафима, а ведь не ты за ней, она за тобой. Как определишь?

— Так, отец Николай, да только ведь и яйца курицу не учат.

— И я уже дважды свой срок определял, а Господу и не угодно. А теперь матушку проводил — и мой черед, хотя и пожить еще могу. Господи... Служить тяжело бывает — дышать трудно...

— Вижу тут во сне отца Бориса, без возраста, но в облачении — улыбается и кивает рукой. Стало быть, скоро.

— Так ведь не за горами, а за плечами...

И наверно затянулся бы и на этот раз разговор о смерти, не вмешайся Руся:

— Батюшка, хотела бы я посоветоваться с вами.

— Что же мешает? — отец Николай и голову вскинул. — С кем же тебе как не со мной и советоваться! Я ведь и крестил тебя, и исповедую никак лет пятнадцать.

— Да пора и самой решать такие вопросы...

— О, самой и есть самой! А без Бога ничего и не решишь, и я сам не решу, а с Богом и решим.

— Да вот пошла я справки наводить, где дедушка... навела — в Бутове. А дополнительно ничего не узнала. А люди, более умудренные и опытные, говорят, что надо бы узнавать не только г д е, но и к т о — кто доносил, кто следствие вел, допрашивал или пытал, кто приговор приводил в исполнение...

Подозрительно глянул отец Николай: помолчал, прикрыв глаза, и вяло спросил:

— Это ведь не тебя надоумило, стало быть, и не твое дело — зачем тебе, Мария? На земле время, а на небе Господь и рассудят... Те люди уже дважды перед Господом предстали. А вот мать Серафима все еще жива, значит, так Богу угодно. И какое ей дело, кто расстреливал отца Бориса! Ясно, послушники сатаны. Царя нашего, страсотерпца, расстреляли — известно кто. А поджаривает других — вон как они метались с подложными останками! Внуков поджаривает, и еще семь колен будет поджаривать. А там, глядишь, и суд Божий. Все и рассудится.

— Вот и я так понимаю, отец Николай. Но ведь нераскрытое зло обернется двойным злом. А гласность — это и есть борьба со злом.

— Ах ты, красавица моя!.. Лукавый-то хитер: он тебе и свободу и равенство подольстит, гласность и права человека определит, да только все это в крови и утопит — и гласность окажется ложью, и права человека — национальной кабалой, а уж о свободе и равенстве и говорить нечего: свобода — в Бутове, а из равенства всего-то и вышло, что женщину в рабстве уравнивали с мужчиной да семью разрушили... Таковую ли свару на этом дознании можно заварить! И придут вместо одного семь — и поселятся. Общие недуги этим не излечишь.

— Вот и будем страха ради иудейского головы под подушки прятать, — возразила Руся. — Или мы безропотные овчи — остается хрипеть, когда горло перехватывают? Вот и коммунисты ушли без суда — палачей даже по имени не назвали. (Отец Николай дремал.) А ведь можно назвать — потребовать доступа к архивам! Чтобы и сегодня все знали — и от людского не уйти суда... Вот один энергичный человек взялся...

— Так ведь то энергичный!.. Узнать можно, хотя и не так это просто сделать — ворон ворону глаз не выклюет. Не выдадут, а если и выдадут — с подлогом. — И отец Николай безнадежно отмахнулся, не всей рукой, а лишь ладонью. — Приволье бесам, когда народ обуяло безбожие. Вот и мутят: сначала порасстреляли, а теперь разборку устроить, чтобы опять же в расход... Ах, Маша, Маша, в том ли дело — узнать! Цель какова — для мести?

— И все-таки это наша слабость, уступка врагу — молчать.

— Может быть, и так может быть, — отец Николай беззвучно засмеялся, — да только ни в чем не разберемся до тех пор, пока к власти не придут национальные православные кадры. Можно ли сегодня одолеть беснующиеся средства массовой информации?! Никак... А они в известных руках.

— Да я и не призываю стрелять по ним...

— А почему бы и нет, если обнаружится палач? Око за око... Ты посоветоваться хотела, вот я тебе и советую: узнала место погребения дедушки — и успокойся, и ни в какую разборку не лезь.

Руся так и вспыхнула, на лице проступили розовые пятна, но этого старики не заметили. Она представила Феликса на своем месте и подумала: «Ну, тот не поддался бы, настоял... Вот иметь такого мужа — всю жизнь под защитой проживешь. Только мода у него «крутая», а это ведь о чем-то говорит»...

— Что мода? Без моды мир не проживет. В монастырях и то встречаются модники. — Отец Николай, похоже, уже отдохнул: он распрямился — и глаза его окончательно проснулись, и голос окреп. Вот сейчас, казалось, он поднимется со стула и начнет собираться, приговаривая: «Опаздываю, опаздываю». Однако без заявки батюшка вдруг заговорил о моде. — Если мода служит естественным дополнением к образу и подобию — ничего предосудительного. Вот и Мария — модно одевается и со вкусом: не осуждать же ее за моду... А ведь другая так и сверкает ягодицами, или в штаны еле влезет и пупок оголит. Господи, прости и за такое одичание... Нет, это не мода — это окончательное падение нравов. А ведь сказано в Святом Писании: «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок перед Господом Богом твоим всякий делающий сие». Облачилась женщина в мужскую одежду — и в пороки облачилась, как же: следующий шаг табак, спиртное, сквернословие, разврат. Руся захлопала в ладоши и засмеялась:

— А я-то, когда еще в институте училась, думаю: почему бы, как только какая перейдет на джинсы, так и курить потянулась...

— А как же — иной образ! — равенство.

— А вот у нас в отделе солидный молодой человек, ну, весь обтянулся кожей в замках и еще в каких-то бляшках, и в ухе серьга, но как будто и человек неглупый и добропорядочный, кажется...

— А как же все-таки — добропорядочный или кажется?

— Я и не пойму, батюшка, кажется... вот и опять «кажется».

— В таком облачении, прости, в такой жеребьячей сбруе он и всегда будет — казаться, как привидение, как оборотень.

— Прямо уж и оборотень! Мода модой, а человек — особо.

— Так не бывает, а если и бывает...

— Не слишком ли заговорились? — посмеиваясь, напомнила мать Серафима. — Чайку-то ведь мы не попили...

И вспорхнула со своего места Руся: и включила остывший чайник, и убрала со стола посуду, и стол насухо вытерла, и выставила чайные чашки, голубые, с восточным орнаментом, и сладкое к чаю, а пока наливала заварку — и чайник закипел.

— В молодых-то руках все живо, — заметила бабушка, и точно в знак согласия рука ее затряслась.

Чай пили молча, торопливо — для отца Николая время вышло. Руся оделась проводить батюшку; а мать Серафима, оставшись одна, встала перед иконами, но вместо молитвы заплакала. Ей вдруг представилось, что человек, обтянутый кожей, с серьгой в ухе уже похитил ее внучку, потому что внучка в смущении.

2. НА КРОВИ

Немногим больше узнал в архиве и Феликс. Все дело состояло из четырех страниц стандартного бланка. Внук и раньше знал, что его дед Клим работал на Лубянке, но кем — толком и в семье об этом не знали. И вот теперь выяснилось, что работал он старшим следователем. И первое, что напрашивалось в форме вопроса: «А за что же его, своего-то, расстреляли?» И еще не совсем понятное разночтение: именовался Феликс Трояновичем, однако дедушка по делу проходил как Троян, Клим Осипович. Дед Троян, а сын и внук — Трояновичи, причем с ударением на «я». Надо было узнать фамилию прадеда, но о нем не было иных сведений, кроме того, что звали его Осипом.

И все-таки в душе что-то дрогнуло — кто же он такой, Клим Троян? Откуда свалилась такая фамилия?.. Феликс считал, что Трояновичи — давние выходцы из болгар или сербов. Но ведь Троян мог выйти из Армении и откуда угодно. Тем не менее, Трояновичи — коренные москвичи с Арбата. А дедом, считали они, можно гордиться, ведь это был человек власти. Одно то, что семья расстрелянного не претерпела гонений, напротив, всегда ощущала поддержку сверху, — свидетельствовало о посмертном уважении Трояна. Дети врагов народа с трудом могли получить высшее образование и вовсе не занимали номенклатурные должности, но отец, Николай Климентович, своевременно окончил МИМО и всю жизнь служил на Смоленской. И только к началу перестройки, после своевременной смерти бессменного Громыко, положение Николая Климентовича пошатнулось, но не настолько, чтобы унывать... Однако в середине девяностых годов безо всякого повода отец мирно скончался — во сне. Поговаривали, что отравился, но экспертизу не проводили.

Первая жена у отца была хилая, детей от нее не было — она и умерла лет сорока. От второй жены, Клары Ормаш, и родился Феликс, поздний и единственный ребенок.

У каждого времени свои герои: дедушка — герой Гражданской войны. А уж что он там расследовал и как — это даже не интересовало никого. Феликс не без оснований догадывался, что отцу вся история с дедом была доподлинно известна. Однако отец молчал, и ушел, так и не раскрывшись. Стало быть, нет и нужды знать подробности.

И все-таки потянуло в Бутово.

2

И на этот раз Феликс выглядел круто. Правда, штаны на нем были не кожаные, а джинсовые; куртка, хотя и кожаная, иного, весеннего образца, легкая, и замков и бляшек было меньше, зато от груди к плечу, как у штабиста аксельбанты, свисали на вид тяжелые белые цепи, и на поясе справа цепь. Остроносые на высоком утонченном каблуке туфли. На шее пестрый платок, а длинные волосы перехвачены резинкой.

Приехал он, как и хотел, пораньше — люди еще не сошлись и не съехались. Зато было много молодцев с Петровки. Узнать их легко — гладкие, верткие, спортивные. А те, которые званием повыше, объединяясь, беседовали между собой чинно и степенно. Уже и в дороге Феликс заметил, что по обочинам угнездились менты с «говорильниками» в руках, откуда истекала руководящая информация. Он даже усмехнулся: «Меня, что ли, берегут!» Не подумал, что кроме него по тому же асфальту поедут епископы, митрополиты и Патриарх.

После Москвы в зелени Бутовского полигона воздух был прохладен и свеж. Дышалось легко. «Вот ведь как хорошо здесь», — первое, что подумал Феликс на площади полигона. И чтобы, наверно, утвердить себя, он крепко притопнул туфлями по асфальту, так что, показалось, шпоры на туфлях звякнули; и петровские молодцы лениво оглянулись в его сторону. Подойдя к одному из них, Феликс спросил:

— Скажи, начальник, а где это здесь по-ударному работали гопчики с Лубянки?

— С какой голубянки?.. Какие гопчики?

— Не гони туфту.

— Говоришь, с Лубянки! А вон за дорогой ворота — в них и ныряй.

— А это что будет? — Феликс вскинул подбородок в сторону ближайшего строения.

— А это магазин и перекусочная...

— Предусмотрительно... А это?

— Это служебные здания: в одном управление — было, в другом — гарнизонка.

— А чичас?

— Чичас школа, музей и еще что-то. Вопросы будут? — Феликс предложил закурить и сам закурил.

— Нет вопросов — все ясенько, как по Далю.

— Вот и двигай по Булгакову, — и указал пальцем по направлению к воротам. — Лопату не взял с собой?

Глаза Феликса дрогнули, скулы напряглись — ишь, молодец!

— А что, понадобится?

— Да можно подумать, место подыскиваешь, — пояснил молодец.

— А я, знаешь ли, решил, кого-то из ваших присыпать надо.
— Крути педали...
— Десять.
— Что — десять?
— Вот и подумай — что? — И Феликс небрежно, как бы вовсе уже забыв о собеседнике, направился к магазину...

Нет, жил Феликс не напоказ, не рекламно, но по убеждению: сила, воля, характер, независимость в суждениях и поступках — все это было нормой с детства, так формировали родители и родовая память. И Феликс перестал бы любить себя, если бы чего-то испугался, перед чем-то оробел, если бы мог возразить — не возразил, не отстоял своего мнения, если бы сознательно унился до слабого и хилого. И это была его мораль. Жить беспрепятственно, не останавливаться ни перед чем. Он и институт не окончил потому, что и декан оказался из таких же комолых — они и сошлись лоб в лоб во всем человеческом упрямстве. «Я выше вас вместе с институтом», — сказал он декану и демонстративно хлопнул дверью, надеясь, что позовут. Не позвали. А теперь, если бы и позвали — не пошел бы. Знаний достаточно, чтобы властвовать, а диплом — можно купить...

Шагах в десяти от ворот на бетонной основе стоял памятный знак из светло-коричневого камня с надписью на нем: «В этой зоне Бутовского полигона в 1937-1938 годах НКВД-МГБ были тайно расстреляны и захоронены многие тысячи жертв политических репрессий. ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ.» Здесь же поблескивали две закрытых лампадки. Цветы. Слева в нескольких шагах сиротливый невысокий крест — без лампады и без цветов. Справа от знака стояли юноша и девушка лет по двадцати. Опустив головы, они как будто застыли; и только губы их что-то шептали да руки вздрагивали, когда они крестились. Казалось, обязали молодых так вот стоять. «Что это? — подумал Феликс. — Представление: шестьдесят лет спустя?» — и сощурился вдаль, оценивая окружающий мир: небо голубое, тепло, слева сплошняком деревья, справа оголенная территория и забор, из-за которого выглядывали очень ветхие крыши старых деревенских домов.

Вперед уводила узенькая гравийная дорожка. Совсем немного прошел Феликс, когда вдруг растерянно остановился: впереди возвышался высокий крест. Одинокий крест — и все. Общий, как Вечный Огонь. Но поразил даже не крест. Поразила, как показалось Феликсу, нелепая женщина. На ней было пепельное длинное платье, черная трикотажная кофта с белыми обшлагами и пояском; на голове темный платок с узлом на затылке. Женщина стояла на коленях перед крестом, выставив в сторону Феликса босые ноги. И Феликс, по лошадиному мотнув головой, стоял и с недоумением наблюдал за происходящим. «Какая-то фанатичка», — с усмешкой решил он и закурил. Наконец женщина поднялась на ноги, прихватила левой рукой туфли, стоявшие, оказалось, рядом, и побрела вглубь полигона. И показалось, что это само горе неуспокоенное. Феликс поморщился, покривлялся вслед женщине — и тотчас забыл о ней: братцев-арбатцев и голыми пупками не удивишь.

Крест высокий, метра четыре над землей, внизу обложенный камнями. И здесь надпись: «На месте сем будет сооружен храм в честь новомучеников и исповедников Российских...» Далее не прочесть — закрыто цветами. В песок у подножья креста воткнуты горящие свечи. И трепетно волнова-

лось на ветру беловатое пламя, и на глазах оплывал воск. Слева от креста за тропинкой длинный неширокий цветничок. И вокруг него горели свечи. Трое детишек, от двух до пяти, бегали вокруг, падали, помогали друг другу подняться, то и дело поправляя на цветнике свечи. Женщина, неподалеку сидевшая на земле, нестрого окорачивала детей, но они не разумели — были свободны и веселы.

Феликс покурил сигарету и рассматривал крест то сверху вниз, то снизу вверх. Люди подходили — крестились, вздыхали, охали, прикладывались к дереву креста, тихо переговаривались — и шли дальше, откуда доносился по усилителю монотонный голос чтеца... Подошли, наверно муж с женой — старики уже почтенного возраста. Оба в меру умственные и простенькие. Женщина обошла Феликса и пристроилась справа от него, мужчина оставался слева и все переступал с ноги на ногу, как будто не находил своего места, чтобы наконец успокоиться и перекреститься. В конце концов он вздернул на Феликса бритый подбородок и как будто улыбаясь сказал:

— Молодой человек, люди подходят к кресту, чтобы сокрушенно вздохнуть и поклониться убиенным, а вы заняли место и, простите, окуриваете сатанинским зельем.

— Михаил Федорович, — с укоризной оговорила жена.

— А что, Людмила Викторовна, или я что-то не так сказал?

Феликс сверху вниз смерил старичка и явно с издевкой сказал:

— Конечно, конечно, ботиночки надо снять и вот сюда на коленочки, — и отступил на шаг, жестом руки определяя место. Лишь на секунду задумался старичок — и вновь вздернул подбородок:

— Возраст не позволяет...А по существу, по этой земле должно быть стыдно ходить в обуви.

Феликс откровенно засмеялся:

— В таком случае на Новодевичьем на ушах надо ходить!

— Вы ничего не поняли, — тихо завершил старик. — Но в этом случае, простите, вам уже не поможешь. А на ушах можно, если уши барабанные. — И обратившись к кресту, он осенил себя дрогнувшей рукой.

Хотелось ответить так, чтобы враз и подмять, размазать, но Феликс сдержался — доска-то гробовая, на нее и наступать как-то нелепо или брезгливо. Продолжая курить, он пошел вглубь территории, бездумно и бесцельно. Каблуки острые, увязали в травянистой почве — и это было так непривычно после камня и асфальта, что представлялось: идешь по жидкой земле.

Отцветали вишни и сливы, яблони были в самом цвету. Под ногами солнечно тлели тяжелые цветы одуванчиков. То в одном, то в другом месте залиvisto пела неведомая птичка — и как-то не хотелось замечать разноромненную и бесформенную милицию, казалось, весь объект державшую в оцеплении. Смешили по две полоски на штанинах бесформенных. И Феликс все-таки задрался:

— А ведь положено на одной штанине одна полоска, а на другой две.

— Почему? — спросил в ответ молоденький носитель полосок.

— Как же! Раньше командовали: сено, солома, — а теперь: раз, два...

Отупело смотрел блюститель порядка, видать, не понял. Это были совсем молодые люди с пустыми невыразительными лицами — рабская сила, погонщики мулов.

«А что, если Бог? Ну, предположим. Подчинился бы я ему на земле?.. Нет, никогда. Даже с принуждением не подчинился бы. А иначе зачем я на земле... Пусть хозяйничает на небе, а на земле — я хозяин. На земле кто сильнее — тот и Бог! Все для прогресса. — Феликс как будто очнулся, почудилось, что ноги тонут в земле. — Быть не может! Земля давно уже просела, заняла свое место. Но какие-то ухабы и рытвины. Как будто сви- ньи здесь паслись десятки лет?». — Он остановился, потянулся было за си- гаретами, поднял взгляд и даже головой потряс — не наваждение ли: перед ним шагах в десяти поднималась с коленей босоногая женщина. Значит она и здесь молилась коленопреклоненно — на этот забор и на гнилые крыши домов за забором... И что это за дома, что за свидетели давно минувшего, да и где здесь эти братские могилы?.. Когда он отправлялся в Бутово, то представлял, что там — вот здесь! — для свидетельства раскрыто одно из захоронений, а все остальные отмечены могильными знаками. Увы, здесь, скорее, заброшенные сады да изуродованный пустырь. Не впечатляет...

Тем временем женщина уже поднялась и побрела дальше, вдоль забора. Феликсу хотелось окликнуть ее, чтобы увидеть — кто такая?! Но тотчас представились шальные глаза фанатички, он отмахнулся от нее рукой, повер- нулся и пошел в люди.

Уже издалека Феликс отметил, что и здесь процветает мелкий бизнес. «Едут кто за чем!» — Феликс усмехнулся. На складном столике в тени под деревом болтливая бабенка, видимо, на пару с заморенным мужичком, тор- говала мелкими книжечками, свечками, иконками на картоне, крестиками и шнурками — да и чего только на столике у нее не было!

— Ну, коробейники, бизнес идет! — сдержанно воскликнул Феликс, прихватывая со стола книжицу.

«Коробейница» на мгновение умолкла, прицелилась и холодно ответи- ла:

— Идет, и ты иди — не твоего здесь ума дело.

— И верно! — как будто удивился откровению и отбросил на столик книжицу. — Вон оттуда фотографируют, — негромко сказал он, указывая рукой на отдаленные кусты.

Сначала Феликс и не понял, что это за барабанчики выстроились. Не- сколько мужчин и женщин стояли вдоль тропочки с деревянными и метал- лическими ящиками на шеях. И лишь когда он прочел: «На восстановле- ние...», — все понял: просят деньги — кто-то для церковных нужд, а кто- то, наверно, и для личных. «Вот он, уровень, сам и определяется. Каждому свое, — как говорил Заратустра», — весело рассудил Феликс, с улыбкой приветствуя сборщиков податей:

— Паситесь, мирные народы...

Но «мирные народы» не отозвались. И Феликс продолжил свое про- движение.

«О, да здесь эстрада! Нет, театр греческий — для актеров и отдельно для хора!» — с непонятным восторгом воспринял он, осторожно подступая к священнику, исповедующему женщину. Женщина вытирала платком глаза и что-то невнятное говорила, а священник с бесстрастным выражением лица вряд ли что воспринимал из того, что говорила она. По крайней мере, так это воспринял Феликс. И когда священник возложил на голову женщины епитрахиль и перекрестил ее, проговаривая какие-то заклинания, Феликс

едва не воскликнул: «Вот дает!» А священник обратился к Феликсу, рукой приглашая к исповеди.

— Нет уж, меня увольте! — он так и вздернул голову. Но и эти слова священник как будто не воспринял — к нему уже подступила очередная женщина. И там и тут не менее пяти священников исповедывали — женщин. Феликс вглядывался в их лица — и все они представлялись ему ущербными. И невольно подумалось: «Все они униженные и подавленные властью — рабы»...

Между тем скоро ударили в легкий колокол — привезли Патриарха. И как черноморы невесть откуда пошли и пошли служители культа. Но из всех выделялся длиннобородый седой модник в изящно и броско украшенной митре. И сколько же их было! — ну, очень много. И когда они заняли помост-эстраду-алтарь, то так блистательно и парадно выглядели, что Феликс не нашел, с кем бы еще сравнить — Боярская дума!

Для хора был сооружен высокий клирос под навесом... Вскоре Патриарх в белом куколе в сопровождении служек взошел по сходням на помост. Раздался возглас. Женщина-регент взмахнула руками, хор запел — началась патриаршая служба. Люди прихлынули, сбились в гурт — явился пастырь и овцы узнали его. И тем не менее пастырь был на недосягаемом расстоянии, так что не мог пасомый тайно или открыто прикоснуться к облачению пастыря — он оставался более недоступным, нежели когда-то Сын Человеческий.

Люди крестились, люди подпевали, пытались повторять слова службы; в «алтаре» шло постоянное движение или передвижение, а Феликс, как и следовало ожидать, уже минут через пятнадцать утратил всякий интерес к происходящему, как он определил, театрализованному представлению — и вторично отправился изучать территорию. Но куда бы он ни пошел, всюду попадал на патруль с полосками на штанинах; путь преграждали — и тогда он вступал в разговоры, впрочем, которые и состояли из односторонних вопросов: «А что это за крыши за забором?.. А где конкретно захоронения?.. А почему здесь так много садовых кустов и деревьев?.. А почему вас так много?.. А в какие дни и часы работает музей?.. А чьи это за площадью дачи?..» И кому бы он ни задавал свои бесконечные вопросы, ответ получал один: «Не знаю». «Это, наверно, единственное, чему обучены полосатые», — решил Феликс и отправился в обход к церкви. Рубленая из бревен, она и всего-то шагах в тридцати была от хора, но подойти к ней прямо не было возможности — Петровка.

И все-таки к храму он пробрался, хотя внутрь и не проник, зато посмотрел на щитах возле храма фамилии расстрелянных служителей культа. Наиболее поразил перечень расстрелянных монахинь — все они старухи за шестьдесят лет! Уж они-то подорвать устои коммунистического режима не могли. Значит, расстреливали монахинь по принадлежности — и если бы в монастыре были дети, то расстреляли бы и детей... Может быть и дед расстрелян по какой-либо принадлежности?.. Именно здесь, возле именных щитов, впервые смутно и Феликс почувствовал и понял, что на Бутовском полигоне было совершено преступление — пострашнее любого Освенцима.

Когда же Феликс возвратился к дереву неподалеку от хора — ничего не изменилось: правда, микрофон у Патриарха испортился — сипел, «Боярская дума» по-прежнему то снимала митры, и тогда их держали в руках

служки, то вновь надевала и начинала передвигаться по «эстраде»; Патриарх и диакон что-то пели — и вторил им весьма слаженный хор. Словом, все по-прежнему — скука. И Феликс уже намеревался отправиться на поиски стакана вина или пива, когда, подняв взгляд, он едва не развел руки в стороны: впереди него за несколькими спинами стояла босоногая женщина — и теперь босоногая! И все та же спина.

Запели «Верую...», и фанатичка развернула голову в сторону хора. Феликс напрягся, вытянул шею, сделал шаг, еще шаг, чтобы виднее — и вдруг узнал архивную знакомку! «Как ее?... Ну, подруга, это уже мистика! — с восторгом подумал Феликс и ощутил, что сердце его забухало чаще. — Да, Ма-Руся! Ну, Руся, сама просишься... Да что там — это же судьба!» — И Феликс забыл обо всем. Он напрягся, желая, чтобы она ощутила его присутствие. Это показалось ему настолько важным и необходимым, что мускулы подрагивали от напряжения, и сердце раскатисто ухало в груди. То вдруг слезы подступали к горлу, то хотелось захихикать не понятно над чем и почему, то закричать дико и бессмысленно, а в итоге он лишь напрягался, поджимал губы, таращил глаза и вскидывал треугольный подбородок.

И Руся оглянулась — она тотчас узнала его: душа охнула, но молитвенное содержание лица не изменилось.

«Фа-на-тичка...А ведь она ничего!» — сглатывая горькую от курева и напряжения слюну, Феликс попытался улыбнуться, но не смог...С отсутствующим взглядом она вновь обратилась к службе... В душе Феликса кто-то застонал и завизжал, так что он даже оглянулся по сторонам — окружающие как стояли в молитве, так и стояли, значит, не слышали его внутреннего визга...И негодовало сознание: даже не поздоровалась, не улыбнулась, не кивнула — фа-на-тичка... так и стоит босая, боярыня Морозова. — Но визжавший захохотал: «Да не таких уламывал!» — Нет, эта не из тех. И все-таки она оглянется, и я уведу ее из этого театра; надо лишь разрушить ее фанатизм, заставить отвлечься... И вновь Феликс напрягся: на этот раз лицо его перекосилось — он отступил на несколько шагов в тень и сел на землю, обхватив ладонями голову, но между пальцами он видел спину Руси — и даже не понимал, зачем сел, зачем закрылся ладонями.

И Руся вторично оглянулась и наверно подумала: ему плохо, не удивительно — на крови. Или сердце? — она поспешно подошла к Феликсу и, склонившись, тронула, за плечо:

— Что с вами, Феликс? Вам плохо?

— Руся?! Это удивительно, как и тогда... Помогите мне, проводите отсюда — неприлично сидеть.

— Господи, — прошептала Руся. Помогла ему подняться. И он, выпячивая подбородок, выглядел больным. Поддерживая под руку, она повела его в сторону памятного креста.

«Вот и увел!» — похихикивал визжавший.

За спиной запели «Верую...», но трепетало в восторге сердце Руси от сознания, что оказывает помощь — ему!

— Спасибо, Руся, спасибо, — негромко повторял Феликс и мелко потряхивал головой. — Это у меня так, скоро пройдет...

Она оставила его возле большого креста, где сидела утром женщина с детьми.

— Куда же ты, Руся?! — рассеянно вскидывая руку, тихо окликнул он.

— Я сейчас, сейчас, — отозвалась она, хотя Феликс и сам уже догадался: за туфлями. С усмешкой проводил он ее взглядом и достал сигареты: вот и увел...

* * *

Музей оказался закрытым, объяснили, потому что в помещении школы приготовлена трапеза для духовенства. И Руся с Феликсом неторопливо и даже степенно пересекли площадь в сторону подъезда к храму.

— Жаль, что закрыт. Мне хотелось бы посмотреть. — Феликс говорил несвойственно мягко и даже печально, и голову нес осторожно, как актер на сцене в роли старика. — Ты говоришь: была в музее — и что же?.. Перчаточки палачей. А товарищ Ленин говорил, что революцию в перчатках не сделаешь. А эти, видишь, делали... Вот именные списки надо бы полистать... Голгофа — и Патриарх об этом говорил: русская Голгофа. Точнее бы — московская. На Руси таких голгоф не сочтешь... А что, борьба за власть — самая жестокая борьба: бьют темечком — и вдребезги... Масоны? А что масоны — сильные люди, мощная организация; а если у власти, то и правы... Царь — это пережиток. Да и куда как разумнее — президент! Все хоть будешь ждать, что и до тебя очередь дойдет... Помазанник? Так ведь и этого можно помазать!.. Атеисты, говоришь. Ну, сударушка, тут уж по Сеньке и шапка...

На развилке остановили — «петровка»: от храма медленно выезжал кортеж машин — на трапезу. В одной из иномарок на заднем сидении без занавески Святейший.

— Го-го! — гоготнул Феликс и помахал Патриарху рукой. В то же время Святейший благословил людей у обочины.

— Ты, Феликс, как другу машешь, а это ведь Патриарх.

Феликс так и стиснул челюсти, куда и недоумение делось!

— Что же я на колени должен падать?!

— Ну, не на колени, хотя бы голову склонить с почтением — и достаточно.

— Какое низкопоклонство — гнишь осина! Да это же не Господь Бог, не Папа Римский и даже не Сталин, но это власть — вот я его и приветствую как власть, открыто и просто...

И Русе показалось, что Феликс шутит — с подтекстом. А уверенность и крепость голоса понравились ей — характер! — и она улыбнулась ему...

На щитах фамилии дедушки не было.

Когда они вновь прошли на территорию полигона, Руся, морщась, склонилась, чтобы снять туфли. С усмешкой покачивая головой, Феликс сказал:

— А знаешь, я не буду тебя называть Русей — не звучит, я буду звать тебя Марой.

Руся снизу вверх глянула на него, скривила губы — и промолчала.

— А земелька-то ведь майская — можно и застудиться... Давай, Мара, найдем лопушки и привяжем к лапкам. А что — выход... Не можешь в обуви? Нет, я ничего — могу, только каблук вязнут... Сколько ведь завязи

на вишнях и сливах, а яблони как цветут — хорошо землянка удобрена... Ну, ну, ну, не надо пылить, Мара, я ведь не фигурально — неужели ты не видишь, что здесь были сады, и землю хорошо удобряли — она и теперь в силе... Ну, корешки, может, и достают, наверно достают. В таком случае удобрение для сверхчеловеков.

Руся нахмурилась, на мгновение остановилась, но уже тотчас повернулась и быстро пошла к выходу. В конце концов он придержал за руку — лицо ее было изломано горечью.

— Не могу, понимаешь, не могу! И как я сразу не догадалась! Вот, вот за дорогой дачи, их дачи, чекистов, а здесь были садовые участки после того, когда полигон закрыли. Господи, можно ли так! И они выращивали плоды на прахе и крови и поедали эти плоды! Как только не разъялись утробы! — и закрыла лицо ладонями, и как лист на ветру беспомощно затрепетала.

Феликс не успокаивал — он стоял отстраненно и гордо, курил сигарету и был как будто недосыгаем. И только когда Руся выплакалась, он сказал внушительно:

— А вот так нельзя. Это слабость, даже больше, чем слабость — ослеплённость. Надо запомнить на всю жизнь — раз и на всю жизнь! Как таковых зла и преступлений в мире нет — есть действие сильных и бездействие слабых. Абсолютное зло — это самообман...

Он и еще что-то говорил наставительно, но Руся не понимала его, то есть не воспринимала смысла сказанного — она воспринимала рядом с собой защиту, заслон; она горько плакала, не в силах понять, как это можно вот так делать и продолжать существование! И в то же время сердце трепетало в радости: рядом человек, который и позаботится и если надо защитит... А цепи «гусарские» — что цепи! Молодость — это все пройдет, если человек с Богом...

— А теперь домой, то есть в столицу — не правда ли, пора? — и взлетали игриво брови, и улыбка ласкала губы. — Все о'кей, Мара. — И он решительно стал поперек дороги и как циркуль вонзил ладонь в асфальт. Мягко накатившаяся иномарка затормозила. Феликс открыл заднюю дверь: — Мара, садись... Нам по пути — в центр.

Казалось, машина покачивалась на месте, мягко убаюкивая и успокаивая, — и никакой скорости, как в открытом море. Достаточно закрыть глаза, чтобы представить полет в бесконечность. И Руся закрыла глаза. И было вдвойне приятно, когда Феликс взял ее ладонь в свои ладони и гладил, легонько потряхивая. Вот так бы и ехать бесконечно. И вот что еще удивительно — ехали как будто без светофоров; и дорога, такая долгая в Бутово на перекладных, в Москву показалась короткой, как майская ночь.

Феликс достал из нарукавного кармана куртки триста рублей и передал водителю со словами:

— На Смоленскую.

Хозяин машины или водитель даже не глянул, что ему дали — сунул деньги в «бардачок», а Руся никак не могла сообразить, за что это триста рублей? Неужели за подвоз?! И ее возмутила такая расточительность. Феликс заметил это и, улыбнувшись, приобнял ее за плечо. И она не отстранила его руку.

— А вот возле «кабака» мы и выйдем — надо же и перекусить...

При входе в кабак висела небрежная табличка — на зеленой картонке мелком коряво выведено: «Полный обед 10-30 у.е.».

— Здесь и пообедаем, — Феликс рукой предложил пройти. Руся растерянно глянула на него:

— А как это понять: «Полный обед 10-30 у.е.»?

— Обед как обед — в условных единицах, — он сунул пальцы в другой карман куртки и вытянул зелененькие 50 долларов. — Оп-ля вот и пообедаем — вперед, Марочка!

Лицо ее напряглось, и вся она как будто остолбенела.

— Ты куда меня привез? Это что за обеды и для кого?.. Я обедаю по такой же цене, но в рублях, не в условных, в реальных. Зарплату получаю на четыре здешних обеда. И пока еще не опустилась до такого «кабака». Так что благодарю, — и пошла к подземному переходу, и ее покачивало и тоскливо мутило, и ноги, казалось, вязли в асфальте.

3. ДВЕ ОКРОШКИ С СУХЕНЦОМ

Матушка Ормаш уехала на дачу в Звенигород. Собрался вместе и Феликс, но неожиданная тоска остановила его. А затосковал он вдруг по Маре — и это после нелепого Бутовского паломничества... Вот и остался один в арбатской квартире. Арбатцы пока не знали об этом — надоедливых звонков с предложениями не было — и Феликс тосковал. Удивительная тоска, даже непонятная. Подобную тоску он пережил, когда еще учился в школе на Воровского. Очаровала дурочка из параллельного класса. Но тогда быстро все и утряслось — оказалось, что и дурочка была очарована: все и сложилось для начала у нее дома. С тех пор Феликс не тосковал — предсудительно, да и арбатские «внучки» были настолько послушны, что достаточно было позвонить, как любая из них расправляла крылышки и летела навстречу... А тут на тебе: старуха, фанатичка — и затосковал.

Правда, и о любви Феликс иногда думал, но не абстрактно, платонически, а через предстоящее физическое удовлетворение... Но здесь-то и вовсе не было предмета любви. А тоска была!

Есть номер телефона; казалось бы, чего проще — позвонить. Только чего бы ради — и у нее есть номер телефона. Иное дело, если бы она позвонила. Да и не ехать же еще раз в Бутово — делать там нечего. И к себе не позовешь — вдруг откажется, и осрамишься. Вот если бы сама пришла! Не придет...

Наконец нашелся и повод: реклама известила, что в Третьяковке открылась новая экспозиция Нестерова. Сам не пошел бы, а поводок хороший — не откажется... И уже как в затмении воображал, что ждет ее в гости: кружил по комнате — и все-то раздражало. Снял со стены обнаженных шлюх — непривычно стены ошетинились; убрал в ящик видеокассеты с порнухой — и как будто ничего не осталось; пустые коробки для «туфты» выставил в прихожую... Весь день и вел разборку, но так и не позвонил. А вечером подумал: «А в Третьяковку во что одеться?» И ведь никогда не думал, во что одеться, а теперь вдруг и подумал. Это уже непростительная слабость... И хмурился Феликс, и не находил себе места.

Позвонил арбатец-Крохобор: срочно — скопился товар. Не подумав, отказался. А это полтыщи долларов за пару дней и веселая тусовка.

Неделя, как испортилась погода: и дождя нет, а впору зимнюю куртку напяливать. И холодно, и холодильник пустой, и с дивана подниматься не хочется.

«А ведь это тоже слабость — обломовщина!» — Феликс резко сел на диване, решительно дотянулся до трубки и нажал номер телефона.

— Здравствуй, Феликс; слушаю тебя, — с усмешкой прозвучал как будто и вовсе незнакомый голос Руси.

— Привет, Мара. Почему ты решила, что это именно я?

— О, Феликс, я собралась в Третьяковку на Нестерова, а одной не хочется. Вот и подумала: хорошо, если бы Феликс позвонил...

— Да-а-а, — только и смог выговорить Феликс.

* * *

— Феликс! Не узнаю тебя! — нетерпеливо воскликнула Руся, когда они вышли из Третьяковки. Глаза ее прямо-таки горели, губы вздрагивали, как будто страсть ломала — и миловидность ее улетучилась.

— А что, хуже или лучше? — глаза его тонули в поволоке, теперь-то он уже владел собой.

— Да лучше, лучше! Начиная с костюма... и вообще!

— Ну уж если вообще, то простите, — и Феликс приник губами к ее щеке, но не грубо, не страстно, и она не отстранилась от него, не возмутилась, напротив, ткнулась носом ему в плечо.

Действительно, другой Феликс — и это не только потому, что на нем был добротный серый костюм, а на ногах обыкновенные туфли без высоких каблучков и шпор. Сменив платье, он как будто и сам преобразился. В нем появилось естественное добродушие и что-то еще...

— На свидание со мной только в таком виде! — так слишком прямо проявилось ее кокетство.

— Я послушный... Но сегодня я тебя не отпущу — обедаем вместе. У меня дома даже хлеба нет... Рублевый, рублевый — и готовят неплохо.

На двери кафе висела табличка «Обед 120-150 р.».

В крохотном зале кафе обедающих вовсе не было. Чистенько и аккуратно, но на стенах такая живопись, что после Нестерова хоть падай.

— Вот уж, все познается в сравнении, — Руся даже засмеялась. Феликс развел руки, изобразив понимание:

— Мне хотя Нестеров и не нравится, но никакого сравнения...

— Да может ли Нестеров не нравиться!

— Может... Здесь и спрятаться некуда. — Феликс оглянулся по сторонам. — А может быть сюда? — И он отвел рукой справа от стойки темно голубую портьеру. — Ага, вот здесь и пообедаем — один столик. Проходи, Мара.

При этом за стойкой дремавший амбал открыл ленивый глаз ради удовлетворения любопытства.

— Обеда сам готовишь? — спросил Феликс, когда амбал с полотенцем на плече вошел в каюту.

— Ни-и, — амбал усмехнулся сквозь зубы. — Поварки классные, я навар собираю.

— Молодец. Так вот, Сеня...

— Я не Сеня, я — Салман.

— Это все равно. Так вот, Петя, принесешь натурального кагора — без туфты! — две крошки с хренцом и сухенцом; мясное ассорти, гарнир овощной, двойное кофе с коньяком, мороженое с ананасом... А еще, еще — видно будет...

Салман прежде всего принес на тарелочке сигареты и зажигалку. При этом молча указал Феликсу на кнопку приглашения, и в дальнейшем не проронил ни слова и без приглашения не входил в каюту.

Здесь был мягкий диванчик, кресло и даже телевизор. Словом, приятного аппетита... Но вот что странно, как только вошли в эту харчевню, так и исчезло всякое желание говорить о Нестерове, хотя по инерции какое-то время еще говорили.

— У нас, действительно, все так загадочно, даже таинственно, что ли: сходимся не договариваясь — дошли уже до Нестерова, а друг о друге ничего не знаем. Где хоть ты учился? Чем занимаешься?.. Я-то что! Исторический окончила. Там же и работаю в секции русской истории. Даже не интересно.

— А у нас у всех пока *не интересно*. — Феликс вяло вскидывал голову, вытягивал шею, и в его облике обозначалось что-то женское. — Нам же не по пятьдесят. Я архитектурный окончил, а работаю и вовсе не по образованию — в японской фирме компьютерами занимаюсь... Поживем — поумнеем... В детстве? О, в детстве мне нравилось диссидентство, и когда меня спрашивали: кем ты будешь? — я отвечал: диссидентом. Я, знаешь ли, Мара, инако-мыслить люблю... Не знаю в кого. Отец всю жизнь работал на Смоленской...

«Странно, — думала Руся, — а мой папа даже техникума не мог окончить, говорил, близко не подпускали из-за отца».

— Ну, если инако-мыслить, то полбеда, хуже — инако-делать... А что, признайся, Феликс, Нестеров — это целый мир! Для таких художников отдельные музеи должны быть...

— Шагала — тоже, говорят, целый мир. Только все миры эти выдуманные... Да тот же Нестеров пытается возвыситься до героев хилость и немощность, а это — туфта... Что такое туфта? Грубо — ложь. Туфта — ну, что-то похожее, но не настоящее, как власть в России. — Феликс и ладонями поиграл. Но уже тотчас резко поднялся со стула, снял и повесил пиджак, предложил и ей снять глухую кофту на молнии. Поколебавшись, сняла — и оказалась в сарафане с вольным вырезом. — О, совсем красиво, зачем же красоту прятать! — Феликс повесил кофту и скромно поцеловал Русю в плечо — Руся так и вспыхнула, как будто пламенем обдало. Но Феликс сделал вид, что ничего не заметил. И как же хороша была Руся в этот момент! — Я люблю силу и власть. Есть вот такой художник Васильев — по мне он выше и Нестерова, и Шагала...

— В нем истины нет, он язычник.

— Он художник. — Феликс закурил. Руся поморщилась. Но запах дыма был весьма приятный, ко всему дым куда-то утягивало — как в трубу. — А вообще сегодня никому ничего не нужно... Да все, о чем мы можем спорить: книги, картины, архивы и любая, тем более, архитектура. Жвачное стадо требует жвачки, кроссвордов да еще, простите, секса... Затмение? Но ведь мы и живем сегодня в затмении, — Феликс смотрел на нее

вьедливо и откровенно соблазнялся, до тошноты хотелось страстно хотя бы поцеловать ее в губы. И Руся поняла это, почувствовала — нахмурилась, забеспокоилась, и наконец поднялась и надела кофту.

— Зябко что-то... А когда никому ничего не нужно, кроме жвачки и «спорта», — значит, народ болен. Как и отдельно человек — больному ничего и не надо, а поправится — так ко всему и потянется.

— Вот это, пожалуй, убедительно... Что-то Шурик забыл о нас. — Но не успел он нажать вызов, как Салман бесшумно принес и выставил на стол все необходимое.

Окрошка оказалась на сухом вине, и Руся поначалу не могла есть, однако Феликс подсказал как это надо делать — в прикуску с черным хлебом. И уже вскоре Руся даже пристрастилась. Тем более, и всей-то окрошки было полтарелки. Зато и аппетит разыгрался. Феликс подливал и подливал душистого кагора — и становилось легко и беспечно. Так что уже вскоре разговор велся обо всем понемногу и ни о чем. Определенная тенденция прослеживалась: все, что утверждала Руся, Феликс непременно разрушал при помощи скептицизма, усмешки, а иногда и при помощи грубого отрицания.

— Какой патриотизм? Патриотизм — несусветная дикость! Бред средневековый. Посмотри, что из себя представляют так называемые патриоты: зюгановщина да прохановщина — подсадные! Карманная оппозиция. И все! Другого нет.

— Извини, Феликс, я наверно не в состоянии разумно спорить — да и не хочется разумно. Только ведь какие же это патриоты — палачи России и поджигатели. И те и другие без Православия, без правой веры... Да нет же, это прямые разрушители патриотизма.

— Минуточку, Мара, минуточку. Я согласен с тобой — все это игра в патриотизм. Следовательно, русского патриотизма нет. А чего нет, того нет. Я и говорю: патриотизм — дикость несусветная! — и Феликс растянул рот в искусственной улыбке. — И так не только с патриотизмом...не воспринимай как личное, без обиды, воспринимай как предмет существующий — тут и вся архитектура. Я о вере, о христианстве. Тоже разрушение. Коммунисты сделали черновое дело — срезали сильный слой, осталась хилость недееспособная. Ведь думали, свободу предоставят — хлынет народ в церкви! Не хлынул. И теперь разрушение продолжается — не получилось бы так, как уже получилось с патриотизмом. Взрывают изнутри. И не хватает силы, власти.

— В немощи, Феликс, в немощи... — невнятно защищалась Руся.

— О, Мара, это сказки Венского леса!

— Может быть и так сложится при конце: и храмы будут открыты, а ходить в храмы некому будет. Сказал же Господь: придет Сын Человеческий, но найдет ли веру на земле...

— Во, во! — радуясь, согласился Феликс. — Он зря не сказал бы. Так что разрушение это будет доведено до конца. И тогда поднимется сильный человек вместо Бога...

Хотелось возразить, хотелось убедительно сказать, что религия и вера не выдумка, не чья-то прихоть, а сама жизнь, и никакие человеческие усилия не могут разрушить веру до конца, что жизнь — это не просто прозябание на земле, не наслаждения земные, а приготовление к переходу в

мир иной. И еще о многом хотелось бы сказать, но Руся как будто растеклась, расслабилась: ей было хорошо вот за этим обеденным столом, хорошо вместе с Феликсом, который теперь лишь пижонит, ради оригинальности отрицает, чего и отрицать нельзя. Сейчас он начнет говорить о техническом прогрессе, о науке, несовместимой с верой в Бога, начнет упрекать церковь за пассивность, а иерархов за их принадлежность к чекистам — и выложит несколько дремучих компроматов... Но ведь сам-то он с верой в душе, вот и в Бутове не случайно же пережил потрясение...

Все было очень просто: после окрошки «с хренцом и сухенцом» и нескольких рюмок кагора Руся попросту захмелела, даже сама не сознавая этого. И думала она не о том, найдет ли Христос веру на земле, а о том, что наверно пора бы выйти замуж, обзавестись семьей и оставить другим свои помышления о послушничестве...

И сигаретным дымом так дурманяще пахло, как будто ладаном в храме. И она вдруг попросила Феликса раскурить для нее сигарету. И Феликс, внутренне торжествуя, а внешне — в полном небрежении, раскурил для нее сигарету. И она впервые набирала дыма в рот и выпускала его над столом. А когда закашливалась, то тихо смеялась над своей неловкостью...

— Вера — это ведь не раз и навсегда данное, здесь тоже диалектика. Религия, как общечеловеческая культура — в развитии. Чем-то надо было обольстить человечество в детстве — чудесами, а теперь человечество повзрослело, набралось опыта — накормят чем-нибудь другим. Церковь — духовная власть, а без власти не обойтись... Но до сверхчеловечества миру, наверно, никогда не подняться... замусорились, а все потому, что человек слаб.

— Конечно слаб... Вот и я слабая, а тоже хочу подчинять — и тебя подчинить хочу.

— Мара, не надо — я покорный, сам подчинюсь!.. Знаешь, а я ведь думал, что у тебя только бабушка богомольная... Неужели ты ходишь в церковь, каждый день молишься?

Руся откинулась на спинку стула и засмеялась:

— Смешной ты — шутник! А ты что, разве не молишься?

И Феликс спохватился — занесло; и он тотчас ушел от темы, прикрыл глаза и развел в стороны руки:

— Прости, Мара, тема не застольная, в этом деле каждый ведь сам по себе.

— Молодец. Я так и подумала — все мы хотим выглядеть необыкновенными, бравыми, да только не каждый во время говорит: «Прости...» — и Руся поманила его пальчиком, и когда он склонился к ней — поцеловала его. Но и тогда Феликс сдержал себя — не ринулся с ответными поцелуями. Он наполнил рюмочки вином и предложил:

— За наше будущее...

— За какое? — рассеянно спросила Руся.

— За наше, за хорошее.

— Хорошее только там может быть. А здесь будущее — у всех одинаковое: в муках рожать, и в поте лица добывать хлеб.

— Ну, Марочка, — он взял ее руку и поцеловал в ладошку, — ты говоришь о рабском существовании. Сильный человек не должен оплодотворяться до упора и не имеет права заниматься черным рабским трудом.

— А куда же от этого денешься?

— Каждому свое... Для того и перестройка, чтобы было куда деться!.. При желании можно ведь добывать долларов по пятьсот в день...

— Как это?.. Могут наверно новые русские. За честный труд столько не дают.

— Вот и надо быть новым, а не старым. И не ждать, когда дадут, а брать!

— Феликс! — изумилась Руся и попыталась сосредоточиться. — Ты что — из этих, из нуворишей?! Или ты шутить? Только и шутить так не надо.

— Ма-ара, если за обедом не пошутить, когда же и шутить! — Он понимал, что его на каждом шагу заносит, но играть в покорного богомольца ему никак не хотелось. — Не волнуйся — не «из этих». У меня и машина — от отца, старая «Волга» — и та на приколе. На иномарку «зеленых» нет, а свою ремонтировать нет смысла — вот и остается одно: шутить... А не включить ли нам музыку, не велеть ли винца с мороженым?!

— Лучше уж с мороженым, чем такие шутки...

Так они и обедали: шутили, отшучивались. И она воспринимала его таким, каким хотела бы видеть и знать.

Обед завершился со смехом: когда уже собрались уходить, Руся не смогла подняться со стула.

— Феликс! Чем ты меня напоил — я не могу подняться! — и она громко смеялась. Хотя какой уж смех, когда пьяная. Феликс под руку вывел ее из кафе. Амбал уже приготовил машину, а Руся и в машине смеялась.

— На Старый Арбат, — негромко распорядился Феликс. И смех мгновенно пресекся.

— Феликс, — забористо проговорила Руся, — ты опять шутишь? Неужели ты так подумал? — И хозяину машины: — Не на Арбат, а на Плющиху.

— Но это же все равно — на Смоленскую! — усмехнулся водитель.

И только наутро Руся вспомнила, что и сегодня, и накануне — Петров пост.

4. ПРАЗДНИК, ПЧЕЛКА И МАТЬ СЕРАФИМА

Так уж было заведено на Плющихе, что во время четырех постов в году дважды в каждом из них причащались.

Причастилась Руся в четверг на страстной седмице. Думала и в Воскресение ночью приобщиться — не получилось. Но не получилось и в начале Петрова поста. Отложила на неделю, да и закружилась в суете. А велик ли Петров пост! Тут уж и праздник накатился — на час солнышко поубавилось. И опять же пришлось праздник на четверг — присутственный день, не отговоришься. Тогда и решила Руся схитрить — заболеть.

— Смотри, барышня, и впрямь заболеешь, — сказала бабушка и даже не усмехнулась. — Врать да хитрить не приучайся...

Насколько помнила Руся, а она и родилась, когда бабушке уже исполнилось шестьдесят пять лет, бабушка всегда была старая, мудрая и вела свой, независимый образ жизни, и никому даже не пыталась навязать этот «образ». Причем не раз рассуждала:

— Ого, у каждой блошки свои дорожки, а человека сколько ни по-нуждай, жить он будет по-своему или проклянет навязанную неволю. И не упредишь советом Божию волю. Споткнулся — воля Божия, поднялся — тоже Его воля. Нам только бы волю Его исполнять по заповедям, а уж пути Господь определит... Все хорошие до революции были, а как выпало испытание, так друг друга и начали поедом есть. Вот и спасайся сам, не поучай других...

Нередко Руся казалось, что установки бабушкины устарели, тянутся они из XIX века, наиболее страшного для России... Но так она думала пока училась в институте, ходила в библиотеки и архивы — готовилась к экзаменам. И как же, помнится, она удивилась, когда познакомилась с выводами профессора Введенского, проводшего опрос, чтобы выяснить причины безверия русской интеллигенции до начала Первой мировой войны. Ведь оказалось, что девяносто пять процентов опрошенных высказались о религии отрицательно, даже враждебно.

— Все правильно, — сказала тогда бабушка, — слишком много внушали и агитировали, а себе позволяли все. Спасись сам... Вот оно и то самое...

— Так что же делать, если и заболеть нельзя? — с усмешкой подумала Руся вслух.

— Делай что возможно. Сходи на вечернюю, исповедуйся, заодно и спросишь — как быть?

На службу договаривались вместе. И Руся позвонила накануне.

— Нет, — ответил Феликс, — график недельный я не стану ломать, заиграны деловые люди. Да и не приучен я вечером, пойду утром пораньше, чтобы день не разрушать. По четвергам выходные не делают. Звони. Бай, бай, — и повесил трубку.

«Боже мой, какая бездушность, — тогда же подумала Руся. — Неужели такова жизнь — такая занятость». — Весь день она хмурилась, но Феликса все-таки оправдывала: «А что, он пойдет утром, а я не могу утром, если не врать; я иду вечером, а он вечером не может — вот и все... И все-таки надо бы соврать, заболеть, чтобы вместе. Мы ведь ни одной литургии не отстояли рядом. Но как заболеть, когда здорова — идти в поликлинику?...» — Вот так и кружила на одном месте и не замечала, что уводит себя от церкви, запутывает след, чтобы и не найти дорогу к храму. Ведь если идти, то исповедоваться! А исповедь через отца Николая и сбивала ее.

За годы Руся привыкла легко относиться к исповеди. Часто она не знала, в чем каяться — и об этом говорила отцу Николаю, на что батюшка посмеивался и ворчал:

«Праведница, без греха... Святые до последнего дня каются, а у тебя, видишь, и грехов никаких». — И он начинал задавать вопросы, на которое она и отвечала с грехом пополам. И тем не менее никаких сложностей с исповедью Руся не знала: ну, поленилась, забыла, пожадничала, кому-то грубое слово сказала — и отец Николай накрывал голову епитрахилью и, повторяя разрешительную молитву, благословлял к причастию... Правда, случалось на исповеди разговор заходил о делах и мыслях стеснительных, и хотя разумом Руся понимала, что исповедуется перед Господом, раскрываться перед батюшкой было не по делам стыдно.

А вот теперь отвечать надо было по делам.

Но ведь в чем-то, наверно, и Феликс был прав, когда говорил:

— И поп не ангел, такой же человек, с женой, с детьми — тоже грешный. И наверно о грехах своих нередко помалкивает... С Богом вы общаетесь как по мобильнику: вот и покайся без посредника. Пережила, пересилила — себя возвысила, сильнее стала, характер укрепила...

А однажды он и вовсе рукой махнул:

— А по мне бы так и вовсе никаких исповедей. Дожил до старости, поумнел — тогда и кайся за дела земные, за грешные. Ну, как этот, разбойничек на кресте, под завязочку — вот и свобода воли!

Тогда Руся и сердилась, и смеялась над невежеством и ячеством Феликса, теперь же вдруг и рассудила: «А ведь есть в этом что-то и разумное...».

* * *

Впервые в храме она чувствовала себя одиноко; впервые смущала раздвоенность; впервые не хотелось глаза в глаза встречаться с отцом Николаем; впервые во время поста она не стремилась к исповеди; впервые усомнилась — она как бы отошла в сторону, смотрела со стороны и размышляла: *а как — можно ли без всего этого?..*

Но обошел отец Николай с каждением храм, чтобы бесы не лезли и не смущали; запел хор; молодой диакон с поставленным голосом красиво огласил ектенью — спокойная служба набирала полное дыхание, вовлекая и объединяя молящихся. И Руся облегченно вздохнула.

Она любила вечерние службы. И не только потому, что в храме обычно бывало свободнее, меньше зевак и оглашенных, нравилась своей неторопливостью и сама служба, нравились песнопения, предваряющие тайну Евхаристии, и освящение елея и хлеба, и общее елеопомазание, и неспешное исповедание — все настраивало на молитву, успокаивало и умиротворяло. Руся и теперь в умилении начинала погружаться в молитву, но как-то скоро рассеивалась и отвлекалась.

Как обычно в это время года в храме было много цветов — тяжелые пионы и садовые ромашки изумительной красоты.

Руся стояла перед иконами Спасителя и Николая Чудотворца, а еще правее — иконы Казанской Божией Матери, Серафима Саровского Чудотворца и более позднее обретение — икона блаженной Матренушки. И всюду цветы; и большой букет возле аналая с крестом и Евангелием.

Рядом впереди молилась женщина лет пятидесяти. Была она не одна, видимо, с внучкой. Девочка маленькая, годика три ей: худенькая, как тростиночка, с крупной по-детски головой в беленьком платочке, большеротая и курносая. Глаза у нее были такие проворные — всюду успевали. Впрочем, и сама девочка была не только проворная, но наверно и неутомимая. Нет, она не шумела, не бегала по храму, она кружилась вокруг бабушки, летала, не задевая никого, никому не мешая, не вскидывая вверх взгляда.

«На кого же она похожа?» — рассеянно думала Руся. На ней какие-то круглые башмачки, широкое пестрое платье с короткими пышными рукавами, перетянутое пояском. И когда девочка в какой-то момент подлетела к большому букету пионов, все стало ясно — это Пчелка! Она по запаху искала цветы — и нашла! Она зарывалась носом в каждый цветок. А у

цветов, которые подвiali, хрупкими пальчиками она расправляла лепестки и, расправив, опять же ныряла носом в цветок... Затем Пчелка полетела к другому букету, затем к другому — и все повторялось.

Лишь один букет ромашек с метельчатой зеленью оставался необследованным — возле аналая. «Неужели она его не видит или запах не тот?» — уйдя как будто в иной мир и наблюдая оттуда, восторженно и заинтересованно думала Руся. А Пчелка «прогудела» рядом, обогнула бабушку — и напрямик к аналою. Ткнулась в одну ромашку, во вторую, поправила третью — или что-то не понравилось, или много было цветов, но Пчелка развернулась — подолом платища накрыла часть букета! — и полетела к бабушке. Она сразу поняла, что случилось: в глазах ее и на лице отразился такой страх, такое отчаяние, что казалось — сейчас она безумно закричит. Но девочка обхватила ладошками голову и побежала к бабушке, когда уже за спиной звякнула ваза — и не разбилась! — и потекла под ноги вода. Бабушка поймала внучку за руку, склонилась к ней и что-то сказала.

«Неужели она сказала, что Бог ее за это накажет!» — в душе воскликнула Руся. А девочка запрокинула голову, лицо ее перекосилось, губы буквально затрепетали. Но ни звука не проронила, как будто она и плакать не умела, и не было у нее человеческого голоса. И вокруг никто не проронил ни слова. Тихо появилась женщина в халате, которая обычно дежурит возле храмовой иконы. Она подняла вазу. Тряпкой собрала воду в ведро, вытерла пол и тихо вышла через боковую дверь. Пчелка, обхватив ногу бабушки, в страхе наблюдала за происходящим... О чем она думала, чего боялась, чем жила? Даже предположить было невозможно...

«Вот и у меня будет такая Пчелка, и я стану приводить ее в храм, и она тоже будет летать и нюхать цветы», — рассеянно думала Руся, а в голове все плыло и путалось, и вся служба церковная как будто оборачивалась в сновидение — на душе было дремотно и безразлично...

В какой-то момент Руся вздрогнула, подняла взгляд — возвратилась в реальность.

Поразила тишина. Оказалось, шло елеепомазание: юноша алтарник на серебряной подставке держал сосуд с освященным маслом, батюшка опускал в елей кисточку и ставил крестик на лбу каждого, кто, приложившись к иконе Петра и Павла, подходил к помазанию. И Русе показалось, а это, наверно, так и было, что отец Николай пристально и даже тяжеловато смотрел на нее, следил за ней.

«Вот сейчас подойду и батюшка, точно, скажет: «Оставайся, Мария к исповеди». — И что я? Оставаться? Но не могу же я ему все сказать. И врать — не могу... Нет, надо отложить. И что-то изменится. И тогда — тогда не надо будет ничего говорить, и врать не надо. А сейчас уйти без помазания, не подходить — и уйти... Матерь Божия, Владычица небесная, прости меня бестудную. Ведь не школьница пятнадцатилетняя, крошки с вином нахлебалась — во время поста!.. А можно в другой храм ходить — да как же это так! И везде грех нераскаянный так грехом и останется...А если в другом храме раскаяться, а потом снова сюда? Господи...»

Она медленно отступала к выходу, и когда уже перекрестилась на алтарь, к помазанию бабушка подняла свою Пчелку... Девочка кулачком быстро-быстро растерла масло на лбу. Затем вскинула ручки и, что-то мыкнув, начала ими жестиковать — глухонемая!

Руся с возгласом застонала: «Господи, за что ее так! За какие такие грехи?» — И заплакала, и вышла из храма.

* * *

— Пчелка, Пчелка, ишь какая Пчелка — цветы опыляет... Ну так что же, что глухонемая? Вот и будет счастливая. Не родись красивой... А за чьи грехи — за родительские или за свои несовершенные — кто же на этот вопрос ответ даст, кроме Господа? — Мать Серафима сидела в кресле, и рука ее плясала на подлокотнике. Говорила она неспешно, с паузами, и вовсе не смотрела на внучку. Она смотрела на лампадку перед иконами, и в размытых глазах ей казалось, что это не лампадка, а сияние от иконы Спасителя. — Да ты и сама об этом лучше меня знаешь. Слава Богу, самый цвет человеческий. И с образованием полным, и литературу святоотеческую с детства имаши... Почему девочка глухонемая? А ты вот мне как-то говорила, что молодежь сегодняшняя очень уж часто левой рукой пишет. Попробуй-ка скажи — почему? Видать, корежит; разум помрачает — и на то есть причины. А понять — не по нашему разумению... Мне мой папенька часто рассказывал о праведном Иоанне Кронштадском. Дважды он бывал у него с покаянием — едва в народниках не оказался. Так батюшка ему перстами по голове стучал — прямо и говорил: кайся и проси у Господа прощения; простит — и разум твой на место повернется... Все по грехам. По грехам и теперь нас истребляют, а остатки вымирать будут — и заметь, во все времена XX века никто не возмутился таким истреблением, и теперь не возмущается никто. Не то чтобы смелости не хватает, разум застило — а это уже наказание Божие...

— Ну что ты хлюпаешь носом?.. Пчелку жаль... А мне вот до сих пор убиенных в 1993 году жаль. А ведь так за должное и приняли. Разума не хватило за преступление счесть... Я хоть и родилась до переворотов, только вся моя сознательная жизнь прошла при Советах — и до сих пор Советы; вот и этого не разумею...

Руся не слушала рассуждений бабушки, не воспринимала ее слов. Да и какое ей дело до того, что и как было почти сто лет назад? — все это уже достояние истории. И как историк по образованию она могла дать оценку столетней давности, охарактеризовать прошлое, но и только. А уж как бывшее ложится на сегодняшний день — это зависит от нравственного состояния нации. Индивидуально же достаточно сознавать, что и прошлое, и сегодняшнее, и будущее — все это единый неразъемлемый процесс. И ясно, Пчелка в этом процессе не исключение... Но почему страдает ребенок!..

— Да я тебе не раз обо всем этом говорила: итоги своей жизни я давно подвела и выводы сделала: грех вечен — и народ целиком никогда не исправишь. Даже Господь Бог не может грех исключить, поэтому и прибегает к общей встряске: Потоп, Содом и Гоморра, Вавилон, разрушение Иерусалима, крушение империй...

Матушка Серафима как будто улыбалась, губы ее вздрагивали, только вся она была уже отрешена от этого мира. Руся посмотрела на нее и спокойно подумала: «Если еще год проживет, то и слава Богу, — и тотчас удивилась: — Почему же о смерти я думаю так спокойно, а о Пчелке живой плачу?»

— Мы слишком далеко отошли или отступили от Бога, утратили общение и понимание. Мы переключились на веру: есть Бог или нет Бога — вот и вся наша вера. А ведь это так мелко и примитивно. Есть или нет — об этом и таракан запечный знает, а мы в достоинство человека возвели. Наша вера по сравнению с апостольской — иная вера. Мы пытаемся веровать в то, что в апостольские времена являлось аксиомой. Они веровали в Богочеловека, в явление Мессии, Христа Спасителя, а не в существование Бога. В этом и принижение наше, отсюда и беды...

— Если веровать, то уж хотя бы в праведность дел Его. Все на земле свершается по воле Божией. Стихийные бедствия, моры и глады, войны и революции, гонения и террор, Чернобыли и наводнения, болезни и уродства — все это даже не следствие личного греха, а напоминание о падении нравов... Вот и Пчелка твоя может быть и не за чьи-то грехи, а как напоминание — помните... Или в наущение кому-то, или в окорот. А может уродись Пчелка в полном здравии — такой была бы... На таком вот языке с нами и объясняется Господь: нам остается веровать и знать, что все на земле по промыслу Божию — наша задача понимать этот язык, делать правильные выводы. Пишут левой рукой, уродливо изогнувшись, вот и надо понять, что за этим, что неугодное Господу мы творим, почему нас корежит? И так во всем — от войн до Пчелок... Пчелка что, Пчелка — напоминание, а с тобой-то что происходит? Почему из храма как оглашенная убежала?

— Ничего не происходит... Почему не исповедалась? Я же говорила, мне завтра с утра на работу.

— Можно бы на час и позвонить, задержаться.

— Можно — все можно.

— Ничего, значит, не случилось? Ну и то слава Богу... А ты, случаем, не понесла?

И Руся задохнулась от неожиданности и растерянности.

— Ба-бушка... Или я уже давняя роженица? Для этого надо сначала замуж выйти!.. И с чего бы ты так решила?

— Ничего я не решила... Устала вот... Помогите лечь.

5. АРБАТ — ПЛЮЩИХА

Нет, это не Старый Арбат! Старый Арбат сначала разрушили, потом перестроили. Это уже новый Старый Арбат — от Праги до Смоленской площади. Такого Арбата Москва не знала.

Совсем казалось бы недавно по этой чудом уцелевшей улице ходил трамвай. Неуклюже, с бряканьем звонка и скрежетом колес вкатывался он в гулкий коридор малоэтажной улицы. И очень тесно было здесь транспорту и людям между двух рядов небольших и тем привлекательных магазинов.

Но началась так называемая перестройка... Тогда еще школьница Руся бегала с Плющихи на Арбат — посмотреть: а что там делают? Улицу перекопали глубокой траншеей: укладывали бетонные трубы, что-то бетонировали — и так целый год разворочено, и еще год мостили заново всю улицу, устанавливали в два ряда нелепые фонари. Полагали, что положили вечную гранитную брусчатку, но оказалось — цементные ляпухи. В первый же год «ляпухи» начали лопаться, крошиться, так что теперь Арбат до новой перестройки будет щербатым от Смоленской площади до Праги.

Тяжело идти по Арбату — на каждом шагу надругательство над людьми, над Москвой, над Отечеством. И особенно кощунственно выставлены Пушкин и его жена, Наталья Гончарова. А ведь это даже не московская улица — это центральная сточная канава. И какими только фигурами и харями не обставлены ее обочины: и жирные уродцы-чучела рекламы, и живые ряженные зазывалы; и Путин в спортивном облачении, и пестрая корова, и образ международного воителя под триумфальной аркой, и от конца до конца малеры — портрет за полчаса, сотни карикатур и уродцев... И вот в этом канализационном шалмане — Пушкин и Гончарова. И мало того, что примитивная бездарная скульптура поставлена едва не на асфальт, так ведь еще и дешевое поблескивание материала — под золото. И каких только низменных сцен не увидишь возле — здесь и алкаши, и бомжи, и иностранные туристы фотографируются рядом с гордостью нации — дома они будут смеяться над русским идиотизмом. Так что невольно понимаешь: поставили для позора — для унижения и Пушкина, и русского народа, потому что сам народ и оскверняет национального гения. Господи, и даже некому возмутиться! Поистине: *паситесь мирные народы...*

Проходя по Арбату, Руся старалась не замечать всю эту пошлость. Но ведь даже если в шербатую «брусчатку» смотреть, то и тогда пошлости не минуешь. Через определенное расстояние дорога выложена плитками с надписями, адресованными любовницам, любовникам, женам — «как хорошо, что мы встретились и женились — я тебя люблю»; послания от различных организаций, обращения к высоким и низким персонам. И по этим «дорожным эмоциям» ходят и даже плюют под ноги — это особый шик Арбатской канализации.

А это что?.. О, это ходячие рекламы: девочки лет по пятнадцати зарабатывают деньги — со щитами на груди и спине: «Цезарь Палас. Ночной клуб. Ресторан. Стриптиз». Господи, что будет с ними? Да не с Цезарем и Стриптизом, что будет с носительницами рекламы — в лучшем случае тоже будут демонстрировать стриптиз.

А это что?.. Гадание по руке — «Судьба на ладони. Синтез астрологии, нумерологии и каббалы». Вот отсюда и закабаление наше... А если вы не доверяете живому гаду — суньте ладонь в пасть гипсовой маски, и вашу судьбу поведаст механический маг, то есть магнитофон.

И от конца до конца торговые палатки. Торгуют чем угодно: деревянными матрешками и шкатулками, цепочками, медальончиками и всякими сувенирными поделками. А еще старыми тряпками советского образца: от генеральских мундиров со звездами на погонах и колодками орденов до солдатских шапок и ремней из Чечни — и это тоже для унижения национального достоинства.

Поют уличные барды — бренчат на гитарах, бьют в ударники.

И художники, художники на детских стульчиках — и готовая продукция развешана рядами.

«Скупка и оценка золота, икон и прочего антиквариата!»

О, здесь все продается и покупается — здесь продают совесть и Россию...

А это что?.. И не успела Руся понять, какие свершаются сделки, как на нее налетел рослый, достойного вида молодой человек в «моловских» очках. И голос у него был приятный, и только говорил он очень уж тороп-

ливо и складно — и кого-то напоминала его речь, но кого — так и не смогла понять Руся.

— Наконец-то!.. Простите, все старые люди идут, а нам хотелось бы помоложе для кадра. Вы замужем, у вас семья?.. Ну, значит собираетесь замуж — заметно! — у вас и жених есть?.. Вот и прекрасно. Мы журналисты-дипломники, а сейчас выполняем заказ рекламы. У вас телевизор есть? Вы смотрите ТВ-6?.. Жаль. Не проблема — к соседям сходите. Сегодня в 19 часов 20 минут. Вон оттуда ведут съемку — чердачное открытое окно! — С этими словами молодой человек извлек из объемного пакета коробку с нарисованной на ней кофемолкой. — Вы по утрам пьете кофе?.. Ничего, муж будет пить — до чая дойдем. Короче, без туфты — вот вам от фирмы кофемолка. Посмотреть хотите? Откройте упаковку и посмотрите! — И Руся посмотрела — кофемолка новенькая, США, и шнур на пломбе. Пожала недоуменно плечами и усмехнулась: что это за Санта Клаус среди лета? — Я надеюсь, вы любите кухню по-женски — красивую, удобную. И у вас нет кухонного комбайна. Простите, мы, русские, считаем, что это роскошь — дорого стоит. Но вы становитесь обладательницей суперсовременного кухонного комбайна! — и передал из рук в руки объемистую коробку. — А это миниатюрная соковыжималка для любых фруктов и овощей — достаточно сделать переключение! — и положил очередную коробку на коробку комбайна в руках Руси. Потом еще коробка и еще. Когда же он извлек из пакета электрический пластмассовый чайник, о каком Руся давно мечтала, она начала нервно похихикивать. — О, у чайника стеклышко вылетело! Но в мастерской при вас поставят. Впрочем, минуточку, — и он окликнул: — Марик, смени чайник! — от группы молодых людей повернулся Марк, с мобильником в руке, с безразличным, как будто сонным лицом.

— Все. У тебя последний комплект — кончай уговаривать...

— Да вы мне хоть объясните, в чем дело? — воспользовалась паузой Руся.

— Без сомнений, девушка! — и молодой человек растянул в удивлении как будто резиновый рот. — Сколько, думаете, все это стоит?.. И не угадаете — дорого, долларов триста. Фирма «Арбат» проводит очередную рекламную интервенцию через СМИ, а мы у них — исполнители заказа! — и молодой человек начал брать и вновь укладывать товар в пакет: шесть необходимых и изящных предметов — мечта любой современной кухни. — И все это я вам вручаю бесплатно... Простите, но мы все-таки заинтересованные лица. Ко всему шефствуем над Пушкинским домом ребенка — сиротки там всякие. Поэтому желательно, чтобы и вы сделали взнос в это доброе дело. — Он смотрел прямо и улыбался, хотя улыбка и была — тоже резиновая.

— И сколько?

— Не пугайтесь. По сравнению с приобретением совсем немного — пятьдесят баксов, тысячу и пятьсот рублей.

Какие-то цифры, подсчеты зашуршали в голове...А у нее и денег полторы тысячи — рубль в рубль, зарплату! получила. И решили робость и стеснение: не показаться бы скупой. Какие тут сомнения... Руся улыбнулась.

Не считая она отдала ему зарплату, он передал ей пакет с техникой, пожелал удачливого мужа — и они разошлись,

Уже на Арбате явилась очень простая и убедительная мысль: «Если это такая дорогая безадресная реклама, они могли бы рекламировать на своих родственниках и знакомых». Сомнения смутили, но товар в руках... И только дома, раскрыв коробки, Русяхватила, что нет ни одного паспорта, ни одной инструкции. При включении в сеть ни один агрегат не работал.

В мастерской объяснили, что вся эта техника отбракованная и ремонту не подлежит.

* * *

Вечером ждали в гости Феликса. Бабушка давно хотела посмотреть на него. Она полагала, что знакомство зашло далеко, так что не муж ли будущий.

И Феликс пришел взаправду: с цветами и с громадным тортом.

Дверь открыла Руся...

Затруднительно сказать, что это за дом был до революции. Как в бараке через весь этаж простирался широкий коридор, по обе стороны комнаты — большие, метров по тридцать пять квадратных. Такую комнату и занимала бабушка. Но у нее перестройка свершилась намного раньше, сразу после войны, когда уже подросли дети. По личной договоренности из одной комнаты соорудили две и прихожую-столовую с боковым окном. А кухня была общая, коммунальная. В прихожей большой шкаф для платья, для посуды небольшой шкафчик, стол, стулья и холодильник. Отсюда открывались двери и в комнаты. В обеих комнатах были книги, старые кiotы с иконами и подвесными лампадками. «Это наши с тобой келли», — с доброй улыбкой не раз говаривала бабушка...

— А это я! — подняв руки с тортом и цветами, не то удивленно, не то восторженно на пороге провозгласил Феликс. Он поцеловал Русю в щеку и передал ей цветы. — А это бабушке — для лучшего знакомства.

И бабушка невольно запосмеивалась:

— Я, сударик, в таких размерах давно уже не потребляю. Да и обхожусь без тортов и без поцелуев — одряхла до стеснительности. А познаться — пожалуй: я — Вера Сергеевна.

— А я — Феликс.

— Вот и ладно для начала... Повесь свой пиджак на отдых и садись к столу, внучка будет поить нас чаем.

Тем временем Руся поставила цветы в вазу и, смущенная, суетливо обставляла стол. Ведь этот визит, казалось ей, почти на предмет сватовства — по неволе смутиться.

— А знаете, — озираясь, Феликс даже поднял вверх палец, — я впервые вижу двухкомнатную уютную квартирку, перестроенную из одной комнаты; и как архитектор доложу вам: недурственно!

— Голь на выдумки... — и Вера Сергеевна вздохнула сокрушенно, наверно припоминая пережитое. «Господи, — думала она, — постарше бы ей мужа, хотя бы лет тридцати. Выдать, да и на покой. А цепочки-то крестика нательного у него не видать... Дедушку его в чем обвинили? Может к отцу Борису и ходил на исповедь... Плохо я что-то вижу — вот и цветы черными кажутся... О-хо-хо, шестьдесят пять лет вдовой живу. Для чего-то Господь продляет мне жизнь. Грешная, люблю землю...» — И как обычно в последние годы мысли уносили ее в далекое теперь уже бывшее. Но это только

по годам было далекое, а по чувствам и все-то минувшее происходило как будто вчера — радости и горечи в душе и те не перегорели, волновали и тревожили. И единственное, что утомляло и напоминало о земной маяте, так это изношенность брэнного тела.

Все уже было на столе, даже — торт разрезан, а Руся все что-то переставляла, перекладывала — и со стороны легко было угадать, что она умышленно тянет время. И бабушка чутьем, видимо, поняла это.

— И что ты, Руся, все хлопочешь. Прочитайте «Отче наш» и садитесь. — Придерживаясь руками за край стола, она поднялась на ноги. — Феликс, у нас уже давно мужского голоса не звучало.

— А я, знаете ли, от волнения могу начать заикаться. Доверим это дело Маре.

— Да не сказать, что из робкого десятка... И что это за Хмара?

— Вера Сергеевна, не Хмара, а Мара, от Маруся, ведь вы зовете ее Русей — так что стараемся не отставать от старших! — парировал Феликс, и в то же время на лице своем изображая недоумение, адресованное Русе: что же ты молчишь, декламируй как хочешь — я не буду. А Руся, опустив глаза, смотрела на цветы в вазе и рассеянно думала: «Какие же яркие цветы — красота какая, Божественная красота — так и смотрела бы...И не пойму, хочу ли я за него замуж...хочу Пчелку и сына...»

— Что же вы молчите, как воды в рот набрали! — кротко возмутилась бабушка, и без дальнейших слов враз изменившимся голосом, слабым и надтреснутым, прочла молитву и, осенив крестом приготовленную трапезу, села. Во время молитвы Руся, перекрестившись, откровенно улыбалась. А Феликс стоял прямо и напряженно, и глаза его, округлившись, тоже были напряжены, а ладони рук плотно прижаты к бедрам.

«Нет уж... Хилое племя. Вот уж кому не понять радости сильного — подчинять и властвовать... Аккуратнее с ними. Ничего не обещать. Старуха, наверно, из ума уже выжила — возьмет, да и спрячет головку под крыло... Эта перетерпит, очень уж ей замуж хочется...Как скучно живут люди. Уж куда дальше — даже экрана нет...»

Бабушка, похоже, все поняла: вот сейчас она переведет дыхание и скажет что-то веское и решительное. Однако нет — спокойно и добродушно она спросила:

— А ваши, Феликс, наверно, все на даче?

— На даче! — Феликс и руки развел. — Только всех — одна мамаша Ормаш. Мы вдвоем.

— И все?... Что ли родни нет?

— Нет, — и голос дрогнул, ему вдруг стало жаль их с мамашей. — Никого.

— Вот ведь как вырождаемся, — сделала бабушка вывод и принялась за еду. Но есть она давно уже не хотела и тотчас попросила налить чайку. Пока ели, легко позвякивая вилками и ложками, отвлеклись от смущения, и настроение восстановилось — у каждого свое.

Руся с Феликсом негромко переговаривались, посмеивались, а бабушка с улыбкой поглядывала то на одного, то на другого. Ко всему, видимо, она жила и своей внутренней жизнью, потому и вопросы задавала непредсказуемые.

— А куда же мамина родня рассеялась? — спросила, как если бы родню отца она уже провидела.

— Мамина?.. Она у меня из венгров — Ормаш; были дедушка с бабушкой, но еще кого-то в Москве не осталось... А ведь и вашу родню потрясли?! — Феликс и глаз прищурил, и рот приоткрыл как будто на полуслове.

— Потрясли, — согласилась она. — Я и говорю: вырождаемся — два внука, два правнука.

— Вот и у нас — один внук и ни одного правнука, пока...

И вновь бабушка подремывала или отрешенно смотрела в неведомое пространство, а внуки о чем-то негромко ворковали.

— Феликс, а ты какого храма прихожанин?

Феликс растерялся, но на мгновение:

— А я где удобнее...

— И на исповедь, где удобнее?

— Без исповеди. А правда, говорят, что Чехов венчался с Книппер вот здесь, на Плющихе?

— Говорят.

— В Бога не верил, а венчался!

Бабушка с улыбкой прикрыла глаза и покачала головой:

— Не знаю, веровал он или не веровал, да только писать так без веры он не смог бы. Лермонтова и в демонизме обвиняли, а он молитвы в стихах писал...

«Ушел от ответа, ушел! — мысленно восклицала Руся, и глаза ее поблескивали. — Да как ловко! А она уже и забыла...»

— А дедушку убиенного в чем обвинили?.. Где он у вас служил, работал где?

— Отец умер — не сказал... Но по всему дедушка юрист. Возможно, при МИДе, вот и отец всю жизнь в МИДе служил, на Смоленской.

— Сын-то репрессированного! — изумилась бабушка. — Из какой же вы фамилии?

— Трояновичи мы.

— Троянóвичи? — переспросила она.

— Тогда бы из евреев, а мы, похоже, с болгарами связаны — Троянóвичи...

И вновь молодые отвлеклись. Начали было про арбатское жульничество, но тотчас заговорили о том, кому же все-таки на Арбате скульптура под триумфальной аркой — Окуджаве с физиономией Мандельштама или это все-таки собирательный триумфатор?.. И Феликс весело смеялся над триумфатором.

А Вера Сергеевна дремала, но губами все же что-то перешептывала, и наконец после долгого молчания все так же неожиданно сказала:

— Дедушку Климом звали?..

Феликс от удивления вытянулся и пожалуй механически ответил:

— Наверно Климом, если отец мой — Николай Климович.

— Так ведь он тогда не Троянович, а Троян... Лично-то нет, не знала. Неужели расстреляли?! И когда же?.. В тридцать восьмом — ну и ну... И башмаков еще не износила — и года не прошло. — Горькая усмешка изгибала ее губы. Она нахмурилась неожиданно, прерывисто вздохнула и тихо сказала: — Устала, проводи меня, Руся, лягу... А вы сидите, сидите — не смущайтесь.

6. ВНУКИ АРБАТА

Все лето не было ни мух, ни комаров. Одни говорили: сухо — погода жаркая; другие, может, более сведущие или шутники, посмеивались: «А в рентгеновском кабинете мухи и комары водятся?..»

Подруга приглашала в отпуск на Волгу, уверяя, что там и комаров, и мух достаточно. Но все складывалось так, что не до Волги. Феликс, хотя и по-мужски нелепо, предложил помолвку, то есть подать заявления на регистрацию брака. И это вдруг развязывало все желания — Руся напряглась. Ведь ни ее, ни его матери ничего об этом не знали. Вот и решили: подать заявления — и тогда оповестить родителей. Однако и подача заявлений день ото дня откладывалась: то лень, то некогда, то устали, то — отложим до завтра. В конце концов все-таки договорились:

— Не бомби, Мара, не бомби... слушай, что я тебе скажу, не бомби, — тягуче гудел в трубке Феликс, как будто не знал, что говорить. А Руся покусывала губы, чтобы не сорваться — какое-то детство! — До двух я занят. После двух мне надо привести себя в порядок? Надо. В три часа и встретимся на Арбате. До четырех управимся — и поедем на дачу к мамаше Ормаш... Кстати, если у тебя есть время, купи натурального кагора, а то за городом может и не оказаться... Ну что ты молчишь?

— А как же — соображаю: куплю бутылку и буду дефилировать от Смоленской до Праги — где-нибудь пересечемся. Думай, что говоришь — где хоть встретимся?

— Прости, Мара, прости — пары из-под крыши выходят. Ты хоть почувствуй немного... Значит, в три возле Сэма... нет, возле коровы... нет, возле Триумфатора. Не сердись, Мара, до встречи...

С грустью и досадой улыбнулась Руся: «Господи, мужчинам некогда... А что же нам делать? Бежать бегом или сидеть и ждать у моря погоды?.. Как-то бабушка с подтекстом сказала: не беги, а то ведь и упасть можно... Что-то она молчит и даже хмурится. И она тоже ничего не знает».

Дверь была открыта. Бабушка сидела в кресле, опустив на колени Евангелие. Окно открыто, сквозняком легонько раздувало занавеску... И досадно было видеть человеческую старость и беспомощность. А ведь и она, мать Серафима, была сильная и волевая. Оставшись вдовой врага народа, растила детей — и никогда не жаловалась на трудности, не сетовала на судьбу, настойчиво напоминая: «Без Божией воли ничего не свершается. И глупцы не те, кто в жизни ошибается, а кто не берет в расчет жизненный опыт, не извлекает из бед уроки».

— Ну что ты на меня смотришь, Руся? — не шелохнувшись и даже не поведя в ее сторону головы, сказала бабушка. И Руся молча вошла в ее келью, присела на скамеечку возле ног. Обе какое-то время молчали.

— Бабушка Вера, ты что-то все молчишь и хмуришься — или я что-то не так делаю, или в чем-то виновата?

— Все мы виноваты друг перед другом... Ты давно взрослая, а я все так за тебя и беспокоюсь.

— А ты скажи мне, что тебя беспокоит?..

— Сказать, это все равно, что ничего не сделать... Да и как угадать, к месту ли придутся слова. Нельзя наобум вмешиваться даже с советом — это может оказаться наперекор Божией воли... Вот я и молюсь, чтобы Господь

направил тебя по правому пути. И это все, что я могу. Ты не меня слушай, а Бога. Его чаще и вспоминай... Мы ведь в лесу — в любое время заблудиться можем. Вот и молюсь, чтобы ты не заблудилась, а уж заблудишься — вызывай... Господь и решит, как помочь, — внятно проговаривала бабушка, а сама все охватывалась да ошипывалась, точно умирать собралась.

— Ты как будто все что-то ищешь — и не находишь?..

Бабушка рассеянно посмотрела на внучку и усмехнулась:

— И правда, ищу — и не нахожу. Стало быть, и искать нечего. А хотелось бы удостовериться...

— Бабушка! — воскликнула Руся. — Может я и поищу, и найду?!

— Нет, Руся, — покорно возразила бабушка и положила дрожащую руку на голову внучки. — Ты уже нашла. Только бы не заблудиться, не упасть... Ты о Боге не забывай.

* * *

Руся долго и тщательно собиралась. Она никак не могла подобрать кофточку по цвету. Шутка ли, предстояло подавать заявление в ЗАГС и ехать для знакомства к мамаше Ормаш. Не заявляться же дурнушкой!

Замужество для Руси представлялось не просто сожителем, не просто семьей, она видела в этом Божественный Промысл, Божественное Предопределение. В замужестве все: небесная радость и земное успокоение. Ведь Сам Господь сказал: и будут двое как один, а это уже таинство мироздания... Но так грезилось в одиночестве; появлялся Феликс — и грезы уплывали как туман под лучами солнца.

Она и шла не просто на свидание, а на праздник судьбы. И даже Смоленская площадь показалась на этот раз не столь уж заповоленной и замусоренной. И было легко и радостно идти, ожидая невероятных свершений и очарования. В руках пакет с курткой на всякий случай и с тяжелой граненой бутылкой французского кагора.

Но даже в душевном восторге сточный Арбат дохнул зловонно — было здесь что-то неестественное и больное не только в обитателях и лицах.

Без четверти три Руся была уже возле Триумфатора под аркой. Ни знакомых, ни приглядных — никого. Но жизнь текла, своя и, видимо, обыденная арбатская жизнь. Здесь никто ни на кого не обращал внимания. Каждый сам по себе. Казалось, все чем-то торгуют, спекулируют, стремясь дождаться дураков, чтобы не оказаться в дураках самим, и в то же время все потерянно слонялись в поисках вчерашнего дня и баксов. И лишь немногие, наверно отрешившись от всего, по одному или кучкой стояли и кричали, полагая, что они поют. Совсем рядом трое молодцев с одной гитарой сидели на бетонной «чужке», преграждающей дорогу транспорту, и один из них ударял всеми пальцами руки по струнам, ярился и выкрикивал непонятные слова и фразы — и это было, наверно, здорово, потому что стояли слушатели. Молодец без конца что-то выкрикивал и выкрикивал; слушатели без конца менялись и менялись — все текло на Сточном, но ничего как будто не менялось.

«И что он кричит? — с напряжением думала Руся, вовсе не понимая, что мешает ее существованию, что угнетает или парализует её — то ли этот крик, то ли палящее солнце — уже и горло пересохло, и голова отяжелела.

И разрозненные мысли как будто плавились и растекались по всему телу, так что и сосредоточить их было уже невозможно. — И на кого он похож, в коже и с хвостом волос на затылке?» — И только это она подумала, как тотчас и поняла без удивления: да это же Феликс, и даже их лица как будто повторялись.

Подошла какая-то девица, наверно с трудом втиснутая в штаны, с голым пупком и спросила:

— Ты кого ждешь, Ашота ждешь?

— Нет, не Ашота, — с трудом ответила Руся, несвязно соображая: «Здесь ведь и заблудиться можно... и примут за гулящую — и никого не позовешь, не окликнешь... все чужие».

Арбат тек, и солнце текло, а певец все шаманил под звон расхлябанных струн.

И когда Руся догадалась взглянуть на часы, то едва не ахнула от удивления: назначенные три часа давно утекли в вечность... Феликса не было, и Руся стала оглядываться по сторонам — можно ведь затеряться и не усмотреть друг друга в этих джунглях. Появилось желание окликнуть: «Феликс!» Во время спохватилась — не окликнула, решила подождать еще минут десять-пятнадцать.

А голова все наливалась и наливалась солнечным жаром, и на смену недавней восторженности уже явилось вялое безразличие. «И что я пекусь на солнце, надо скрыться от солнца», — думала и как будто решила Руся, но даже не двинулась с места... И теперь уже все оборачивалось нелепостью и даже пошлостью — и этот кагор, тяжелый как граната: зачем? — сам и покупал бы; мог бы и не назначать встречу здесь, пришел бы сам на Плющиху...

Руся очнулась — открыла глаза: перед ней стоял форменный арбатец — в джинсовых штанах и в черной с блеском футболке с изображением на груди чудовищных харь — был арбатец щедедушный и остриженный под машинку.

— Ты что молчишь? Я спрашиваю, а ты молчишь... Молчит! — обратился он назад. И Руся только теперь увидела постороннюю иномарку — в проулке, перед лицом: дверцы машины были открыты — двое арбатцев свешивали ноги из салона на асфальт. Третий, в обыкновенной желтой сорочке с длинными рукавами, с мобильником в руке, как будто дремал, стоя возле капота машины. И кто-то из них сказал:

— Крендель, а ты погладь ей ручку, она и заговорит...

И это прозвучало не грубо, даже мирно. Крендель осторожно погладил ей тыльную сторону ладони — и Руся брезгливо усмехнулась.

— Улыбнулась — живая! — известил Крендель. — Ты, Шмара, — спросил он, — ты Феликса ждешь?

Руся так и вздрогнула.

— Да ничего не случилось — не дергайся, я только спрашиваю... Она!

— Понятно, она, какая еще ... так вырядится!

Руся морщила лоб, пытаясь вспомнить, где же она видела этого, с мобильником в руке? И вдруг ясно осенило: «Да это же авантюристы по кухонной технике! Как же его?» — мысленно возмутилась она, и в то же время Крендель окликнул:

— Марк, Крохобор! Это она, это она увела Коня! Что с ней делать?

Марк Крохобор вяло отмахнулся маленькой ладошкой и вяло ответил:

— Что...облей бензином и подожги.

«Во шуточки», — с безразличием подумала Руся, но тотчас же и дрогнула, поняв, что эти молодцы на все способны.

— Неси из багажника...

— Не надо аутодафе, Конь обидеться может, — и поднялся рослый молодец с сидения машины, закурил сигарету. — И как же ты решилась на такое дело?

— На пакостное, — уточнил Крендель.

— Нельзя уводить друзей без их согласия.

— Слышишь, Ш-мара, или не слышишь?! — злобно проскрипел Крендель и самодовольно засмеялся.

Хотелось оттолкнуть этого пошляка и уйти отсюда раз и навсегда. Но Русю как будто сковало, даже возмутиться не было ни сил, ни воли. Она морщилась и лишь поглядывала по сторонам, надеясь увидеть своего защитника.

— А ты, Крендель, прочитай ей мораль. Ты умеешь это делать, — последовало указание.

— Она не поймет — под кайфом, — огрызнулся Крендель и свирепо выкрикнул: — Крохобор! Тебя спрашивают, что с ней делать?!

Марк Крохобор медленно вскинул голову и все так же невозмутимо изрек:

— Обрежь ей платье.

— Да у нее нечего обрезать!

— Моду обрежь, она не в стиле.

— Вот, Шмара, чичас обрезание сделаем. — Крендель достал из кармана нож, нажал на что-то — лезвие пламенем вспыхнуло на солнце. Руся невольно отшатнулась, но спину подпирала арка Триумфатора — и Руся вдруг смертельно испугалась, волосы на голове дрогнули. Крендель заметил это:

— Не трухай, Марфа, резать по живому не буду, я же не Кудеяр... Лапки, лапки вздерни — не мешай работать!

И Руся покорно подняла руки вместе с пакетом, как на примерке у портного. А Крендель, проговорив:

— Именем арбатцев — аб-резание, — присел перед Русей и двумя пальцами оттянул подол. — Вот так — не ниже. — И лезвие ножа с легким потрескиванием вспорол ткань платья.

Руся так и затрепетала, ей показалось, что она даже вскрикнула, но лишь затравленно повела взглядом. Молодцы с гитарой вяло перекусывали или закусывали; несколько прохожих и девка с голым пупком наблюдали за происходящим без всякого интереса, курили; кто-то проходил мимо, не задерживая взгляда; и арбатцы возле машины тоже курили, казалось, с усмешкой поглядывая на обрезание платья. И не было человека, который мог бы защитить...

Уже обвисла отрезанная ткань, уже засветились гладкие бедра, когда Крендель, лезвием ножа слегка приподняв подол, восхитился:

— О-о-о, братцы, а какие у нее трусики красивые — для Коня! — розовые...

Руся не очнулась, не заплакала, не взмолилась, скорее, разум её вовсе угас: руки судорожно дрогнули, она ловко выхватила за горло бутылку с кагором и, вскинув ее над головой, со всего размаха ударила Кренделя по затылку! Звук был такой, как если бы арбуз выпал из рук на асфальт. Крендель покорно ткнулся головой Русе в ноги. И только теперь она вспомнила о Боге: «Господи!» — вскрикнула отчаянно в сердце своем.

Двое из арбатцев подошли к Кренделю... Крохобор тем временем вонзал свой пальчик в цифры мобильного... В проулке появился Феликс... Руся не двинулась, так и стояла с бутылкой в руке... Кренделя подняли под руки — голова не держалась, и тогда его понесли к машине... Руся ловила рукой обрезанный подол, чтобы хоть перед Феликсом прикрыть срам. Но рука будто окостенела, не слушалась — и проделывала бестолковые движения вверх-вниз... Кренделя положили возле машины, намереваясь привести в чувства, чтобы уехать... Подошел и Феликс, поздоровался, коротко глянул на Русю — и как будто усмехнулся ее нелепому виду... Подъехала скорая помощь. Кренделя положили на носилки, на носилках врач и обследовал его... Феликс быстро подошел к Русе:

— Что ты здесь торчишь как дура?! Уходи отсюда! — он резко взял из ее руки бутылку, сунул в пакет. — Уходи! Ты убила его...

— Убила? — с удивлением повторила Руся.

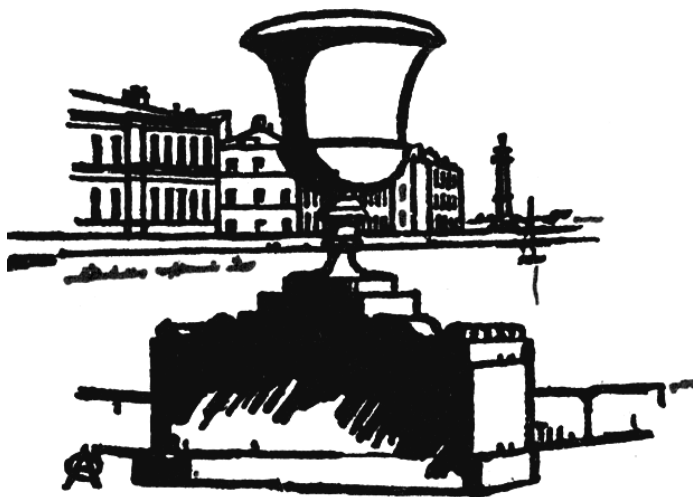
— Уходи, тебе говорят...

— Куда уходить? — сказал за спиной милиционер. — Пройдите вперед, к машине.

Все были налицо, и только Марк Крохобор — исчез.

Здесь, возле машины, и было заведено уголовное дело по статье «Преднамеренное убийство».

Продолжение следует

Рисунки Добужинского

ПОСЛЕДОВКИ

Николай РАЧКОВ

КНИГА О ПАТРИАРХЕ

Рачков Николай Борисович — родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута. Автор многих поэтических книг. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат «Большой литературной премии России», Всероссийской премии имени А. Твардовского, премии «Ладога» им. А. Прокофьева. Живет в городе Тосно Ленинградской области.

Мало быть просто православным писателем, надо быть очень талантливым, объективно мыслящим писателем, чтобы написать книгу о Патриархе Сергии (Страгородском), о его подвиге служения Церкви и Родине в один из самых драматических периодов Русской Православной Церкви в первой половине XX века. Ибо вряд ли найдется другой церковный иерарх такой величины, кто до сих пор вызывал бы столько противоречивых отзывов как в своей стране, так и за рубежом, вокруг имени которого и по сей день не утихают споры и дискуссии.

Писатель, ректор Арзамасского педагогического института им. А.П. Гайдара, доктор исторических наук Евгений Павлович Титков отважился написать такую книгу. Он написал о Предстоятеле Православной Церкви Святейшем Патриархе Сергии, опираясь на многочисленные документы и исследования отечественных и зарубежных церковных и светских историков и публицистов. Доходчиво, ярко, простым строгим языком фактов он рассказал о жизненном пути и деяниях Сергия, отдаленный предок которого был крестником Великой Княжны, а впоследствии императрицы Елизаветы Петровны. Да, вот откуда идет род Ивана Николаевича Страгородского, родившегося в 1867 году в Арзамасе в семье священника Алексеевского монастыря.

Книга повествует о детских и юношеских годах будущего Патриарха, о его учебе, о стремлении посвятить всю свою жизнь служению Богу. Достоинство кни-

Патриарх Сергий

ги заключается еще и в том, что автор рисует не только картину общественной жизни того периода, но раскрывает нам и глубинные пласты внутрицерковных отношений, внутрицерковной борьбы за чистоту православия. Именно тогда выковывался характер Сергия, который впоследствии, являясь Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, будет вести борьбу против раскольников — обновленчества, григорианства, викторианства, иосифлян и других, чтобы легализовать Церковь, а точнее, спасти Церковь для православного народа в России в эпоху утвердив-

шейся большевистской власти.

Именно документ 1927 года, или как его называли «Декларацией 1927 года», и станет тем краеугольным камнем на котором столкнулись в длительной борьбе как явные апологеты Сергия, так и его непримиримые оппоненты. Именно в этом документе сформулирован принцип лояльности православных христиан к советскому правительству.

Был ли прав Сергий?

Автор на основании убедительных документов и фактов однозначно отвечает на этот вопрос так: неумолимая логика исторического процесса в стране в первой половине XX века потребовала от митрополита Сергия именно такого поведения. В тех условиях все другие шаги были бы просто пагубными для самого существования Церкви — не только расколотой, но в большинстве истребленной комиссарами, оболганной.

А мог ли представить Сергий Россию без Церкви?

Правильность его выбора подтвердят дальнейшие политические события в стране, Великая Отечественная война. Вспомнил вождь, вспомнило правительство о том, что сражающийся народ в Отечестве в основном православный. И первым, кто обратился к народу в первый день войны, был Глава Русской Православной Церкви. Его послание заканчивалось такими словами: «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь дарует нам Победу».

Это послание было срочно разослано и зачитано во всех уголках страны. Заметим, что знаменитое «Братья и сестры!» И.В. Сталина прозвучало лишь 3 июля 1941 года. В своем послании, а их за войну было двадцать три, Сергий не упоминает ни большевистскую партию, ни советское правительство, ни Сталина, ни СССР. Но зато он упоминает Россию, слово, которое в двадцатые годы было невозможно упомянуть. И не случайно в послании было подчеркнуто: «Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свою душу за народ и Ро-

дину». Здесь он предвосхитил и обращение Сталина к памяти святых русских князей в ноябрьской речи 1941 года.

Слово Русской Православной Церкви являло великую моральную поддержку сражавшемуся народу. И материальную. Люди отдавали свои сбережения на постройку танков и самолетов. Но самое главное: после длительного периода гонений верующие вздохнули: открывались храмы в городах и селах, и православные молились за своих сыновей, отцов, братьев, сестер, живых и убиенных. Россия воевала против самого страшного врага человечества и одновременно духовно воскресала в этой борьбе.

Один только этот факт перевешивает все кажущиеся весомые доводы противников Сергия, ибо нет ничего превыше долга на земле, как служение Богу, Отечеству.

Евгений Павлович Титков убедительно, на основании существующих документов, показывает в книге, какую вел трудную борьбу Сергий, подробно рассказывает о трагических днях и годах, о церковных деятелях, погибших на кресте эпохи. Он освещает целенаправленную партийную войну против Церкви (была правительственная программа пятилетки по уничтожению православия), ее накал и спад, упоминает о драматической судьбе лидеров государства в этой голгофской бойне. Приводится примечательный факт: всемогущий когда-то Маленков заканчивает свою жизнь церковным псаломщиком.

Таковы парадоксы истории, таковы судьбы людей, которых уравнивает время.

Заслуга автора заключается в том, что он конкретно, документально исследует историю Русской Православной Церкви в конце XIX и первой половине XX веков, отсюда и история государства постигается нами в более полном объеме, и судьба самого Сергия, его поступки становятся понятней и объяснимей на этом фоне. В книге есть изложение философских и богословских постулатов, но читается это легко, интересно, усваивается и запоминается так же просто, естественно, ибо рассказчик талантлив и знает, где и когда сделать паузу, непридуманно перейти от одного поворота событий к другому.

Писателю удалось главное: он показал читателю, какого исторического масштаба была личность Патриарха.

В течение семнадцати лет митрополит Сергей был Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Русской Православной Церкви и заслуга его состоит в том, что он сумел отстоять каноны православия, само существование Русской Православной Церкви при большевистском режиме. И вот потому-то на архиерейском Соборе в сентябре 1943 года именно митрополит Сергей был провозглашен Патриархом Московским и всея Руси. Все признали за ним главенствующую роль, отдавая должное его христианскому подвигу в течение этих семнадцати лет, да что там — всей жизни. Скажем просто: Бог так распорядился.

Книга Евгения Павловича Титкова — умное и полезное чтение, ее надо читать, чтобы глубже узнать историю Русской Православной Церкви, историю государства в первой половине XX века.

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Юридический адрес:
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(911) 180-45-51

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. Ефимовской В.В.

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Корректор *Г.А. Ильина*
Дизайн обложки *Г.Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т.Б. Макаровой*

Подписано в печать 15.06.2008 г. Формат 70х100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 16,9.
Тираж 1000. Заказ .

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.